

Леонид Люкс

**«Особые пути» России и
Германии в XX веке:
параллели и контрасты.
Сборник статей**

**Исторические исследования.
Книжное приложение к журналу
«Форум новейшей восточноевропейской
истории и культуры»
Том 3**

Айхштетт 2023

Леонид Люкс

«Особые пути»
России и Германии в XX веке:
параллели и контрасты.
Сборник статей

Исторические исследования.
Книжное приложение к журналу
«Форум новейшей восточноевропейской
истории и культуры»

Том 3, 2023

Адрес редакции:
Zentralinstitut für Mittel- und Osteuropastudien
Katholische Universität Eichstätt-Ingolstadt
Marktplatz 7
D-85072 Eichstätt

Содержание

Вступление	5
I. Исторический пролог	
I.1. Программные манифесты двойной тоталитарной революции 20 века – «Основы 19 века» Х. С. Чемберлена и «Что делать?» Ленина	10
II. Антизападничество в России и Германии после Первой мировой войны	
II.1. Борьба с Западом и стремление к «новому величию» – Советская Россия и Германия между Рапалльским договором и немецким «Октябрем» 1923 года	40
II.2. Соблазн антизападничества в России и Германии на примере Евразийского движения и Консервативной революции в Веймарской республике	55
III. Советско-германские отношения в 1930-е годы	
III.1. Лев Троцкий в борьбе против Гитлера, Сталина и сталинской «теории фашизма» (1930-1933)	69
III.2. Советский Союз, Германия и Запад в 1930-е годы: к предыстории Второй мировой войны	80
IV. Тоталитарные утопии у власти	
IV.1. Идеологические и политические причины недооценки фашизма и национал-социализма идеологами Коминтерна	108
IV.2. О двойственности сталинизма и национал-социализма	121
IV.3. Краткие заметки о характере тоталитарных движений и режимов	127

IV.4. Парадоксы Сталинграда: «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана	130
IV.5. Польский поэт Александр Ват о соблазнах тоталитаризма и о России как «двуликом Янусе»	137
V. Постсоветская Россия и Германия: «невыученный урок»?	
V.1. Против Запада: Заметки о сходствах и различиях между Веймарской республикой и постсоветской Россией.	149
V.2. «Третий путь» или назад в «Третий рейх»? Журнал Александра Дугина «Элементы» (1992-1998)	164
V.3. Тоталитарное прошлое России и Германии и пути его преодоления. Краткие заметки к статье Льва Гудкова «Как мы думаем»	180
Коротко о книге	186
Коротко об авторе	187

«Особые пути» России и Германии в XX веке: параллели и контрасты – вместо вступления¹

XX столетие, окончившееся в Европе победоносным шествием либерально-демократических идей, начиналось с бунта против плюралистически устроенных обществ и отстаиваемых ими ценностей. В своем радикализме бунт этот превзошел все предшествующие волнения подобного рода. Германия и Россия образовали центр этого восстания против ценностей, которые принято ассоциировать с Западом. Конечно, необходимо иметь в виду, что этот бунт в Германии, с одной стороны, и в России с другой вдохновлялся диаметрально противоположными идеями.

Несмотря на то, что Германия была частью западного мира, радикальная критика многих конститутивных для этого мира ценностей являлась традиционным элементом немецкой культурной истории. Еще Федор Достоевский назвал Германию «страной протестующей».²

Иначе дело обстояло в России. Здесь отталкивание от Запада вдохновлялось западными же идеями, прежде всего идеями Французской революции 1789 года. В 1917 казалось, что России суждено стать новым прибежищем идеалов 1789 года, которые якобы предала западная буржуазия.

Почему Германия и Россия оказались особенно восприимчивыми к тоталитарным искушениям, хотя и с разными знаками? Возможно, это было связано с особенно глубоко укорененной тоской в обеих странах по преодолению внутреннего раскола – в Германии национального, в России социального.

Эйфория, настигшая Германию ко времени германских войн за объединение и прежде всего во время германо-французской войны 1870/71 гг., представляла собой своего рода революцию – вместо неудавшейся революции 1848/49 гг., не решившей национального вопроса.

Объединение Германии, воспринимавшееся многими немцами как своего рода завершение национальной истории, было связано с эйфорическими ожиданиями. Некоторые даже спрашивали себя, почему именно их поколение заслужило честь быть свидетелем эпохальных изменений. Историк Генрих фон Сьубелль в письме своему коллеге Герману Баумгартену от 27 января 1871 г. точно выразил это со-

¹ Сокращенная версия доклада, прочитанного 2-го июля 2015 г. в Мюнхене в рамках конференции „Zukunft gestalten im Dialog. Deutschland– Russland“. Расширенная письменная версия этого доклада была опубликована в журнале «Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры» 2/2016

² Достоевский Ф. Дневник писателя за 1877 год. Имжа-Пресс Париж, б.г. С. 8-9.

стояние: «Чем мы заслужили милость божью переживать столь великие грандиозные события? Как же нам жить после этого? То, что 20 лет было содержанием всех желаний и стремлений, теперь сбылось бесконечно великолепным образом! Как же теперь жить дальше, где в мои годы найти новый смысл, необходимый для продолжения жизни?»³.

Однако история, в противоположность тезису американского политолога Фрэнсиса Фукуямы, не имеет конца – она продолжается. Эйфория в Германии очень быстро пошла на убыль, так как ожидавшееся национальное примирение, несмотря на беспрецедентные внешнеполитические успехи Бисмарка, так и не состоялось. Пыл 1870/71 гг. быстро остыл. Нация осталась внутренне расколота и сотрясаемой религиозными, территориальными и социальными проблемами, до того момента, когда идеи лета 1914 г. спаяли нацию, не знавшую «больше никаких партий», так же как и в 1870/71 гг., казалось, в монолит. Военное вдохновение лета 1914 г. представляло собой, конечно же, общеевропейский феномен, но только в Германии оно стало новым этапом в процессе построения нации. Для борцов за «органическое» единство нации этот процесс, однако шел не так далеко, как им хотелось. То, что «непобедимая на поле боя» армия в конце концов все-таки проиграла эту войну, многие объясняли слабостью на внутреннем фронте. Теперь борьба за органическое единство нации, за искоренение всего чужеродного, стоявшего на пути этого процесса, начала принимать все более несуразный характер и потеряла всякую связь с реальностью. Только в этой атмосфере⁴ могла быть осуществлена все упрощающая «программа» расовых антисемитов, определявших евреев истинными виновниками всех бед немцев. Захват власти Гитлером, который был напрямую связан с исключением евреев из общественной жизни Германии, рассматривался многими немцами своего рода продолжением начатого в 1864-1871 гг. и обновленного в 1914 г. процесса объединения, своего рода революцией. Это упоение объединением особенно наглядно описано в биографии Гитлера Иоахима Феста⁵.

Что касается России, то она пережила похожую эйфорию не в 1914, а в 1917 г. Война в России не была связана, не считая тонкого слоя образованных людей, с ожиданиями блага и спасения, это наступило только с революцией 1917 г. Федор Степун писал в своих воспоминаниях об атмосфере, которая царил в стране непосредственно после свержения Николая II: «В те дни все, от социалистов до черносотенцев, были революционерами и демократами».⁶

³ Цит. по: Gall L. Bismarck. Der weiße Revolutionär. Frankfurt/Main, 1980, P. 467.

⁴ См. Rauschnig H. The Conservative Revolution. New York, 1941. P. 262-263.

⁵ Fest J. C. Hitler. Eine Biographie. Frankfurt/Main, 1979. P. 513–570.

⁶ Stepun F. Die Mission der Demokratie in Russland//Hochland 23, Oktober 1925-März 1926. P.417.

Идеализация революции имеет в России длинную предысторию. Воплощением этой идеализации была в первую очередь русская интеллигенция – феномен, у которого на Западе, как справедливо подчеркивает кёльнский историк Теодор Шидер, не было эквивалента⁷. Мышление интеллигенции носило манихейские черты. Зло символизировало для нее царское самодержавие, добро – простой русский народ, и она исходила из того, как указывает Семен Франк, что механическое устранение зла автоматически приведет к победе добра⁸. Бескомпромиссная революционная деятельность интеллигенции привела к тому, что она не придавала значения глубоким метафизическим вопросам, так как занятие ими отвлекало, якобы, от борьбы за освобождение народа, добавляет Николай Бердяев. Чистый материализм и атеизм являлись единственным интеллектуальным багажом интеллигенции⁹.

Лишь «идеалистический поворот», захвативший к началу 20-го века часть русской интеллигенции, привел к постепенному отказу от обожествления революции. Однако эта смена парадигм наступила слишком поздно, так как хилиастические мечтания интеллигенции, ее вера в исцелительную силу революции уже заразили простой народ, до этого еще укорененный в допетровском мироощущении. Для народных слоев на протяжении поколений государство воплощал православный царь. Будучи солдатами, они боролись за Веру, Царя и Отечество. Георгий Федотов указал в связи с этим на то, что понятию Отечество в этой триаде не случайно отводилось последнее место¹⁰. Идея современного национального государства, считавшегося независимо от религиозных коннотаций вершиной создания, к началу 20-го века проникла лишь в часть образованного слоя России. Низшие слои российского общества, правда, и пережили процесс модернизации, приведший на рубеже веков к ослаблению их привязанности к церкви и царю; но они так и не нашли привязки к современной идее национального государства. Они находились в подвешенном состоянии между прошлым и будущим, и этот мировоззренческий вакуум все сильнее заполнялся идеей революции. Вера в революцию представляла собой замену тогдашней в значительной мере опустошенной вере в православного царя. Таким образом революционная интеллигенция выиграла свою длящуюся десятилетиями конкурентную борьбу с царской бюрократией за «душу» народа.

⁷ Schieder Th. Das Problem der Revolution im 19. Jahrhundert / его же. Staat und Gesellschaft im Wandel unserer Zeit. Studien zur Geschichte des 19. und 20. Jahrhunderts. München, 1970. P. 42-44.

⁸ Франк С. Этика нигилизма / Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 175–210.

⁹ Бердяев Н. Философская истина и интеллигентская правда / Вехи. С. 1–22.

¹⁰ Федотов Г. Революция идет // Современные Записки, 39, 1929. С. 306–359.

Интеллигенция «просветила» народ, чьи традиционные представления были поколеблены, писал в 1908 г. Сергей Булгаков. Эта «победа», однако, будет иметь для России трагические последствия, продолжал Булгаков¹¹.

При этом необходимо добавить, что современные революционные учения, с помощью которых интеллигенция пыталась «просветить» народ, смешивались с традиционными идеалами справедливости низших слоев российского общества, носящих ярко выраженный эгалитарный характер. «Из всех форм справедливости равенство всего больше говорит русскому сознанию» – писал Г. Федотов¹².

После падения царской монархии в 1917 г. эгалитарная эйфория, овладевшая российским населением, приняла стихийные масштабы и направилась против иерархического принципа как такового, являющегося для каждого государства основополагающим принципом построения. Все политические партии России пытались сдержать этот эгалитаристский восторг, грозивший смести всю цивилизаторскую «надстройку» страны, – но только не большевики. Ленин разжигал и дальше стремление к освобождению от всех форм неравенства, созданию «органического», единого социального организма и к уничтожению «буржуазного государства». Ибо он знал, что только на его руинах могло быть построено воображаемое им «партийное государство нового типа».

Результатом восстаний против ассоциируемых с Западом идей было возникновение тоталитарных режимов в России и в Германии. Цели, которых эти режимы пытались достичь, были сформулированы еще некоторыми радикальными мыслителями XX века, однако по характеру своему эти цели казались совершенно утопическими. В XX в. выяснилось, однако, что эти утопии не столь далеки от реальности, как это представлялось вначале.

Анализу причин успехов и поражений тоталитарных режимов в России и Германии, их сходствам и различиям, а также их идеологическим истокам посвящена эта книга.

Теперь коротко о структуре книги. Ее первые четыре части будут посвящены двойной тоталитарной революции 20 века, центрами которой были Россия и Германия, а также истокам этих событий. Кроме того, в этом разделе будут представлены антизападные течения, широко распространенные в Веймарской Германии и в русской эмиграции на примере «Консервативной революции» и евразийского движения. Завершит книгу раздел, в котором будут проанализированы параллели и различия между постсоветской Россией и Веймарской Германией. После распада Советского Союза Россия превратилась в «уязвленную державу», стремящуюся восстановить свои пошатнувшиеся

¹¹ Булгаков С. Два града. Исследование о природе общественных идеалов. М., 1911. Т. 2. С. 159–163.

¹² Федотов Г. Народ и власть // Вестник РСХД, 94, 1969. С. 89.

гегемонистские позиции. В этом отношении положение постсоветской России напоминает положение Германии после Первой мировой войны. Не в последнюю очередь по этой причине термин «веймарский синдром» неоднократно применялся к России начиная с 1990-х годов. После «переломного момента» 24 февраля 2022 года это германско-российское сравнение приобрело дополнительную актуальность. Поэтому важно вновь обратиться к «веймарскому синдрому»: как к немецкому «оригиналу», так и к его российской «копии».

Так как статьи, вошедшие в этот сборник, публиковались ранее в разных изданиях независимо друг от друга, они содержат иногда некоторые повторения, которых полностью избежать не удалось. Кроме того, хочу подчеркнуть, что тексты сборника, это, как правило, эссе и зарисовки, которые не претендуют на то, чтобы полностью исчерпать заданные темы, а пытаются лишь к ним приблизиться.

Книга эта является расширенной и актуализированной версией сборника статей, который был опубликован в 2014 году в первом томе книжного приложения к журналу «Форум», под названием «Два облика тоталитаризма. Сравнительные очерки об истоках и характере большевизма и национал-социализма».

См. также мою книгу «К столетию «философского парохода». Мыслители «первой» русской эмиграции о русской революции и о тоталитарных соблазнах XX века». *Soviet and Post-Soviet Politics and Society*. Vol. 265. Edited by Andreas Umland. *ibidem Verlag*, Stuttgart 2023.

I. Исторический пролог

I.1. Программные манифесты двойной тоталитарной революции XX века: *Основы XIX века* Чемберлена и *Что делать?* Ленина*

Эрозия либеральных идей, наблюдавшаяся в Европе с 70-х годов 19-го века¹, дополнительно ускорилась в конце столетия. Они снова, как и в 70-х – 80-х гг. 19-го века, подверглись нападению справа и слева. И снова это были не «массы», которых все опасались, а влиятельные представители образованных слоев населения, которые боролись с такими ценностями как толерантность и гуманность с особой радикальностью и ненавистью. Не бунт масс, а восстание интеллектуальной элиты нанесло европейскому гуманизму решающий удар – писал в 1939 г. русский эмигрантский историк Георгий Федотов².

Самые серьезные поражения европейский гуманизм потерпел в борьбе с двумя идейными течениями, которые хоть и являлись порождением в целом либерального 19-го века, но свой разрушительный потенциал смогли развить лишь в тоталитарном 20-м столетии: с теорией классовой борьбы и с расовым учением. основополагающие труды обеих школ – *Манифест Коммунистической партии* Маркса и Энгельса и *Опыт о неравенстве человеческих рас* графа Гобино – появились практически одновременно. Оба труда возникли на границе

* Письменная версия лекции, прочитанной в рамках научно-учебного семинара «Запад и Восток: универсализм культур» Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ (16.11.2020). Текст этот опирается на мою статью, опубликованную в интернет-журнале «Гефтер» 12.3.2014 (печатается с некоторыми изменениями) и на мою книгу «К столетию философского парохода». Мыслители «первой» русской эмиграции о русской революции и о тоталитарных соблазнах XX века. Издательство ibidem Stuttgart, 2023. Немецкая версия этого текста была опубликована в журнале „Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte 1/2007.

¹ См. на эту тему: Boehlich W. (Ed.). *Der Berliner Antisemitismusstreit*. Frankfurt/Main, 1965; Nipperdey Th. *Deutsche Geschichte 1866-1918. Zweiter Band. Machtstaat vor der Demokratie*. München, 1992. P. 382–408; Pulzer P. G.J. *Antisemitismus in Deutschland und Österreich 1867 bis 1914*. Gütersloh, 1966; Claußen D. *Vom Judenhass zum Antisemitismus. Materialien einer verleugneten Geschichte*. Darmstadt, 1987. P. 94–108; Luks L. *Die Sehnsucht nach der „organischen nationalen Einheit“ und die „jüdische Frage“ im publizistischen Werk Fedor Dostoevskijs und Heinrich von Treitschkes / Anton F. / Luks L. (Eds.). Deutschland, Russland und das Baltikum. Beiträge zu einer Geschichte wechselvoller Beziehungen. Festschrift zum 85. Geburtstag von Peter Krupnikow*. Köln, 2005. P. 155–186.

² Федотов Г. *К смерти или к славе?* // *Новый Град* 14, 1939. С. 102.

двух эпох – романтизма с одной стороны, и научно-позитивистского периода с другой – и оказались под влиянием мышлений и верований обеих эпох. Не в последнюю очередь именно этот синтез придал им особенную привлекательность. Романтические черты носила у Маркса и Энгельса и у Гобино вера в «Золотой век» человечества и в богоподобного спасителя во плоти. Вместе с этим они были убеждены, что открыли непреложные законы истории и научно их подтвердили. С этой верой в науку они уже шли в ногу с позитивистским духом времени, который начал утверждаться к середине 19-го века.

Как Маркс и Энгельс, так и Гобино были историческими детерминистами, но с одной разницей: концепция авторов *Манифеста Коммунистической партии* отличалась безграничным оптимизмом, а труда Гобино – безграничным пессимизмом.

Маркс и Энгельс были убеждены в том, что нашли в пролетариате нового мессию, свободного от греха эксплуатации человека человеком. Практически ничего больше не связывало промышленного пролетария со старым, пронизанным классовой борьбой миром. Поэтому его предназначением было разрушить этот греховный мир и ввести человечество в «Золотой век» бесклассовости.

Для Гобино спасителем была белая раса. Он пишет «(История) показывает, что всякая цивилизация берет начало от белой расы и ничто не может долго поддерживаться без ее участия, что общество может быть великим и процветать лишь в той мере, в какой оно сохраняет сотворившую его благородную группу»³. Что, однако, чрезвычайно огорчало Гобино, так это, как ему казалось, постоянный упадок этого, как он говорил, «благороднейшего» рода человеческого, происходящий из-за смешения с другими расами: «смешение, смешение везде, смешение всегда»⁴, – огорченно жаловался один из основателей расовой теории. «Золотой век», который для Маркса и Энгельса должен был прийти лишь в «светлом будущем», находился для Гобино в глубокой древности, и он утверждал: «что брахманы Древней Индии, герои «Илиады» ... и скандинавские воины являют нам более благородный и прекрасный образ человечества ..., нежели смешанные народы нынешнего времени»⁵.

Однако для расового пуриста Гобино даже «арийские» «герои великих эпох прошлого» не были безупречны: «В их жилах тоже уже не текла чистая кровь», пишет он ⁶. Еще тревожнее выглядело для Гобино будущее человечества: оно

³ Graf Gobineau A. Versuch über die Ungleichheit der Menschenracen. Vol. 1–4. Stuttgart, 1904. зд.: Vol. 1. P. 285.

⁴ Там же. Vol. 4. P. 313.

⁵ Там же. Vol. 1. P. 283-284.

⁶ Там же. P. 32, 284.

подвергается распаду и неудержимо вырождается, так как из-за постоянного смещения белая раса теряет свою чистоту⁷. В конце этого процесса упадка произойдет окончательное вымирание. Но еще страшнее, чем неизбежная гибель человечества, была для Гобино следующая перспектива: «прискорбнейший прогноз это не смерть, а уверенность в том, что мы придем к ней обесчещенными»⁸.

Мрачные прогнозы Гобино напоминают апокалиптические видения испанца Доносо Кортеса и других сторонников теорий декаданса, широко распространившихся в середине 19-го века. При этом тогдашние «культурные пессимисты» не делали различия между упадком старой аристократической Европы и упадком европейской культуры как таковой⁹.

Пессимистически были тогда настроены, однако, не только сторонники «старого режима», но и его противники, поскольку их попытка добиться внедрения либеральных, демократических или социалистических принципов после провала революции 1848/49, казалось, потерпела полное фиаско. Таким образом, опыт 1848/49 показал многим противникам старого режима, что существовавший политико-социальный строй нельзя было свергнуть снизу. Часть же правящего консервативного истеблишмента, с другой стороны, поняла, что «работа с общественностью» является чрезвычайно важным элементом политики и что в долгосрочной перспективе бороться против господствующих в обществе идей, против «духа времени», бесполезно. Осознание этого привело к компромиссу, позволившему существовавшей системе интегрировать все большее количество ее прежних противников. Националистская идеология стала при этом связующим звеном, отвлекавшим все более широкие слои населения от внутренних конфликтов.

Так практически окончилась революционная эпоха на Западе после 1849 года. Правящие круги могли облегченно вздохнуть, культурно-пессимистические видения, грозившие потрясти самосознание европейцев в середине 19-го века, появлялись в последующие десятилетия все реже. Вместо этого западная часть европейского континента пережила во второй половине 19-го века мощный процесс индустриализации, модернизации и либерализации.

Также и марксистски ориентированное рабочее движение, одна из последних влиятельных группировок Запада, принципиально отвергавших «буржуазное государство», в уходящем 19-м столетии начала интегрироваться в существовавшую систему.

⁷ Там же Р. 32.

⁸ Там же. Vol. 4. Р. 323.

⁹ См. также: Luks L. Dekadenzängste und Rußlandfurcht – zwischen Wiener Kongreß und Krimkrieg // Tel Aviver Jahrbuch für deutsche Geschichte. 24, 1995. Р. 15–39.

Пролетариат, с которым Маркс и Энгельс связывали свои хилиастические надежды, все меньше и меньше интересовался революцией. Такие события как восстание парижских рабочих в июне 1848 или парижская коммуна 1871 года остались лишь периферийным явлением.

Успешная индустриальная революция представлялась для классиков марксизма предпосылкой для победы пролетарской революции. Реальное же историческое развитие событий пошло по точно противоположному сценарию. Только там, где индустриальная революция не произошла своевременно, у вдохновленной марксистскими идеями революции был шанс. Не в высокоразвитых индустриальных государствах, а в аграрных и развивающихся странах могли быть реализованы выдвинутые в *Манифесте Коммунистической партии* постулаты. На высокоиндустриальном Западе же наступило смягчение классовых противоречий, которые Маркс считал ранее непреодолимыми. Промышленная революция начала приносить плоды, и рабочие могли уже потерять больше, чем просто их оковы. Не в последнюю очередь из-за этого немецкий социал-демократ Эдуард Бернштейн пытался в своей вышедшей в 1899 г. книге *Основы социализма и задачи социал-демократии* привести марксизм в соответствие с действительностью, какой он ее видел. Крах капитализма не предстоит в ближайшем будущем, утверждал он. Поэтому СДПГ должна отказаться от своей революционной риторики и совместно с либеральными группировками начать работать над реформированием существовавшего общества.

Тезисы Бернштейна хотя и были отвергнуты большинством лидеров созданного в 1889 году Социалистического интернационала, но растущее влияние сторонников эволюционного развития в западном рабочем движении нельзя было не заметить.

Между тем, смягчение классовых противоречий на Западе было вызвано не только успешной индустриальной революцией, но косвенно и самим Марксом, точнее, вдохновленным им движением. В своем выступлении на учредительном собрании Первого интернационала в сентябре 1864 Маркс сказал о целях данной организации следующее: рабочий класс может использовать в борьбе за эмансипацию только свою численность, так как других средств у него нет. Но без организации и теоретических знаний численности недостаточно. Если рабочий класс намерен вести с капиталистическим государством успешную борьбу, то ему необходимо противопоставить мощному экономическому и политическому потенциалу государства соответствующую организацию и всеобъемлющую теорию¹⁰.

¹⁰ Marx K./Engels F. Werke (MEW). Vol. 1–39. Berlin, 1959–1968. зд.: Vol. 16. P. 5–16.

Основанному в 1864 г. 1-му Интернационалу не удалось реализовать эти марксистские постулаты. Он распался как раз из-за организационной слабости и недостатка теоретической гомогенности. Партии основанного в 1889 г. Второго Интернационала, напротив, представляли собой мощные организации с общим объединяющим их теоретическим звеном (марксистской идеологией).

Их организаторская сила и идеологическая гомогенность помогли теперь важнейшим социал-демократическим партиям на Западе добиться значительных политических и экономических успехов. Все меньше стран могло позволить себе отказать рабочим в праве на забастовку, также и всеобщее избирательное право, идущее однозначно на пользу промышленным рабочим, распространялось на все новые государства. Кроме того, марксисты начали все сильнее влиять на политический дискурс в Европе. Они привлекали внимание многих общественных кругов к рабочему вопросу. Даже в Ватикане, хотя и со значительным опозданием, рабочий вопрос стал одним из самых насущных вопросов того времени. Польский теолог Стемпа комментировал подобное положение дел так: «Мы должны сравнить две даты. В 1848 г. был опубликован *Манифест Коммунистической партии*, в 1891 г. – энциклика Папы Римского о социальной политике *Rerum novarum*. То есть церковь опоздала на 40 лет. Без этого опоздания сегодняшняя религиозная ситуация, наверное, выглядела бы иначе»¹¹.

Как бы там ни было, к заслугам марксистов, несомненно, относится тот факт, что рабочий вопрос и для не марксистов стал делом чрезвычайной важности. Это существенно повлияло на решение данного вопроса.

Атака справа

С другой стороны, как раз успехи рабочего движения возбудили снова апокалиптические ожидания в лагере сторонников существовавшего общественного порядка. Либеральная демократия была, по их мнению, не в состоянии адекватно отреагировать на этот новый вызов. Начался чрезвычайно глубокий кризис идентичности парламентаризма и либерализма. Этот кризис был связан с растущим скепсисом в ведущих интеллектуальных кругах Запада по отношению к позитивистской вере в прогресс и науку и с недоверчивым отношением к рационалистским моделям. Начался поиск альтернатив к парламентско-демократической системе, стремление к обновлению или возрождению правящих элит (В. Парето). Характерный для либеральной эпохи поиск компромиссов с внутривластными противниками критики

¹¹ Цит. в.: Żakowski J. Pół wieku pod włos // Magazyn Gazety Wyborczej 24.3.1995. P. 8.

парламентаризма и либерализма отвергали категорически. Они выступали за *децизионистские* решения, за устранение политического противника, если необходимо, то даже при помощи т. н. «прямого насилия». К одной из опаснейших угроз для европейской цивилизации стилизовалось теперь многими правыми критиками либерализма так называемое «восстание масс». А организованное рабочее движение они считали опаснейшей формой этого восстания. Чтобы противостоять этой идущей снизу опасности некоторые антилиберальные группировки, например, социал-дарвинисты, предлагали пересмотреть традиционные понятия морали. Так, по их мнению, не слабые и дискриминированные должны были быть защищены от сильных, а, наоборот, сильные и лучшие – от слабых, т. е. от массы. Сострадание по отношению к слабым социал-дарвинисты считали полностью отжившим себя обязательством. Они идеализировали законы биологической природы и пытались применить царящее в природе право сильнейшего к обществу¹².

Евреи были для многих воинствующих противников Новой эпохи предводителями «восстания масс». Они, якобы, подстрекали «законопослушные» нижние слои населения на борьбу против сословных привилегий и социальных изъятий. Пущенное немецким историком Генрихом фон Трейчке в 1879 г. в оборот изречение «Евреи — наше несчастье»¹³ стало на рубеже веков общим достоянием многих группировок по всей Европе. «Респектабельность» Трейчке, казалось, добавляла антисемитским мифам дополнительную достоверность – как, например, мифу о «еврейской прессе», разлагающей нравы, или о «еврейских богохульниках», подстрекающих якобы благочестивых христиан к отказу от их традиционных представлений о вере.

Предложения Трейчке по поводу решения «еврейского вопроса» оказывались, однако, для многих его «последователей» недостаточно радикальными. Несмотря на свою неприязнь к евреям, становящуюся все более интенсивной, Трейчке все же не полностью освободился от некоторых либеральных представлений и неоднократно повторял, что еврейскую эмансипацию, как таковую, он под вопрос не ставит.

Подобные остатки либерального мышления вызывали у последователей Трейчке только насмешку. По их мнению, решение «еврейской проблемы» требовало совершенно новых методов. С особой решительностью отстаивал подобные новые формы подхода к еврейству англо-немецкий публицист Хьюстон Стюарт Чемберлен, чье произведение *Основы XIX века*, вышедшее в

¹² См. кроме прочего также: Zmarzlik H. G. Der Sozialdarwinismus in Deutschland. Ein geschichtliches Problem // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte 1963. P. 246–273.

¹³ von Treitschke H. Unsere Aussichten / его же. Aufsätze, Reden, Briefe. Vol. 4. Schriften und Reden zur Zeitgeschichte II. Meersburg, 1929. P. 466–482.

1899 г., стало как бы обязательным чтением для бесчисленных его поклонников в Германии и за ее пределами¹⁴.

При этом нельзя забывать, что этот труд, пытавшийся объяснить религиозные, исторические и культурные основы европейской цивилизации, был написан дилетантом, который сам о себе говорил, что он не специалист и не ученый: «Я не только не ученый, а я еще и органически не способен когда-либо стать таковым»¹⁵.

Так было и на самом деле. Псевдонаучный памфлет Чемберлена вызвал презрительно-иронические реакции многих специалистов, о чем неоднократно жаловался сам Чемберлен: «Эти профессорские предрассудки в Германии почти уже стали бедствием» – писал он 4 января 1902 г. кайзеру Вильгельму II.¹⁶, одному из самых больших почитателей *Основ*.

Что же стало причиной чрезвычайной популярности книги Чемберлена, несмотря на крайне скептическую реакцию многих ученых? Это была, без сомнения, претензия Чемберлена на открытие закономерности истории. Практически в марксистской манере он заявлял, что открыл причину причин, *prima causa* исторических процессов, которой являлась для него смертельная схватка между, как он говорил, «чрезвычайно созидательной» арийской и, соответственно, индоевропейской расой и ее якобы радикальнейшим «врагом» – семитизмом и, соответственно, еврейством.

Будучи страстным почитателем Рихарда Вагнера, его биографом и ведущим публицистом вагнеровского байройтского кружка (*Bayreuther Kreis*), Чемберлен продолжил борьбу своего наставника против еврейства, которому вменялась ответственность за «упадок нравов» современного мира. С согласием и одобрением Чемберлен цитировал и данное Вагнером определение еврейства, которое композитор называл «пластическим демоном упадка человечества»¹⁷.

Между тем, боевой памфлет Чемберлена шел дальше программы Вагнера, зафиксированной особенно отчетливо в его работе *Еврейство в музыке*. Вагнер

¹⁴ См. кроме прочего также: Bein A. Die Judenfrage. Biographie eines Weltproblems. Stuttgart, 1980. Vol. 1. P. 228-230.

¹⁵ Chamberlain H. S. Briefe 1882–1924 und Briefwechsel mit Kaiser Wilhelm II., Vol. 1–2. München, 1927. зд.. Vol. 1. P. 60. См. там же. P. 54.

¹⁶ Там же. Vol. 2. P. 145f.; В своих воспоминания Чемберлен жаловался на то, что «в Германии ... только квалифицированный специалист может писать историю» (Chamberlain, H. S. Lebenswege meines Denkens. München, 1919. P. 144).

¹⁷ Chamberlain H. S. Richard Wagner /его же. Gesamtausgabe seiner Werke in neun Bänden. München, 1923. Vol. 1. P. 224.

призывал евреев отказаться от их еврейства: «совместно с нами стать человеком, для еврея значит, прежде всего, перестать быть евреем»¹⁸.

Чемберлен считал подобную самоликвидацию еврейства, в сущности, невозможной¹⁹.

Соскучившиеся по простым решениям псевдоинтеллектуальные читатели Чемберлена были безмерно благодарны автору за его «ключ» к разгадыванию «смысла истории». Так, Вильгельм II. писал 31 декабря 1901 автору *Основ*: «И тут являетесь Вы, и как прикосновением волшебной палочки Вы вносите порядок в хаос, свет во тьму; цели, к которым надо стремиться; объяснения для смутных догадок, пути, по которым надо пройти во благо немцев и тем самым во благо всего человечества!»²⁰.

Козима Вагнер, отреагировавшая почти также эйфорически на книгу, писала Чемберлену 15 февраля 1902: «Ваши *Основы* – наиболее читаемая книга во всех сословиях, и при встрече с его величеством кайзер неоднократно повторял: "Так считает и Чемберлен". Вам удалось достичь чрезвычайного влияния, друг мой»²¹.

Что, однако, в связи с этим удивляет, так это тот факт, что книга Чемберлена нашла признание не только в кругу бесчисленных дилетантов, но также и среди некоторых ученых, которые, как и полубразованные читатели *Основ*, стремились к одной магической формуле, с помощью которой можно было бы объяснить трудно понятный ход истории. К «соблазненным» этой идеей относился и один из самых известных протестантских теологов того времени: Адольф фон Гарнак. Историк церкви Вольфганг Кинциг, выпустивший недавно переписку между Гарнаком и Чемберленом, пишет: «Остается загадкой, как такой мыслящий историк мог "попасться на удочку" пафосной риторики и блестящего шарма философски и теологически во всех отношениях полубразованного Чемберлена». Кинциг добавляет: «Другие, в отличие от Гарнака, были проникательнее. Достаточно сравнить острые замечания Франца Овербека по поводу Чемберлена, чтобы понять, что было *не обязательно* подпадать под риторическое искусство соблазнения публициста, что можно было распознать в Чемберлене то, чем он являлся: ... "дилетанта", относящегося к себе

¹⁸ Wagner R. Das Judentum in der Musik / Fischer J. M. Richard Wagners „Das Judentum in der Musik“. Eine kritische Dokumentation als Beitrag zur Geschichte des Antisemitismus. Frankfurt/Main-Leipzig, 2000. P. 173.

¹⁹ Chamberlain H. S. Die Grundlagen des neunzehnten Jahrhunderts. Ungekürzte Volksausgabe. München, 1932. P. 382–388.

²⁰ Chamberlain. Briefe. Vol. 2, P. 142.

²¹ Цит. по: Kinzig W. Harnack, Marcion und das Judentum. Nebst einer kommentierten Edition des Briefwechsels Adolf von Harnacks mit Houston Stewart Chamberlain. Leipzig, 2004. P. 212.

самому слишком серьезно, которого поэтому и нельзя было принимать всерьез»²².

Книга Чемберлена содержала, однако, не только «простые» ответы на сложные вопросы истории человечества, но и руководство к действию. Чемберлен показывал, какие средства были в прошлом использованы для поворота хода истории, пронизанной якобы борьбой между арийской и семитской расами, в благотворное для арийства направление. В связи с этим он говорил с восхищением о борьбе древнего Рима с семитской угрозой и об уничтожении Римом в 146 г. до н. э. Карфагена, который в то время был, с точки зрения Чемберлена, главным очагом «семитской опасности». Он пишет: «Одно ... ясно как солнце в полдень: если бы финикийский народ не был бы уничтожен, ... то человечество никогда не пережило бы этот 19-й век, на который мы сейчас, при всем смиренном признании наших слабостей ... все-таки с гордостью ... оглядываемся. При несравнимой стойкости семитов хватило бы и малейшей пощады, чтобы финикийская нация вновь зародилась; в полусожженном Карфагене их огонь жизни продолжал бы тлеть под пеплом, чтобы, как только Римская империя приближалась бы к распаду, снова вспыхнуть ярким пламенем В евреях мы можем видеть другую, но не менее опасную разновидность яда... и нужно быть слепым или нечестным, чтобы не признавать, что проблема еврейства в нашем обществе относится к наисложнейшим и опаснейшим проблемам современности»²³.

А так как евреи после исчезновения финикийцев представляли собой якобы наибольшую оставшуюся опасность для арийской расы, Чемберлен был бесконечно благодарен римлянам за их «подготовительную работу», за их другое разрушительное деяние, которое «для мировой истории обладает, наверно, таким же огромным значением» как и разрушение Карфагена – разрушение Иерусалима: «Без этого поступка, пишет Чемберден, ... христианство едва ли когда-либо вырвалось бы из иудаизма. (... Мы) получили бы таким образом реформированный христианскими импульсами, правящий миром иудаизм»²⁴.

В этих высказываниях содержится одно из самых значительных противоречий и без того запутанной логической модели Чемберлена: несмотря на то, что он восторженно приветствовал уничтожение римлянами и Карфагена, и Иерусалима, он считал себя христианином! В отличие от многих других расистов того времени, придерживавшихся неоязыческих идей и считавших христианство

²² Там же. P. 231. См. также Bernbach U. Houston Stewart Chamberlain. Wagners Schwiegersohn – Hitlers Vordenker. Stuttgart-Weimar, 2015. P.177-178, 194-197, 257-266.

²³ Chamberlain. Die Grundlagen. P. 162-163.

²⁴ Там же. P. 165.

орудием евреев, служившим разрушению арийской расы²⁵, Чемберлен, казалось, не так радикально порвал с традиционными европейскими представлениями. И как раз из-за этой кажущейся верности христианским традициям его «послание» почти непреодолимо притягивало к себе многих представителей консервативного истеблишмента в вильгельмовской Германии. Они не отдавали себе отчет в том, что идеи Чемберлена не имели практически ничего общего с христианством. Ибо автор *Основ* выступал за «арийское» и соответственно «германское» христианство, которое должно было быть очищено от так называемого «семитского яда» и не в последнюю очередь от «Ветхого Завета»²⁶. Евреев он изображает как насквозь материалистический народ, которому чужды любые религиозные способности²⁷. Уже пророки Ветхого Завета, по его мнению, показали, насколько обреченной была эта нация «идолопоклонников». По этой причине Христос, которого Чемберлен считает самой важной религиозной фигурой человеческой истории²⁸, не мог быть евреем. Как галилеянин он принадлежал якобы к народу, хотя и исповедующему иудаизм, но не смешивающемуся с евреями, утверждал Чемберлен.²⁹

Абсурдная теория Чемберлена о «нееврейском» Христе нашла многих поклонников, прежде всего среди его консервативно настроенных читателей. Уже лишенный власти Вильгельм II. писал Чемберлену 12 марта 1923: «Церковь должна решиться порвать со старым и воспользоваться результатами научных исследований. Я, со своей стороны, думаю так. Прежде всего необходимо порвать с верой в то, что Яхве евреев – это наш Господь Бог»³⁰.

Другой корреспондент Чемберлена, принц Макс фон Баден, жаловался на «засилие Ветхого Завета в церкви и государстве»³¹.

Как же Чемберлен мог совместить свою веру в Христа с прославлением уничтожения Карфагена и Иерусалима? Он добился этого посредством переосмысления послания Христова, в центр которого он поставил не любовь к ближнему, а следующие изречения из Евангелия: «Кто не со Мною, тот против Меня» (от Луки 11:23). И «никакое явление в мире не идет так "против Него" как

²⁵ См. кроме прочего также: Pulzer P. G.J. Die Entstehung des politischen Antisemitismus in Deutschland und Österreich 1867–1918. Gütersloh, 1966; Jochmann, W. Gesellschaftskrise und Judenfeindschaft in Deutschland 1870–1945. Hamburg, 1991; Field G.G. The Evangelist of Race. The Germanic Vision of Houston Stewart Chamberlain. New York, 1981.

²⁶ Chamberlain. Die Grundlagen. P. 649–686.

²⁷ «(Каждый) мистик (хочет он того или нет) – прирожденный антисемит», – пишет Чемберлен в «Основах» (P. 1046).

²⁸ Там же. P. 239–245, 859–860.

²⁹ Там же. P. 245–258.

³⁰ Chamberlain. Briefe. Vol. 2. P. 267.

³¹ Цит. по: Urbach K./Bucher B. Prinz Max von Baden und Houston Stewart Chamberlain. Aus dem Briefwechsel 1909–1919 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte 2004. P. 121–177. зд.: P. 149. см. также P. 143.

еврейская религия» – добавляет Чемберлен³². Также и другое предложение из Евангелия цитируется им в данной связи: «Думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение» (от Луки 12:51).

Не любовь стояла в центре пропагандируемого Чемберленом «арийского» христианства, а ненависть: «Честно говоря, под понятием "любовь" я себе ничего представить не могу, если нет такой вещи, что называется "ненавистью"», – писал он в своем письме Адольфу фон Гарнак. Чемберлен пишет, что ненавидит плохое, постыдное, подлое, «все то, что каждый день, во всех областях, оскверняет, отравляет, разрушает все то, что мне дорого и свято, чтобы все благородное в нашей любимой бедной великой Европе безвозвратно исчезло – я не понимаю призыва любить это; всеми силами моей души я это ненавижу, ненавижу и ненавижу!»³³.

«Человеколюбивые сентименты» современного европейца Чемберлен только высмеивал. Они-то якобы и допустили взлет еврейства: «Ведомый идеалистическими представлениями, индоевропеец дружественно открыл свои ворота: как враг ринулся в них еврей. Захватил все позиции и насадил ... на брешах нашей подлинной самобытности флаг своей, нам навечно чуждой сути»³⁴.

Как Чемберлен собирался противостоять этой с его точки зрения «смертельной опасности», он уже описал в своей главе об уничтожении Карфагена: «При несравнимой стойкости семитов хватило бы и малейшей пощады, чтобы финикийская нация вновь зародилась»³⁵.

Чемберлен приводит ряд аргументов, почему с еврейской расой надлежало бороться так беспощадно:

«(Их) существование – грех, их существование – преступление против священных законов жизни» (Основы. С. 443).

«Основы еврейской религии включают в себя ... прямое преступное покушение на все народы мира» (С. 533).

«Преступные надежды этого народа ... делают из него открытого или тайного врага любого другого человека, опасность для каждой культуры» (С. 535).

«Нельзя понять еврейство и его власть, также как и его жизненную стойкость, ... пока не узрешь это демонически-гениальное в его основе. Здесь речь идет в самом деле о борьбе одного против всех» (С. 541 и сл.).

Таким образом, Чемберлен лишает в своей аргументации евреев человеческого облика. В своей книге о мыслителях-предшественниках национал-

³² Chamberlain. Die Grundlagen, P. 269.

³³ Chamberlain. Briefe. Vol. 1. P. 217.

³⁴ Chamberlain. Die Grundlagen. P. 382.

³⁵ Там же. P. 162.

социализма Дорис Менделевич так обобщает образ евреев Чемберлена: «Все то, что составляет суть человека, отсутствует у евреев; они не творческие личности, а просто дурные рационалисты и материалисты, их "религиозный инстинкт" недоразвился»³⁶.

Этой дегуманизацией евреев Чемберлен по сути дела предвосхитил расистский тезис о «жизни, недостойной жизни», который нацистский режим позже с беспрецедентной эффективностью приведет в исполнение. Не удивительно, что автор *Основ* займет почетное место в «пантеоне» НСДАП³⁷. Чемберлен был «без сомнения самым важным моральным предшественником национал-социалистского движения», писал известный немецкий философ Герман фон Кайзерлинг в своих воспоминаниях³⁸.

К пониманию этого Кайзерлинг пришел, однако, довольно поздно. Его непосредственная реакция на *Основы* выглядела совсем иначе – он назвал их «произведением искусства»³⁹. Подобным образом думали и многие его современники, и это несмотря на то, что пропаганда ненависти являлась красной нитью этого «произведения искусства». Это показывает, насколько распространенным был тогда в Германии антисемитский «культурный код» (Шуламит Волков)⁴⁰. Даже Адольф фон Гарнак, решительно отвергавший расовый антисемитизм, лишь в очень мягкой форме спорил с «посланием» *Основ*. В октябре 1901 он писал Чемберлену: «Не редко я рассматриваю проблемы еще сложнее, чем Вы и поэтому не везде я могу следовать Вашим противоречивым суждениям»⁴¹.

Яснее Гарнак высказался только спустя 11 лет, когда он обличил расистские пассажи в книге Чемберлена о Гете:

«Вы действительно одержимы антиеврейским демоном, затуманивающим Ваш взгляд и этим пятном обезображивающим Вашу замечательную книгу Я не думаю, что провидение создало подобный позорный народ; я верю вообще

³⁶ Mendelewitsch D. Volk und Held. Vordenker des Nationalsozialismus im 19. Jahrhundert. Rheda-Wiedenbruck, 1988. P. 46.

³⁷ См. кроме прочего также: Köhler J. Wagners Hitler. Der Prophet und sein Vollstrecker. München, 1997; Sarkisyanz M. Vision vom Dritten Reich und Dritten Rom. Waren es die Sonderwege Deutschlands und Rußlands, die nach Auschwitz und zum GULAG führten? / Luks L. / O'Sullivan D. (Eds.). Russland und Deutschland im 19. und 20. Jahrhundert. Zwei „Sonderwege“ im Vergleich. Köln, 2001. P. 69–92. зд. P. 89-90.

³⁸ Цит. по: Kinzig. Harnack. P. 213-214.

³⁹ Цит. по: Köhler. Wagners Hitler. P. 178.

⁴⁰ Volkov Sh. Antisemitismus als kultureller Code / idem: Jüdisches Leben und Antisemitismus im 19. und 20. Jahrhundert. Zehn Essays. München, 1990. P. 13–36.

⁴¹ Kinzig. Harnack. P. 233.

только условно внутри единичных ветвей арийцев и семитов в строгие расовые характеристики.»⁴².

Эта пылкая критика расовой теории в конце письма, однако, смягчалась, в духе уступки уже упомянутому антисемитскому «культурному коду»: «Однако же хватит – за евреем тут не должно остаться последнее слово. Вернее даже, он может и вообще исчезнуть, и между нами останется только убежденность в том широком и глубоком общем, которое Вы так превосходно показали в Гете»⁴³.

Амбивалентное отношение Гарнака к еврейскому вопросу и теориям Чемберлена было типичным для вильгельмовской Германии. Прославляемые Чемберленом методы борьбы с так называемой «семитской опасностью» были настолько радикальными, что многие его почитатели, вероятно, не приняли их всерьез. Так как они не согласовывались с европейским образом человека эпохи конца 19-го и начала 20-го века; несмотря на дело Дрейфуса и еврейские погромы в России. До начала Первой мировой войны, оповестившей о конце старой Европы и «долгого 19-го века», программа Чемберлена представляла собой, по сути, только утопический набросок – однако это был набросок, содержащий чрезвычайную революционную взрывную силу и давший несколько лет спустя одному из величайших преступлений в истории человечества программную основу. Ибо в отличие от Гобино, считавшего упадок арийской расы неизбежным, Чемберлен не хотел смириться с этим «законом упадка». Он хотел избавиться от него при помощи беспощадной борьбы против важнейшей на его взгляд причины упадка арийства – еврейской расы. Йоахим Кёлер, детально показавший в своей книге *Wagners Hitler* идеологическую преемственность между *Основами XIX века* и *Mein Kampf* Гитлера, пишет о чрезвычайно простой программе Чемберлена следующее: «Кто ... распознал причину упадка, тот не может поступить иначе кроме как во имя собственного выживания ее уничтожить», и добавляет: «своевольная, по современным понятиям абсурдная историческая теория Чемберлена должна была только стать прелюдией к великому спасительному делу»⁴⁴.

Спасение арийской расы Чемберлен планировал как «самоспасение». Оно должно было максимально мобилизовать силу воли, чтобы потом с особой последовательностью пойти против ее мнимого «смертельного врага». Этим почти «гностическим» (Эрик Фегелин) «концептом самоспасения»⁴⁵ Чемберлен, в сущности, провозгласил наступление 20-го века, наполненного идеологиями,

⁴² Там же. Р. 263.

⁴³ Там же. Р. 266.

⁴⁴ Köhler. *Wagners Hitler*. Р. 176, 179.

⁴⁵ См. также: Voegelin E. *Wissenschaft, Politik und Gnosis*. München, 1959.

провозглашающими истребление людей главным условием построения райских условий на земле.

В связи с этим странно, что Джеффри Филд, относящийся к наилучшим знатокам теорий Чемберлена, в некоторых центральных пунктах недооценивал характер мировоззрения этого непреклонного проповедника ненависти к евреям. Так, Филд пишет о якобы амбивалентной позиции Чемберлена в еврейском вопросе⁴⁶. Он ссылается при этом на следующие высказывания *Основ XIX века*:

«Не требуется подлинно хеттского носа, чтобы быть евреем. Это слово скорее обозначает определенный способ чувствовать и думать; человек может очень быстро, не будучи израилитом, стать евреем С другой стороны, бессмысленно настоящего израилита, которому удалось сбросить оковы Эзры и Нехемии, и в чьем разуме нет места закону Моисея, а в сердце – презрению к другим, называть "евреем"» (С. 544 и сл.).

Эти высказывания настолько противоречат тезису Чемберлена о еврейской крови, которая якобы неизлечимо отравляет другие расы⁴⁷, что приведенную цитату ничем другим как лицемерным отвлекающим маневром назвать нельзя. Подобным же образом следует оценивать и притворное дистанцирование Чемберлена от антисемитизма, которое временами можно наблюдать в его трудах. Так, например, в одном из своих писем 1902 года он пишет: «Агрессивный антисемитизм или презрение ко всему еврейскому мне чужды»⁴⁸.

Если учесть, что эта фраза принадлежит одному из идейных основоположников холокоста, то ее иначе как лицемерной назвать нельзя. Не менее лицемерно и посвящение *Основ XIX века*, этого воззвания к неумолимой борьбе с еврейской расой. Представителю именно этой расы, венскому физиологу Юлиусу Визнеру, который руководил незаконченной диссертацией Чемберлена, здесь выражается «глубокое уважение и благодарность»⁴⁹.

Чемберлен однозначно вышел за рамки «обывательского» антисемитизма вильгельмовской эпохи, что, впрочем, касается не только его самого, но и

⁴⁶ Field. The Evangelist. P. 218.

⁴⁷ См. кроме прочего также: Chamberlain. Briefe. Vol. 2, P. 152f-153; его же. Die Grundlagen. P. 383-385.

⁴⁸ Chamberlain. Briefe. Vol. 1, P. 111.

⁴⁹ См. также: Chamberlain. Lebenswege, P. 65-66, 108-110, 113-122, 345; Field. The Evangelist. P. 186. В своих воспоминаниях Чемберлен иногда упоминает кроме Визнера и других знакомых-евреев, даже друзей, которые ему, как он говорит, много значили (Lebenswege. P. 191-195, 230-231). Однако это никоим образом не мешало ему призывать к беспощадной борьбе с еврейской расой, к которой они принадлежали. В связи с этим, тезис биографа Чемберлена Удо Бермбаха о якобы «умеренном» антисемитизме Чемберлена, мало убедителен. Бермбах обосновывает свой тезис христианством Чемберлена, его верой в Христа (Bermbach. Chamberlain. P. 292-297, 605, 612-613). Однако, как уже было сказано, Чемберлен верил в «арийского» Христа, а такая вера с подлинным христианством имеет мало общего. Тем более, что центральную роль в якобы «христианской» проповеди Чемберлена играла не любовь к ближнему, а ненависть.

некоторых других известных представителей «Байройтского кружка». Это косвенно подтверждает Филд, повествуя об отношении Козимы Вагнер к антисемитской программе придворного священника и лидера юдофобской Христианско-социальной Партии Адольфа Штекера. Она вначале возлагала большие надежды на Штекера, но потом, разочаровавшись, отдалилась от него: „She found him rather naïv on race questions and rejected his emphasis upon conversion as a solution to the Jewish problem.“⁵⁰

Чемберлен беспрестанно старался популяризировать свою антиеврейскую программу. В первую очередь в Германии, на второй родине, он надеялся на соответствующий резонанс. От своей родины, Англии, он стал со временем все сильнее отдаляться: «Англичан я считаю народом, уже с давних пор подвергающимся стремительной дегенерации», – писал он вскоре после начала Первой мировой войны⁵¹.

«Англия всецело попала в руки евреев и американцев, – утверждал он в январе 1917 г. в своем письме Вильгельму II. – Поэтому никто не поймет этой войны, если не имеет четкого представления, что это по своей сути война еврейства и родственного ему американизма за господство в мире»⁵².

Так Чемберлен связывал все свои надежды на спасение человечества от «еврейской угрозы» с Германией (начиная с 1885 г., когда ему было 30 лет, и до смерти в 1927 г. Чемберлен жил в немецкоязычных странах): «(Это) мое глубокое внутреннее убеждение ..., что моральное и духовное благополучие человечества зависит от того, что мы называем немецким, – писал он в 1901 г. кайзеру Вильгельму II. – Только на немцев возлагает ныне свои надежды Господь».⁵³

Однако надежды Чемберлена, связанные с Германией, сопровождались беспокойством. Дело в том, что многие немцы, по его мнению, в недостаточной мере осознавали масштабы «еврейской угрозы» и придерживались пагубной, с точки зрения Чемберлена, «догмы о равенстве рас»⁵⁴. Особо яркие вспышки гнева вызывали у Чемберлена священники, которые «преподносили нечто в корне неверное в отношении расового вопроса. В данном случае церковное христианство стало настоящим проклятием для человечества»⁵⁵.

⁵⁰ Field. The Evangelist. P. 160.

⁵¹ Chamberlain. Briefe. Vol. 1. P. 250; см. также. P. 285, 305. Vol. 2. P. 138, 169; Urbach / Bucher, Prinz Max von Baden. P. 151. В «Основах» Чемберлен еще довольно-таки позитивно отзываясь об Англии: «Англия практически отрезана своим островным положением; ... и таким образом была выращена на данный момент несомненно сильнейшая раса Европы» (P. 323. см. также P. 337, 1018–1022).

⁵² Chamberlain. Briefe. Vol. 2, P. 252.

⁵³ Там же. P. 137-138, 170.

⁵⁴ Там же P. 150.

⁵⁵ Там же.

Не менее опасной была, по его мнению, деятельность таких, как пишет Чемберлен: «ограниченных умов», как Рудольфа Вирхова и других либерально настроенных профессоров, которые отрицали значение «расы как основы всех незаурядных достижений»⁵⁶.

Тем сильнее было в свою очередь восхищение Чемберлена Рихардом Вагнером, который «выступал с предостережением против растущего влияния евреев в немецком искусстве»⁵⁷ и призывал немцев «стать облагораживателями человечества»⁵⁸. (С 1908 г. Чемберлен был женат на дочери Вагнера Еве. Он жил с 1909 г. в Байройте, ставшем под воздействием «идей» Вагнера одним из главных центров антисемитизма в Германии).

Эту цель Вагнера можно достичь, по словам Чемберлена, только тогда, когда немцы сами «станут немцами»⁵⁹, а именно не только в культурном, но и в расовом плане. К каким «опасным последствиям» может привести несоблюдение расовой чистоты, Чемберлен описал в одном из своих писем Вильгельму II:

«Я знаю человека, полностью ощущавшего себя немцем, который женился на истинно немецкой девушке и теперь в ужасе наблюдает, как этот брак породил детей, которые все до единого выглядят так, будто бы их вылепили по образцу ассирийских монументов – явные, отвратительнейшие семитские лица, которые только можно себе представить, и соответствующие задатки. Мать этого доброго человека была, оказывается, "крещеная", и теперь – благодаря смешению – чисто семито-сирийское проявляется намного сильнее, чем раньше»⁶⁰.

Чтобы предотвратить подобные смешения, Чемберлен выступает за «сознательную в расовом отношении ... однородно организованную и целеустремленную Германию»⁶¹.

Неудивительно, что за подобные высказывания Гитлер, Розенберг, Гиммлер, Геббельс и другие лидеры национал-социализма считали Чемберлена идейным предшественником своего движения⁶².

До заключительного периода Первой мировой войны Чемберлен связывал свои надежды на осуществление пропагандируемой им расовой революции с высшими кругами Германии. Он гордился тем, что его книги нашли широкий отклик среди высшей немецкой аристократии. Однако эти надежды постепенно ослабли, так как представители высшей аристократии в своем отрицании еврейства не были настолько непреклонны, как Чемберлен. Даже у таких

⁵⁶ Там же. P. 151.

⁵⁷ Chamberlain. Wagner. P. 226.

⁵⁸ Chamberlain. Briefe. Vol. 1. P. 56.

⁵⁹ Там же. P. 57.

⁶⁰ Там же. Vol. 2. P. 152-153 (от 20.02.1902).

⁶¹ Там же. P. 161.

⁶² Köhler. Wagners Hitler; Sarkisyanz. Vision. P. 87–90.

почитателей антисемитских *Основ XIX века*, как принц Макс фон Баден или кайзер Вильгельм II, в числе друзей или сотрудников были евреи. Можно вспомнить хотя бы об Альберте Баллине, Максе Варбурге или Вальтере Ратенау. Макс фон Баден к тому же дискредитировал себя в глазах Чемберлена тем, что стал основоположником парламентаризации вильгельмовской империи. Так как Чемберлен считал парламентскую систему воплощением зла, поведение принца, ставшего в октябре 1918 г. первым канцлером правительства, несущего ответственность перед рейхстагом, явилось для него настоящим шоком⁶³.

Несмотря на эту разочаровавшую Чемберлена позицию немецкой аристократии, он и впредь считал Германию главным противником еврейства и верил, как и прежде, в «призвание Германии»: «Вера в германскую сущность ... является для меня составной частью моей веры в бога, – писал он 21 ноября 1918 г. – Я по-прежнему непоколебимо убежден, что бог создал и вырастил немцев для благородных целей, на благо всему человечеству»⁶⁴.

И эта надежда начала материализоваться в 1920-е годы. Чемберлен встретил политика, который, как считал Чемберлен, смог бы осуществить в течение десятилетий пропагандируемое им «дело исцеления», – Адольфа Гитлера.

30 сентября 1923 г. в Байройте состоялась встреча обоих единомышленников. Неделю спустя Чемберлен писал лидеру НСДАП:

«Уважаемый и дорогой господин Гитлер. ... Перед Вами стоит огромная задача. ... Моя вера в немецкую нацию ни на мгновение не пошатнулась, однако моя надежда – я признаюсь – угасла. Вы враз переменили состояние моей души. То, что Германия в свой самый тяжелый час породила Гитлера, свидетельствует о том, что она жива. ... Я мог бы теперь спокойно уснуть, и мне не нужно было бы просыпаться. Да защитит Вас Господь!»⁶⁵

Письмо Чемберлена было для Гитлера бесценно. После выхода *Основ XIX века* Чемберлен считался, все-таки, «главным идеологом» «Байройтского кружка»⁶⁶. И теперь, благодаря Чемберлену, Байройт лежал у ног Гитлера, что чрезвычайно окрыляло лидера национал-социалистического движения. Гитлер «радовался этому письму, как ребенок», – пишет один из его единомышленников, Йозеф Штольцинг-Черны, в письме к Еве Чемберлен от 17 октября 1923 г.⁶⁷

«Байройт обладал в консервативном лагере силой, которая измерялась не голосами избирателей, а влиятельными личностями и объединениями, – пишет Йоахим Кёлер. – Чтобы приблизить конец ненавистной республики, было

⁶³ Urbach/Bucher. Prinz Max von Baden. P. 135f.

⁶⁴ Chamberlain. Briefe. Vol. 2. P. 62.

⁶⁵ Там же. P. 124-126.

⁶⁶ Köhler. Wagners Hitler; Field. The Evangelist.

⁶⁷ Köhler. Wagners Hitler. P. 459.

недостаточно быть фанатичным антисемитом. Байройту нужен был герой, который бы действительно претворил расовый идеал в жизнь»⁶⁸.

И таким героем был избран Гитлер.

Даже провал Мюнхенского путча в ноябре 1923 г. не подорвал веру Чемберлена в «призвание» Гитлера. В листовке от 1 января 1924 г. он называет избранного им будущего исполнителя его завещания своего рода «светлым образом»: В отличие от остальных политиков, Гитлер – это «благословение божие», – не «пустослов», а некто, кто продумывает свои мысли до конца и бесстрашно делает из этого выводы, утверждает Чемберлен⁶⁹.

Гитлер в свою очередь говорил с восхищением о якобы «научно» обоснованных «выводах» Хьюстона Стюарта Чемберлена, которые «официальные правительственные инстанции ... равнодушно» упустили из виду⁷⁰.

Геббельс же называл Чемберлена «отцом нашего духа», «новатором» и «первопроходцем»⁷¹.

Создание Третьего рейха в январе 1933 г. можно в этом отношении назвать посмертной победой скончавшегося в 1927 г. Чемберлена. Гитлер, прославленный автором *Основ*, действительно обладал способностью связывать слово с делом, которой так восхищался Чемберлен. Сформулированное Гитлером в рейхстаге 30 января 1939 г. предсказание об «уничтожении еврейской расы в Европе»⁷², фюрер Третьего рейха спустя два с половиной года начал претворять в жизнь дословно.

Между тем программа Чемберлена содержала компонент, смущавший лидера НСДАП: «Заблуждение Х. Ст. Чемберлена заключалось в том, что он верил в (духовное значение) христианства», – заявил Гитлер в одном из своих монологов, который был записан 13 декабря 1941⁷³. Это было время, когда холокост был уже в полном разгаре. Бригады СД и полиции безопасности, начавшие непосредственно после начала войны 22 июня 1941 г. массово расстреливать евреев-мужчин, приблизительно в конце августа распространили эту кампанию

⁶⁸ Там же. P. 19.

⁶⁹ Там же. P. 20.

⁷⁰ Там же. P. 289-290.

⁷¹ Там же. P. 250.

⁷² Domarus. Hitler. Reden und Proklamationen 1932-1945. Würzburg, 1963. Vol. 2. P. 1056-1058; Battenberg F. Das europäische Zeitalter der Juden. Zur Entwicklung einer Minderheit in der nichtjüdischen Umwelt Europas. Darmstadt 1990. Vol. 2. P. 282.

⁷³ Adolf Hitler. Monologe im Führerhauptquartier 1941–1944, aufgezeichnet von Heinrich Heim, Ed. von Werner Jochmann. München, 2000. P. 151.

по уничтожению также и на женщин и детей⁷⁴. В лагере смерти Хелмно в так называемом «Вартегау» состоялись первые акции умерщвления евреев газом.

Высказывания Чемберлена в защиту христианства, хотя и в форме так называемого «арийского» христианства, представлялись для исполнителей его завещания препятствием: «Чистое христианство ... ведет к уничтожению человечества, является неприкрытым большевизмом в метафизическом обрамлении», – объявил Гитлер в своем монологе от 14 декабря 1941⁷⁵. Последний «балласт», оставшийся от европейской цивилизации, был, таким образом, отброшен. На пути «окончательного решения еврейского вопроса» теперь уже ничего не стояло.

Разработанная Чемберленом на пороге 20-го века расовая утопия в середине этого «века крайностей», по крайней мере в оккупированной нацистами части европейского континента, была практически воплощена в жизнь. Сущность этого столетия состояла в том, что оно было временем реализации некоторых утопических мечтаний, которые раньше рассматривались как неосуществимые. В 19-м веке часто сожалели и том, что утопии хотя они и являются «золотыми снами человечества», но их нельзя превратить в жизнь, писал в своей книге *Новое средневековье* Николай Бердяев. В 20-м веке человечество столкнулось с совсем иной проблемой, продолжает Бердяев: «(Утопии) оказались гораздо более осуществимыми, чем казалось раньше. И теперь стоит другой мучительный вопрос, как избежать окончательного их осуществления»⁷⁶.

В самом деле, адепты утопических проектов определили в огромной мере историю 20-го столетия, прежде всего его первую половину, и заставили их либерально-демократических противников, не мыслящих в апокалиптических категориях и понимавших под политикой «искусство возможного», занять оборонительную позицию. Около 1940 г. почти всем европейским континентом правили два тоталитарных левиафана, пытавшихся осуществить утопические видения, которые были развиты в двух программных манифестах, возникнувших на рубеже веков. Наряду с *Основами XIX века* здесь речь идет об опубликованном три года спустя трактате Ленина *Что делать?*

⁷⁴ См. кроме прочего также: Longerich P. Politik der Vernichtung. Eine Gesamtdarstellung der nationalsozialistischen Judenverfolgung. München, 1998. P. 580; Burrin Ph. Hitler und die Juden. Die Entscheidung für den Völkermord. Frankfurt/Main, 1993. P. 118f.; Friedländer S. Die Jahre der Vernichtung. Das Dritte Reich und die Juden. München, 2006. P. 244-245.

⁷⁵ Adolf Hitler. Monologe. P. 152.

⁷⁶ Бердяев Н. Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы. Берлин, 1924. С. 121.

Атака слева

Когда Ленин писал свой труд, весь созданный в 1889 году Второй интернационал находился в ревизионистской борьбе, которая показала, что утопические энергии, которыми марксистское движение обладало еще в предыдущие десятилетия, постепенно иссякали. Западные социал-демократические партии все сильнее занимались парламентскими или профсоюзными вопросами и ни в коем случае не революционными конечными целями. Это погружение в будничную рутину вызывало гнев многих социал-демократов, еще чувствовавших ответственность за исполнение завещания *Коммунистического Манифеста*. Тем не менее, в своих партиях они попадали во все бóльшую изоляцию. Особенно явно это явление проступает на примере политических судеб Розы Люксембург и Александра Гельфанда (Парвуса), относившихся к одним из оригинальнейших социал-демократических теоретикам того времени. Оба с особенной остротой отвергали тезисы Эдуарда Бернштейна. Ревизия основ партии может осуществляться только налево, не направо, писал Парвус в органе СДПГ *Die Neue Zeit*, а именно «на созданной научным социализмом основе социал-революционной пролетарской классовой борьбы, не на им оставленной основе социально-реформаторского утопичества»⁷⁷. Для Розы Люксембург отказ пролетариата от революционной пролетарской классовой борьбы означал примирение с существовавшими отношениями господства, капитуляцию перед ними. Вместе с этим она упрекала Бернштейна в следующем: «(Бернштейн) начал таким образом отказываться от *конечной цели* ради самого движения. Но так как фактически социал-демократического *движения* без социалистической конечной цели быть не может, то он неизбежно закончит тем, что откажется и от самого движения»⁷⁸.

Острота, которую Роза Люксембург и Парвус вносили во внутривнутрипартийную полемику, казалась некоторым западным социал-демократам знаком «русской нетерпимости» (Роза Люксембург была родом из русской части Польши, Парвус родился недалеко от Минска и вырос в Одессе). Оба слыли в СДПГ эксцентриками и не могли завоевать большинство партии для своей точки зрения. Руководство СДПГ неоднократно осуждало Розу Люксембург за ее слишком радикальную позицию⁷⁹. Парвус, разочаровавшись, оставил в 1910 г.

⁷⁷ Parvus. Der Opportunismus in der Praxis // *Die Neue Zeit* 1900/1901. Vol. 2. P. 746.

⁷⁸ Luxemburg R. *Politische Schriften*. Frankfurt/Main, 1967. Vol. 1. P. 124-125.

⁷⁹ Nettl J. P. *Rosa Luxemburg*. Köln / Berlin, 1969. P. 320–369.

Германию и поселился в Турции, чтобы начать совершенно новую страницу своей биографии⁸⁰.

Представления *Коммунистического Манифеста* об устранении частной собственности и создании бесклассового рая на земле вдохновляли около 1914 г., незадолго до начала Первой мировой войны, только немногочисленные радикальные круги рабочего движения. Однако через три года представители этого направления стали единовластными правителями одного из крупнейших государств мира. *Утопия пришла к власти*, так с помощью названия книги русских эмигрантских историков Некрича и Геллера можно охарактеризовать это событие⁸¹. Почему именно Россия стала полем для экспериментов марксистских утопистов? С точки зрения классиков марксизма Россия совершенно не подходила для воплощения видений *Коммунистического Манифеста*. На рубеже веков она была, в сущности, еще полуаграрной страной, в которой промышленные рабочие составляли незначительное меньшинство населения. Кроме того, Россия являлась во времена Маркса и Энгельса самодержавной монархией, не знавшей, если не учитывать независимое правосудие (с 1864 г.), принципа разделения властей. Таким образом, Россия не обладала никакими предпосылками для развития успешного социал-демократического движения по западному образцу. Россия стоит на пороге революции, говорил Энгельс в 1875 г., но это не будет социалистическая революция, потому что российская буржуазия и промышленный пролетариат находятся на чрезвычайно низкой ступени развития. Переворот, намечающийся в России, это бунт против «последнего до сих пор существующего резерва общеевропейской реакции»⁸². Во время революции 1848 г. в своей газете *Neue Rheinische Zeitung* Маркс и Энгельс призывали западные народы к революционному «крестовому походу» против Российской империи. Энгельс вспоминал: «Внешняя политика (газеты *Neue Rheinische Zeitung* – Л. Л.) была проста: защита каждого революционного народа, призыв к всеобщей войне революционной Европы против опоры европейской реакции – России»⁸³. Но ирония истории, о которой Маркс и Энгельс так часто говорили, им, однако, отомстила. Ибо именно в этом государстве, которое, по их мнению, было полностью негодным для

⁸⁰ У размолвки Парвуса и СДПГ были не только идеологические, но и финансовые причины. Следственная комиссия СДПГ (1908/09) объявила Парвусу строгий выговор в связи с расхищением части прибыли российского писателя Максима Горького (Scharlau W. B. / Zeman Z. A. *Freibeuter der Revolution. Parvus-Helphand. Eine politische Biographie.* Köln, 1964. P. 132-133.; Heresch E. *Geheimakte Parvus. Die gekaufte Revolution. Biographie.* München, 2000. P. 101).

⁸¹ Геллер М./Некрич А. *Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней.* Т. 1–2. Лондон, 1982.

⁸² MEW. Vol. 18, P. 567.

⁸³ MEW. Vol. 21. P. 22.

пролетарской революции, впервые в истории пришла к власти марксистская партия.

Первые марксистские группировки возникли в России в 80-х годах 19-го века. Они находились с самого начала в парадоксальной ситуации. В качестве неумолимых критиков капиталистической системы они должны были в то же время выступать за развитие капитализма в России. Так как только таким образом можно было возвести необходимый фундамент для создания в дальнейшем социалистического общества. Как бескомпромиссные противники буржуазии они должны были в то же время бороться за победу буржуазной революции в России, так как по классическим учебникам марксизма буржуазные революции должны были предшествовать пролетарским. Но в этой буржуазной революции промышленный пролетариат, как это ни парадоксально, должен был играть решающую роль. В 1891 г. родоначальник русского марксизма, Георгий Плеханов, сказал, что российский промышленный пролетариат представляет собой первую революционную силу в русской истории, которая способна свергнуть самодержавие.

Надежды, которые связывали русские марксисты с промышленным пролетариатом, не были безосновательными. Лишенные корней промышленные рабочие были намного мобильнее и восприимчивее к революционной пропаганде, чем крестьяне, находящиеся во власти традиционных взглядов на мир. Распространению революционной пропаганды среди российских промышленных рабочих способствовало и то, что российские заводы часто представляли собой гигантские предприятия с тысячами рабочих⁸⁴. Революционные лозунги могли там распространяться как беглый лесной пожар. Тот факт, что промышленные гиганты настолько сильно формировали русский промышленный ландшафт, связано с запоздалой индустриализацией России. В связи с этим нередко даже говорят о «привилегии отсталости». Таким образом, нации, позже начавшие модернизацию, не обязательно должны повторять весь путь развития их предшественников. Они с самого начала опираются на результаты процесса модернизации высокоразвитых стран и сразу перенимают последние технологические достижения. А западные промышленные концерны представляли собой ко времени индустриализации России – т. е. на рубеже веков – последнее слово техники. Российская империя переняла современнейшие технологические структуры Запада, отклонила, однако, модернизацию своих общественных и политических структур. Это также вело к радикализации положения в стране.

⁸⁴ См. Keep J. L.H.: The Russian Revolution. A Study in Mass Mobilization. New York, 1976. P. 19; Altrichter H. Russland 1917: ein Land auf der Suche nach sich selbst. Paderborn, 1997. P. 275.

До революции 1905 г. в России не существовало легальных независимых рабочих организаций. Поэтому канализирование или институционализация общественного протеста были невозможны. Почти каждая демонстрация рабочих вела к жестоким стычкам с полицией. Не в последнюю очередь из-за этого русский промышленный рабочий класс отличался чрезвычайной воинственностью. На таких радикально настроенных промышленных рабочих опиралась созданная в 1898 г. Российская социал-демократическая рабочая партия. После затихания революционных волн на Западе вследствие поражения революции 1848 года, революционный центр континента сместился в Россию. Здесь происходило непрерывное обострение политических конфликтов и поляризация общества, как это предсказывали Маркс и Энгельс для Запада. Несмотря на это, гигантский царский аппарат власти казался в начале 20-го столетия практически непобедимым и неоспоримо превосходящим революционные группировки самой различной направленности. В этих условиях и был написан ленинский трактат *Что делать?*, который для истории марксистского движения будет играть не меньшую роль, чем *Коммунистический Манифест*.

Также как и Чемберлен, Ленин верил в закономерность исторического развития, но хотел при этом – и здесь параллель к автору *Основ* – влиять на спонтанные исторические процессы. Эти аналогии в мышлении обоих авторов поражают, если обратить внимание на то, что Чемберлен опирался на мировоззрение, пронизанное безграничным пессимизмом (тезис Гобино о непрерывном процессе разложения белой расы), в то время как Ленин унаследовал от Маркса безграничный оптимизм (неизбежная победа пролетарской революции).

Своей программой борьбы с так называемой «еврейской опасностью» Чемберлен хотел показать, как уже говорилось, что пессимистические взгляды Гобино были необоснованны. Упадок арийской расы можно было остановить считал Чемберлен, но для этого надо эффективно бороться с якобы главной причиной этого процесса, которой с точки зрения Чемберлена было еврейство. Чемберлен призывал арийскую расу к тому, чтобы сверхчеловеческим усилием воли создать расовый «рай на земле».

Ленин также был воодушевлен видением рая на земле, социального рая, который должен был быть создан при помощи волевого акта. Эволюционные решения рабочего вопроса, за которые выступали западные «ревизионисты» и их русские единомышленники, борющиеся в первую очередь за постепенное улучшение экономического положения пролетариата, Ленин наотрез отклонял. По его мнению, это только отвлекало от подлинной цели – уничтожения существующего общественного порядка. Ожидания Ленина были не слишком

отличны от ожиданий Маркса и Энгельса, отраженных в *Манифесте Коммунистической партии*⁸⁵. Он также провозглашал, почти на раннехристианский манер: спасение близко. Но кто был спасителем? Для Маркса и Энгельса пролетариат, свободный от первородного греха – эксплуатации других людей, – олицетворял нового Спасителя. Оба оказались лжепророками. Ибо целью подавляющего большинства промышленных рабочих было не создание «царства свободы» вместо классового общества, а скромное благосостояние внутри существующего общества, которого они на рубеже веков, по крайней мере на Западе, и добились.

Эту эрозию «утопического» Ленин, находившийся с 1900 по 1917 гг. с короткими перерывами в эмиграции на Западе, мог наблюдать своими глазами. Разочарование в марксистском «Спасителе» проходит красной нитью через его труд *Что делать?*. Спонтанно, своими собственными силами пролетарские массы развивают лишь «тредюнионское» сознание, говорил Ленин. Социалистическое сознание, стремление к созданию нового, никогда не существовавшего мира, им привить может только авангард: «Социалистического сознания у рабочих и не могло быть. Оно могло быть принесено только извне»⁸⁶.

Чтобы избавить теорию авангарда от обвинения в ереси, Ленин ссылаясь на одну из важнейших инстанций тогдашнего марксистского движения – на Карла Каутского, который говорил в журнале *Neue Zeit* 1901/02 гг. следующее:

«Современное социалистическое сознание может возникнуть только на основе глубокого научного знания Носителем же науки является не пролетариат, а *буржуазная интеллигенция*; В головах отдельных членов этого слоя возник ведь и современный социализм, и ими уже был сообщен выдающимся по своему умственному развитию пролетариям Таким образом, социалистическое сознание есть нечто извне внесенное в классовую борьбу пролетариата, а не нечто стихийно из нее возникшее»⁸⁷.

Так, скептическое отношение Ленина к способности пролетариата к самостоятельному, осознанному действию было свойственно и другим марксистским теоретикам. Одни только этот скепсис и подчеркивание роли авангарда едва ли могли бы объяснить фундаментальное значение *Что делать?*,

⁸⁵ Бертрам Вульф подчеркивает, что в своих трудах Ленин особенно часто цитировал романтического и «волюнтаристического» Маркса революционного периода (1848–1850) и в меньшей степени позднего «детерминистского» Маркса, занимавшегося прежде всего «законами» экономического развития капиталистической системы (Wolfe B. *Marxism and the Russian Revolution* / его же. *An Ideology in Power. Reflections on the Russian Revolution*. New York, 1969. P. 3–41. зд. P. 23). Это обстоятельство и неудивительно. Ибо по «открытым» Марксом законам победа «пролетарской революции» в России была, по крайней мере при жизни Ленина, невозможна.

⁸⁶ Ленин, Н. [sic]: *Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения*. Stuttgart, 1902. С. 20.

⁸⁷ Цит. по: там же. С. 27.

сравнимое со значением *Манифеста Коммунистической партии*. Этому в первую очередь способствовали другие тезисы Ленина, прежде всего о революционной тактике. Так как в отличие от *Манифеста Коммунистической партии* не идеологические, а тактические вопросы составляли ядро *Что делать?*⁸⁸. При этом Ленин как бы вел «войну на два фронта»: как против идеологической беспомощности масс, так и против организаторской беспомощности марксистской интеллигенции в России⁸⁹. Последние оказались не в состоянии создать организацию, которая смогла бы повести за собой массы и стать вызовом для царского самодержавия. Поэтому Ленин мечтал о строго дисциплинированной, центрально управляемой заговорщицкой организации профессиональных революционеров: «Дайте нам организацию революционеров – и мы перевернем Россию!», пишет Ленин в *Что делать?*.⁹⁰

На первый взгляд замысел Ленина казался абсолютно утопичным. Как могло только что возникшее социал-демократическое движение России, не имевшее из-за самодержавного характера царской монархии почти никакой возможности действовать публично, стать вызовом для считавшегося тогда неодолимым царского государственного и полицейского аппарата? Сам Ленин признавался, что законы Бисмарка против социалистов казались по сравнению с репрессивной системой царского режима смехотворными: «Русскому пролетариату ... предстоит борьба с чудовищем, по сравнению с которым исключительный закон в конституционной стране кажется настоящим пигмеем»⁹¹. Несмотря на это, Ленин ни в коем случае не считает положение русских марксистов безвыходным.

⁸⁸ Идеологический каркас движения являлся для Ленина с самого начала не подлежащим сомнению. Николай Валентинов, бывший большевик, рассказывал о своем разговоре с Лениным в 1904 г., в котором Ленин остро спорил с теми большевиками, которые хотели обогатить марксизм новыми философскими учениями: по его словам было недопустимо исправлять Маркса. Социал-демократическая партия – это не семинар, говорил он, на котором можно обсуждать различные новые идеи. Это боевая организация с определенной программой и четкой иерархией идей. Вступление в эту организацию подразумевает безоговорочное признание этих идей. Марксизм можно развивать только в том направлении, на которое указал сам Маркс (Валентинов Н. [Вольский]: Встречи с Лениным. Нью-Йорк, 1979. С. 252 и сл.). Так что для Ленина идеология, в сущности, не подлежала обсуждению. Но он страстно дискутировал о вопросах революционной тактики. Петр Струве, в своей рецензии на книгу «Что делать?», которая была опубликована в 1903 году, писал: «(Российскому рабочему движению) приходится теперь подвергать критической проверке весь философский, социологический, экономический и исторический фундамент, на котором воздвигнута социал-демократическая программа. ...Ленин однако не ставит себе такой широкой задачи и...ограничивается по преимуществу вопросами тактики и организации» (См. Ostkraft/ Литературная коллекция. Научное обозрение. Сост. Колеров М. 6/2022. С.304).

⁸⁹ О критической точке зрения Ленина по отношению к интеллигенции см. напр. Frank V. Lenin und die Intelligentsia / Schapiro L. (Ed.). Lenin. Stuttgart, 1969. P. 23–33; Горький М. В.И. Ленин. М., 1960.

⁹⁰ Ленин. Что делать?. С 97

⁹¹ Там же. С. 17.

Потому что в русской истории уже был прецедент, когда маленькая, но хорошо организованная группа заговорщиков смогла сделать вызов могучему российскому государству и поколебать его основы. Этой группой были *Народники* и не в последнюю очередь основанная в 1879 г. террористическая организация *Народная Воля*, убившая в 1881 г. царя Александра II, вошедшего в русскую историю как «царь-освободитель». Ленин восхищался тактикой *народовольцев* и клеймил лишь их «неправильную» идеологию. Они же не были марксистами⁹². Разработанная в *Что делать?* организация профессиональных революционеров – «партия нового типа» – должна была, напротив, связать революционный порыв, характерный для *Народной Воли*, с марксистской программой, что сделало бы ее непобедимой.

Предсказанию Ленина суждено было сбыться. Соединение хилиастических мечтаний русской интеллигенции с марксистским утопизмом под крышей организации профессиональных революционеров, которую Ленин основал через год после опубликования *Что делать?*, представляло собой один из глубочайших поворотов в истории России и всего рабочего движения. До этого момента СДПГ считалась образцом для всех марксистских партий Европы. Ее организационная сила, ее эффективность делали ее равным соперником прусского государства, на структуры которого, как подчеркивает немецкий историк Томас Ниппердей, она в какой-то степени опиралась⁹³. Однако Пруссия и соотв. Германская империя были, несмотря на исключительные антисоциалистические законы Бисмарка, правовым государством, предоставлявшим политическим партиям бесчисленные возможности действовать легально. Все эти возможности не существовали в России до 1905 г. (до Октябрьского манифеста царя, обещавшего подданным предоставление основных прав). Таким образом, разработанная Лениным в 1902 г. «партия нового типа» не могла опираться на легально действующую партию по образцу СДПГ. Это, однако, не было единственной причиной, почему СДПГ не могла рассматриваться Лениным как образец для подражания. Когда он назвал исключительные законы против социалистов, представлявшие вершину преследования немецкого рабочего движения, «настоящим пигмеем», он как бы хотел сказать, что СДПГ развивалась при «тепличных условиях». Немецкое государство не оказывало достаточного давления, чтобы принудить СДПГ к соответствующему революционному противодействию. Подобное противодействие могло возникнуть только в России, так как только здесь репрессии приняли по европейским меркам беспрецедентные масштабы. Эта исключительная ситуация – борьба против «самого могучего бастиона

⁹² Там же.

⁹³ Nipperdey Th. Die Organisation der deutschen Parteien vor 1918. Düsseldorf, 1961.

европейской реакции» – придавала российскому пролетариату, по словам Ленина, особую функцию. Если бы российский пролетариат справился бы с этой задачей, он бы перенял ведущую роль в международном рабочем движении, стал бы его авангардом:

«История поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является *наиболее революционной* из всех *ближайших* задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также ...и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата»⁹⁴.

Эти слова Ленина в 1902 г. казались ересью. Для традиционно настроенных западных рабочих партий тогдашние процессы развития в самодержавной России нельзя было переносить на высокоразвитые индустриальные страны Запада и поэтому они казались, по сути, несущественными.

Казалось, сам Ленин сформулировал тезис о русском пролетариате как авангарде лишь мимоходом. Он его в *Что делать?* не углублял и неоднократно выражал свое восхищение СДПГ и мечтал о том, чтобы когда-нибудь и у русских социал-демократов были свои Бебели и Либкнехты⁹⁵. Была ли, таким образом, эта мечта о ведущей роли русского пролетариата лишь кратким эмоциональным всплеском без последствий? Едва ли. Едкая ленинская критика британского тред-юнионизма и немецкого ревизионизма показывает, что он начал все сильнее сомневаться в революционном темпераменте западных марксистов. И эти сомнения не были необоснованными. На рубеже веков марксизм, казалось, все сильнее принимал характер флегматичного экономического учения. Все меньше он звучал революционным пособием к действию. Не в последнюю очередь по этой причине царское правительство сначала не слишком возражало против распространения марксизма в России, казавшегося по сравнению с некоторыми другими революционными течениями более умеренным и миролюбивым⁹⁶. Без Ленина и его в 1903 г. основанной большевистской партии – «партии нового типа» – российский марксизм наверно в действительности бы принял похожий реформистский характер, как и на Западе. Противники Ленина на 2-м съезде социал-демократической рабочей партии России, закончившемся расколом партии – «меньшевики» – хотели дословно перенять ориентированные на Запад марксистские модели. Они, а не Ленин, были подлинными ортодоксальными марксистами. Ленин, напротив, проклиная все ревизионистские течения

⁹⁴ Ленин. *Что делать?*. С. 17-18.

⁹⁵ Там же. С.92-94.

⁹⁶ См. Wolfe B. *Three who made a Revolution (Lenin, Trotsky, Stalin). A biographical history.* New York, 1948.

целиком, был на самом деле «ревизионистом». Но для него не могло быть и речи о том, чтобы признать это. Несмотря на принципиальные изменения некоторых основ классического марксизма, он считал себя ортодоксальным марксистом, иногда даже «единственным ортодоксальным марксистом в мире» (Бертрам Вульф)⁹⁷. Попыткам меньшевиков приблизиться к «умеренному» западному марксизму Ленин и большевики объявили непримиримую борьбу. И как раз из-за своей непримиримости эта вначале крошечная партия оказывала практически непреодолимую силу притяжения на те группы в стране, которые хотели полностью разрушить существовавший экономический, политический и социальный порядок. Ленину играло на руку и то, что Российская империя находилась, примерно со времени потерпевшего неудачу восстания декабристов 1825 г., в состоянии все более радикализирующегося брожения. Не удивительно, что импортированные из Запада учения в России были особенно радикально интерпретированы. Умеренные силы в оппозиционном лагере, предупреждавшие о разрушительных последствиях обожествления революции, не могли предотвратить нарастающую поляризацию в стране. Россия держала курс, хоть и после нескольких передышек, на тотальную конфронтацию между государством и обществом, между верхами и низами. Ленин чувствовал себя в своей стихии. Несмотря на значительную изоляцию большевиков внутри политического класса России им удалось, особенно после падения самодержавия в феврале/марте 1917 г., подтолкнуть страну в предполагаемое Лениным направление. Поэтому эмигрировавший из Советского Союза историк Абдурахман Авторханов называет русскую революцию революцией по заготовленному плану, ленинскому плану, первая часть которого была намечена в *Что делать?*⁹⁸. Бертрам Вульф добавляет: «партия нового типа» Ленина была так сконструирована, что для нее не могло быть и речи о терпимости к другим партиям. Подобная партия могла, не принимая во внимание степень зрелости пролетариата, захватить власть, она объявляла себя авангардом пролетариата и навязывала свои собственные условия обществу во имя пролетариата, а пролетариату – во имя его собственного авангарда⁹⁹.

Таким образом, для Вульфа и Авторханова, как и для многих других советологов (Л. Хаймсон, М. Файнсод, Л. Шапиро, А. Мейер и др.), является несомненным, что разработанная в *Что делать?* концепция решающим образом

⁹⁷ Там же. Р. 13.

⁹⁸ Авторханов А. Происхождение партократии. Frankfurt/Main, 1973. С. 35.

⁹⁹ Wolfe B. A Party of a New Type. The Foundation Stone of the Communist International / Drachkovitch M.M. / Lazitch, B. (Ed.): The Comintern: Historical Highlights. Essays, Recollections, Documents. Stanford/Calif., 1966. Р. 20–44, зд. Р. 42–43; Петр Струве в своей, уже упомянутой рецензии на «Что делать?» (1903), писал: «(Ленин) не прочь от того, чтобы всех несогласно мыслящих исключить из партии» (Ostkraft 6/2022. С.305).

повлияла на последующие действия Ленина и созданной им в 1903 г. большевистской партии. Этот подтвержденный бесчисленными фактами из истории большевизма тезис был недавно поставлен под сомнение российским историком Анной Крыловой. С ее точки зрения, развитая в *Что делать?* модель представляет собой лишь эпизод в истории русского марксизма и большевизма, окончившийся с революцией 1905 г. В это время Ленин, якобы, научился ценить значение революционных инстинктов пролетариев и пересмотрел свое скептическое отношение к массам¹⁰⁰. Тот факт, что отношение Ленина к революционным инстинктам пролетарских (и крестьянских) масс являлось чисто инструменталистским, Анна Крылова оставляет без внимания. Эти инстинкты должны были быть лишь использованы для разрушения существовавшего порядка и для того, чтобы «партия нового типа» смогла получить единовластие. После достижения этой цели «стихийность» масс стала для партии, намеревавшейся теперь подогнать российскую действительность под марксистскую утопию, помехой, и должна была быть «усмирена». Тех большевиков, которые осуждали попечительство партии, точнее ее руководства над массами, Ленин обвинял в инфантильной позиции. В своей работе *Детская болезнь «левизны» в коммунизме* в мае 1920 Ленин критиковал тех коммунистов, которые говорили о «диктатуре партийных вождей», о партийной олигархии. Подобные обвинения свидетельствуют, по мнению Ленина, о «самой невероятной и безысходной путанице мысли». Потом он добавил: «Всем известно, что массы делятся на классы, что классами руководят обычно ... политические партии ..., что политические партии в виде общего правила управляются ... группами наиболее авторитетных, влиятельных, опытных... лиц, называемых вождями. Все это азбука. Все это просто и ясно»¹⁰¹.

Прямая связь между ходом мыслей Ленина в 1902 и 1920 гг., несмотря на все сомнения А. Крыловой, очевидна. Большевистская диктатура была действительно предвосхищена в своих принципах уже в *Что делать?*, так же как и очертания холокоста были уже явно видны в *Основах* Чемберлена.

¹⁰⁰ Krylova A. „Beyond the Spontaneity-consciousness Paradigm: "Class Instinct" as a Promising Category of Historical Analysis// Slavic Review 62, 1 (Spring 2003). P. 1–23; см. также: Zelnik R. E. A Paradigm Lost? Response to Anna Krylova. Там же. P. 24–33; Halfin I. Between Instinct and Mind: The Bolshevik View of the Proletarian Self. Там же. P. 34–40; Haimson L. Lenin's Revolutionary Career Revisited. Some Observations on Recent Discussions // Kritika 1/2004. P. 55–80; Lih L. T. How a Founding Document was Found, or One Hundred Years of Lenin's What Is to Be Done. Там же. 1/2003. P. 5–49; см. также некоторые ранние работы: Haimson L. H. The Russian Marxists and the Origins of Bolshevism. Cambridge, Mass., 1955; Treadgold D. W. Lenin and His Rivals: The Struggle for Russia's Future 1898–1906. New York, 1955; Meyer A. G.: Leninism. Cambridge, Mass., 1957; Keep J. L.H. The Rise of Social Democracy in Russia. Oxford, 1963; Schapiro L. Lenin nach fünfzig Jahren/ его же. Lenin. P. 7–22.

¹⁰¹ Ленин. Полное собрание сочинений (ПСС). М., 1958–1965. Т. 41. С.24.

Когда возникли эти два пролога к двойной тоталитарной революции 20-го века, Европа казалась, несмотря на гонку вооружений, шовинистические страсти на Западе и революционные в России, настолько стабильной и могущественной, как никогда прежде. Радикальнейшие противники господствовавшего порядка, прежде всего марксистски ориентированное рабочее движение, были интегрированы – не считая России и Италии – в существовавшую систему. Экономическая конъюнктура находилась после преодоления биржевого кризиса 1873 г. на подъеме. Вместе с США и Японией европейские государства практически разделили весь земной шар. В свете этой кажущейся устойчивости существовавшей ситуации представления Чемберлена и Ленина о разрушении старого и создании нового мира представлялись особенно далекими от действительности. Эта стабильность Европы производила впечатление даже на обоих деятелей, сомневавшихся, что они еще успеют увидеть исполнение их мечтаний. Когда Ленин после потерпевшей неудачу революции 1905 г. снова был вынужден эмигрировать в Швейцарию, он сказал, что у него возникло чувство, что он уже сходит в могилу¹⁰². Похожее состояние постигло и Чемберлена в довоенное время, когда многие хотя и читали его книги, но он со своими призывами к радикальному решению еврейского вопроса так и не смог вызвать к жизни широкое движение. Лишь после самоубийства старой Европы в результате «пракатастрофы» 1914–1918 гг. (Дж. Ф. Кеннан) утописты довоенного времени получили шанс, своими «видениями» коренным образом изменить мир.

Авторизованный перевод с немецкого Антонины Зыковой

¹⁰² Krupskaja N.K. Erinnerungen an Lenin. Vol. 1–2. Berlin / Wien, 1929–1933; см. также: Wolfe. Three who made a Revolution; Haimson. The Russian Marxism. P. 218-219.

II. Антизападничество в России и Германии после Первой мировой войны

II.1. Борьба с Западом и стремление к «новому величию» - Советская Россия и Германия между рапалльским договором и немецким «Октябрем» 1923 года¹

Путь в Рапалло

К самым большим недостаткам созданной после Первой мировой войны системы принадлежал тот факт, что России и Германии – потенциально сильнейшим державам континента – не было позволено участвовать в ее создании; эти страны стали ее непримиримыми противниками. Советская Россия так и не была приглашена в Версаль. Германскую же делегацию державы-победительницы пригласили лишь для того, чтобы сообщить ей об уже принятых условиях заключения мира.

Если бы Германия победила в Первой мировой войне, то наверняка ее «победный мир» имел бы аналогичный Версалью характер. Брест-Литовский мирный договор был примером такого «победного мира». Ведущие германские политики и генералы имели похожие экспансионистские планы в отношении Запада. Этот факт отражен во многих памятных записках времен Первой мировой войны. Почти все документы содержали требования обеспечения безопасности Германии на основе аннексии Бельгии и части Северной Франции. Но так как Германия проиграла войну, этим планам не суждено было сбыться.

«Стряхнуть оковы Версаля» - таков был абсолютный приоритет германской внешней политики после войны. Для достижения этой цели годились все средства, даже союз с советским режимом, бросившим беспримерный вызов существующему миропорядку.

¹ Письменная версия доклада, прочитанного в рамках конференции „Гибель империй. 1918 г.», организованной Международной лабораторией исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ (22–23 ноября 2018 г.). В этом тексте я опираюсь частично на мою книгу „Entstehung der kommunistischen Faschismustheorie. Die Auseinandersetzung der Komintern mit Faschismus und Nationalsozialismus 1921–1935“, DVA, Stuttgart, 1985 и статью «Коминтерн и правый экстремизм в Германии в 1923 году» в моем сборнике статей «Третий Рим? Третий Рейх? Третий путь? Исторические очерки о России, Германии и Западе», Московский философский Фонд, М., 2002.

Особенно активным сторонником германо-советского альянса был шеф рейхсвера генерал Ганс фон Сект. Он считал, что Франция проводит в отношении Германии настоящую «политику уничтожения». «Политика примирения с Францией ... не имеет перспектив», писал он осенью 1922 г. рейхсканцлеру Вирту. Сект находил, что единственной возможностью проводить активную внешнюю политику, которая осталась у стесненной ограничениями Версаля Германии, было сближение с Советской Россией.²

Образ мыслей Секта напоминает идеи Эриха Людендорфа, который так мотивировал поддержку, оказанную германским рейхом партии большевиков во время Первой мировой войны: «В военном отношении (отправка Ленина в Россию) была оправдана», так писал Людендорф в своих военных воспоминаниях: «Россия должна была пасть».³

Для Людендорфа, также как и для Секта, цель оправдывала средства. Тогда этой целью была «военная победа Германии в мировой войне».

Отрицание Запада

После поражения Германии – якобы «не побежденной на поле боя» нации в Первой мировой войне – немецкие националисты все настойчивей демонизировали как победителей, так и отстаиваемые ими демократические ценности. Суровость Версальского договора поборники национального реванша считали вполне достаточным основанием для того, чтобы смести существующий европейский уклад. Оскорбленное национальное самолюбие стало господствующим мотивом их образа мысли, определяло их тактику. Соображения касательно общеевропейского наследия уже не играли никакой роли: «Мы – притесняемый народ», писал в 1923 г. один из провозвестников так называемой Консервативной революции в Германии Артур Мёллер ван ден Брук: «Скудная территория, на которую нас оттеснили, таит в себе огромную опасность, от нас исходящую. Не следует ли нам строить нашу политику на основе этой опасности?».⁴

Руководство советской России, также как и национально настроенные германские круги, стремилось к разрушению созданного в Версале послевоенного порядка и к «новому величию». Достичь этого оно хотело, однако, при помощи пролетарской революции. Особые надежды питали большевики на победу этой революции в Германии.

² См. von Rabenau F. Seeckt. Aus seinem Leben 1918–1936. Leipzig, 1941. P.317.

³ Ludendorff E. Meine Kriegserinnerungen. Berlin, 1919. P.407.

⁴ Moeller van den Bruck A. Das dritte Reich. Hamburg, 1931. P. 71-72.

Значение Германии в политике Советской России и Коминтерна

Вплоть до захвата власти национал-социалистами Германия была для большевиков важнейшим участком на революционном фронте. Если бы в Германии возникла «диктатура пролетариата», то объединенных сил советской Германии и советской России было бы достаточно, по мнению ведущих большевистских идеологов, чтобы победить «капиталистический» мир.⁵ Отношение большевиков к Германии было окрашено исключительно сильными эмоциями, которые отсутствовали в отношении к любой другой стране. Творец марксизма родился в Германии, классические марксистские труды были изданы на немецком языке, здесь было самое сильное в мире и самое организованное рабочее движение, наконец, Германия была крупнейшей индустриальной страной Европы. Когда большевики говорили об электрификации, индустриализации и модернизации России, они в первую очередь подразумевали Германию.⁶

Пристальное внимание большевиков к Германии связано было также с тем, что непосредственное воздействие большевиков на немецкое общество было значительно большим, чем на ход событий в других европейских странах. Коммунистическая партия Германии после объединения с левым крылом Независимой социал-демократической партии в конце 1920 года стала массовой партией со значительным политическим влиянием. Большинство членов КПГ, как правило, прислушивалось к приказам, идущим из Москвы, иногда даже в противовес собственным убеждениям.

Таким образом, большевики смогли оказать немалое воздействие на внутреннюю политику Германии. Но они нашли средство влиять и на внешнюю политику этой страны.

Находясь под давлением победителей – стран Антанты – Германия, как уже было сказано, нуждалась в России как в противовесе. Стесненное положение, в котором Германия оказалась после Версаля, отнюдь не было помехой для большевиков. Они рассматривали конфликт между Германией и силами победителей как некую константу европейской политики.⁷ При выработке своей внешнеполитической тактики в первые годы после Мировой войны большевики исходили из того, что примирение Германии и Запада немыслимо. На этом

⁵ В апреле 1918 г. Ленин писал: «Победоносная пролетарская революция в Германии сразу, с громадной легкостью, разбила бы всяческую скорлупу империализма (сделанную, к сожалению, из лучшей стали ...), осуществила бы победу мирового социализма наверняка, без трудностей или с ничтожными трудностями.» (Ленин В.И. Полное Собрание Сочинений (ПСС). М., 1958–65. Т. 36, С.300-301)

⁶ См. Ленин. ПСС. Т. 36. С.82

⁷ Carr E.H. The Bolshevik Revolution. London, 1960-1961, Vol. 3. P. 305-311.

основывались их далеко идущие внешнеполитические амбиции. Излюбленной концепцией Ленина, которой он следовал в продолжение всего своего руководства страной, было сотрудничество высокоразвитой индустриальной Германии и богатой природными ресурсами, но экономически недостаточно развитой России.⁸ Когда после поражения немецких коммунистов во время так называемых мартовских событий 1921 года стало ясно, что ожидать скорой победы революции здесь пока что не приходится, Ленин еще настойчивей стал добиваться союза с «буржуазной» Германией. Он был убежден в том, что объективные обстоятельства принудят немецких «капиталистов» к этому союзу. Такая кооперация, по его мысли, способствовала бы достижению независимости обоих государств.⁹ Вождь русской революции исходил из кажущейся слабости обеих стран и недостаточно принимал во внимание то, что такое состояние может быстро измениться. Он упустил из виду тот факт, что еще недавно Германия была достаточно сильна, чтобы вести войну против чуть ли не всех крупнейших держав мира; лишь четырехлетняя борьба сломила ее.

Правда, Ленин недооценивал не только политический и военный потенциал Германии, но и хозяйственные возможности собственной страны. На рубеже веков Россия переживала стремительную индустриализацию – не в последнюю очередь в результате мероприятий министра финансов Сергея Витте. Тогда многие наблюдатели ожидали, что Россия очень скоро станет одной из сильнейших индустриальных стран мира.¹⁰ Потенциальная мощь России была одной из причин – как убедительно показал в своем исследовании немецкий историк Фриц Фишер, – заставивших политическое и военное руководство империи Вильгельма II планировать превентивную войну.¹¹ Эта мысль играла не последнюю роль в развязывании Первой мировой войны.

В противоположность многим другим политикам и ученым, Ленин недооценил потенциал России. Хотя он мечтал об электрификации и индустриализации страны, но думал, что «чудовищная отсталость» оттянет решение этой задачи на многие десятилетия.¹² Военное и хозяйственное превосходство стран-победителей было в глазах Ленина столь неоспоримым, что для выживания и Германии, и России ему казалось необходимым объединить силы обеих стран, чтобы хоть как-то защититься от этого превосходства. Поэтому он рассматривал подписанный в апреле 1922 г. Рапалльский договор как

⁸ Ср. Abramovitch R. Die Sowjetrevolution. Hannover, 1963. P. 227-229; Geyer D. Sowjetrussland und die Deutsche Arbeiterbewegung 1918–1932// Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte 1976. P. 5-9.

⁹ Ленин. ПСС. Т. 42. С. 68-69 и С. 105-106.

¹⁰ См. Parvus, Der Klassenkampf des Proletariats. Berlin, 1911. P. 48.

¹¹ Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Die Kriegspolitik des kaiserlichen Deutschland 1914–1918. Düsseldorf, 1961.

¹² Ленин. ПСС. Т. 42. С. 110-117, Т. 43. С. 68-69.

один из триумфов своей внешней политики. Договор должен был стать основой будущей внешней политики Советской России.¹³

Между тем, Рапалльский договор привел в смятение Коммунистическую партию Германии. Бывший член руководства КПП Рут Фишер сообщает, что многие немецкие коммунисты не приняли союз советского руководства с немецкой «контрреволюцией».¹⁴ Троцкий попытался успокоить КПП и заявил, что Рапалло означает не союз, а лишь начало нормализации отношений Советской России с «капиталистическими» государствами.¹⁵ Однако это утверждение Троцкого было ослаблено высказываниями Бухарина и Радека на IV конгрессе Коминтерна в конце 1922 года. Бухарин заявил, что советское руководство имеет право заключить союз с буржуазией определенной страны, чтобы уничтожить буржуазию другой страны. Это вопрос исключительно тактической и стратегической необходимости. Коммунисты же других стран обязаны поддержать такой блок.¹⁶

Еще определеннее высказался Радек. В декабре 1922 г. он сказал, что западная политика подавления Германии имеет также своей целью уничтожение России как мировой державы. Независимо от того, какой режим будет в Германии, Россия нуждается в ее технологической поддержке и немецком противовесе могуществу Антанты – без этого Россия не сможет остаться мощным государством.¹⁷ Таким образом, борьба немецких коммунистов против собственного «буржуазного» правительства весьма осложнилась из-за того, что это правительство оказалось в союзе с Советской Россией. К своему ужасу, немецкие коммунисты узнали, что сотрудничество между Веймарской республикой и Советской Россией охватывает не только хозяйственную и политическую, но и военную область. Тот самый рейхсвер, который стрелял в немецких рабочих, получил в Советском Союзе возможность производить запрещенное Версальским договором оружие и вооружать им своих солдат.¹⁸

¹³ Ленин. ПСС. Т. 45. С. 183

¹⁴ Fischer R. Stalin und der Deutsche Kommunismus. Der Übergang zur Gegenrevolution. Frankfurt am Main, 1950. P. 235.

¹⁵ См. Angress W. The Communist Bid for Power in Germany 1921-1923. Princeton/N.J., 1963. P. 236.

¹⁶ Protokoll des Vierten Kongresses der Kommunistischen Internationale. Petrograd-Moskau vom 5. November bis 5. Dezember 1922. Hamburg, 1923. P. 420.

¹⁷ Radek K. Die Liquidation des Versailler Friedens. Bericht an den 4 Kongreß der Kommunistischen Internationale. Hamburg, 1922. P. 22.

¹⁸ См. Carr E.H. German-Soviet Relations between the two World Wars 1919-1939. Baltimore, 1951; Freund G. Unholy Alliance. Russian-German Relations from the Treaty of Brest-Litovsk to the Treaty of Berlin. London, 1957; Kochan L. Russia and the Weimar Republic, Cambridge, 1954; Hilger G. Wir und der Kreml. Deutsch-sowjetische Beziehungen 1918–1941. Erinnerungen eines deutschen Diplomaten, Frankfurt/Main, 1955; Weber H./Bayerlein B.H./Drabkin J./Galkin A. Deutschland, Russland, Komintern, Band 2. Berlin-Boston, 2014. P.275.

Реакция советского руководства на оккупацию Рура

Оккупация Рурской области французскими и бельгийскими войсками в начале января 1923 года подтвердила тезис большевистских вождей о том, что Германия находится в глубокой депрессии и постепенно превращается в колонию Антанты. В одной из своих последних статей, опубликованной 2 марта 1923 г., Ленин писал: «Все капиталистические державы так называемого Запада клюют (Германию) и не дают ей подняться».¹⁹ Оккупация Рура чрезвычайно взволновала советское руководство. Как писал ведущий советский публицист Стеклов 21 января того же года, беспомощность Германии может оказаться очень опасной для СССР. Теперь Франция может попытаться вместе с Польшей и Румынией напасть на Советский Союз.²⁰ В феврале Георгий Чичерин заявил, что Советский Союз отвергает оккупацию Рура: она нарушает процесс нормализации в Европе, служащий советским интересам.²¹ Но оккупация Рура вызвала у московских руководителей не только негативную реакцию. Более или менее осторожно высказывалось мнение, что обострение немецко-французского конфликта будет содействовать оживлению революционного движения в Европе, которое уже к весне 1921 года явно начало затухать.

В этом смысле высказался Бухарин на XII съезде РКП(б) в марте 1923 г.²² За несколько недель до этого Бухарин выразил ироническую благодарность французскому премьер-министру за то, что оккупацией Рурской области он вновь поколебал международную стабильность, которая только было установилась в Европе. Коммунисты приветствуют такой поворот событий, потому что стабилизация «капиталистической» системы была для них небезопасной, утверждал Бухарин. В период стабильности «пролетариат» удовлетворяется несущественным улучшением своих жизненных условий, становится жертвой реформистских иллюзий. В период же потрясений рабочие становятся более восприимчивыми к коммунистическим идеям.²³ Столь противоречивые суждения иллюстрируют внутреннюю противоречивость позиции большевиков и Коминтерна по германскому вопросу. Коммунистам хотелось бы, чтобы Германия была одновременно и сильной, и слабой. От сильной Германии они ожидали, что она станет преградой антисоветской агрессии Антанты. С другой стороны, в слабой Германии было больше шансов

¹⁹ Ленин, ПСС. Т. 45. С.403.

²⁰ Eudin X./ Fischer H. Soviet Russia and the West 1920-1927. Documentary Survey. Stanford/Calif., 1957. P. 200-201.

²¹ Там же, P. 198.; Weber et. Al. Komintern. Vol. 2. P.274.

²² Двенадцатый съезд РКП(б). 1923. Стенографический отчет. М., 1968. С. 276.

²³ Eudin / Fischer. Soviet Russia and the Wes., P. 211.

на революцию, на то, что осуществится большевистская мечта о «советской Германии». Такая неоднозначность в немалой степени определяла отношение Коминтерна к Веймарской республике на протяжении всего кризисного 1923 года.

Что касается КПП, то она высказалась за революционное решение кризиса. Несмотря на внешнюю угрозу немецкому государству, компартия была против компромисса с собственной буржуазией. Когда в берлинском рейхстаге было получено известие об оккупации Рурской области французами и бельгийцами, депутаты всех партий встали, чтобы минутой молчания выразить свой протест против насилия. Остались сидеть лишь депутаты КПП. Депутат от коммунистов сказал, что Либкнехт учил партию отвечать на национальную войну войной классовой. Лозунг КПП – не классовый мир, а гражданская война.²⁴ Эта первая спонтанная реакция КПП совершенно не совпадала с тактическими соображениями Москвы. Это стало ясно на лейпцигском съезде КПП, состоявшемся в январе 1923 г., сразу после оккупации Рура. Карл Радек, который был делегатом Коминтерна, стремился не допустить на съезде дискуссии о революционных перспективах, открывающихся в Германии из-за Рура.²⁵ Рут Фишер вместе с левым крылом КПП настаивала на такой дискуссии. Позднее она писала, что Радек не допустил дебатов, видя в них опасность для установившихся немецко-советских отношений.²⁶

Требование союза с правыми радикалами

Оккупация Рура вызвала в Германии волну националистических настроений и охватила широкие слои населения. Это обстоятельство повлияло на тактические установки теоретиков Коминтерна. Многим из них стало ясно, что плыть против течения, с порога отвергать национальные интересы Германии, значит обречь КПП на изоляцию.²⁷

Борьба за влияние на националистические настроенные слои Германии была главным элементом тактики Коминтерна и КПП в последующие месяцы. На XII съезде РКП(б) (март 1923 г.) Бухарин заявил: Германия – одна из стран, поработанных Антантой, и КПП должна привлечь на свою сторону те слои

²⁴ Angress. *The Communist Bid for Power*. P. 294-295.

²⁵ Fischer. *Stalin und der Deutsche Kommunismus*. P. 277-279.

²⁶ Там же. P. 278-282.

²⁷ Там же. P. 118.

населения, которые противятся этому порабощению. Немецким коммунистам надо найти в себе мужество встать на защиту немецкой нации.²⁸

Национальный курс КППГ был подтвержден на III пленуме исполнительного комитета Коминтерна в июне 1923 года. В своей речи на пленуме Карл Радек заявил, что не следовало бы пренебрегать национальными идеалами и целями в коммунистической пропаганде. Компартия должна превратиться во всеохватывающую национальную организацию, только так она сможет стать решающим фактором в политической жизни страны. А этого можно достигнуть лишь в союзе с националистически ориентированными немецкими массами.²⁹ Речь Радека на пленуме в июне 1923 г. принадлежит к интереснейшим и важнейшим эпизодам тактики сближения Коминтерна с немецкими националистами и правыми экстремистами. Оратор восхищался правым экстремистом Лео Шлагетером, который был осужден на смерть французским военным судом. Речь Радека содержит прямое требование союза с немецкими правыми радикалами. По словам Радека, друзья Шлагетера по партии никогда не смогут достичь своей цели – освобождения Германии от Версальского договора, если будут рассматривать немецкий рабочий класс как своего врага, а не как союзника.³⁰

В своей речи Радек, разумеется, апеллировал не только к правым экстремистам, но и к коммунистам. Он назвал Шлагетера храбрым солдатом контрреволюции, весьма лестно описал его национальный идеализм, причем сделал это не только с целью привлечь симпатии немецких правых экстремистов, но также и для того, чтобы преодолеть опасения немецких коммунистов по поводу роста национализма в стране. Коммунисты Германии должны научиться видеть в радикально правых группировках не только врагов, но и «заблудших братьев», которые-де лишь по недоразумению воюют с коммунистами.

Вожди Коминтерна не хотели видеть, как глубока в действительности была идеологическая пропасть между коммунистами и правыми экстремистами.

Зато многие немецкие коммунисты ясно отдавали себе в этом отчет. В отличие от русских товарищей они понимали, как далека от реальности выработанная в Москве стратегия, и пытались противостоять идеализации немецкого национализма руководством Коминтерна.³¹

²⁸ Двенадцатый съезд РКП(б). С. 292.

²⁹ Protokoll der Konferenz der Erweiterten Exekutive der Kommunistischen Internationale. Moskau 12.–13.Juni 1923. Hamburg, 1923. P. 148.

³⁰ Protokoll der Konferenz der Erweiterten Exekutive. P. 240-245; Weber et. al. Deutschland. Vol. 1. P.46-47; Vol 2. S.277.

³¹ См. Fischer. Stalin und der Deutsche Kommunismus. P. 342-343; Buber-Neumann M. Kriegsschauplätze der Weltrevolution. Ein Bericht aus der Praxis der Komintern 1919–1943. Stuttgart, 1967. P. 92; Sommer: Der nächste Feind, das nächste Ziel// Die Internationale 1.6.1923. P.342-343.

Рут Фишер вспоминает, насколько унижительным был для немецких коммунистов этот курс на Шлагетера. И все же она не совсем права, характеризуя в своих мемуарах Радека как чуть ли не единственного, кто отвечал за этот курс.³² Столь важное тактическое решение Коминтерна было бы немислимо без согласования с высшими органами большевистской партии.

Ошибочная оценка Коминтерном немецкого правого экстремизма

Когда Радек говорил о возможности союза коммунистов с крайними немецкими националистами, он недооценивал интенсивность националистических эмоций в тогдашней Германии. Эти эмоции достигали порой такого накала, что не позволяли подчинить себя никаким другим целям, и стали самоцелью. Попытки руководства Коминтерна сделать эти эмоции инструментом политики, диктуемой из Москвы, с самого начала были обречены на провал.

Любые идеи, которые не выдвигали на передний план болезненно раздраженное чувство национального тщеславия, оказывались неэффективными в Германии периода между двумя войнами.³³ На предложение коммунистов о союзе немецкие правые экстремисты отреагировали скорее отрицательно.³⁴ В их глазах компартия была попросту иностранным агентом на немецкой земле.³⁵ Исключением были так называемые «национал-большевистские круги». Их представители, например, Мёллер ван ден Брук и граф Ревентлов, были готовы приступить к диалогу с коммунистами,³⁶ что и было торжественно отмечено Коминтерном как победа национального курса КПП. В июне 1923 г. на уже упоминавшемся III пленуме Коминтерна Зиновьев сказал, что националистическая газета «Совесть» аттестовала КПП как партию националистическую. Зиновьев счел эту характеристику комплиментом и надеялся, что КПП его заслужит. Конечно, КПП не была националистической партией, даже если ее противники так ее называли, продолжал Зиновьев. Но это указывало на то, что КПП уже

³² Fischer. Stalin und der Deutsche Kommunismus. P. 264-265, 341-343.

³³ См. Fest J.C. Hitler. Eine Biographie. Frankfurt/Main, 1973. P. 694; Rosenberg A. Geschichte der Weimarer Republik. Frankfurt/Main, 1961. P. 93-94.

³⁴ von Klemperer, Klemens. Konservative Bewegungen. Zwischen Kaiserreich und Nationalsozialismus. München, 1962. P. 157-159; Mohler A. Die Konservative Revolution in Deutschland 1918–1932. Grundriss ihrer Weltanschauung. Stuttgart, 1950. P. 65; Angress. The Communist Bid for Power. P. 349; Buber-Neumann, Kriegsschauplätze. P. 93-94.

³⁵ См. Adolf Hitlers Reden, Hrsg. E. Boepple, München, 1934. P. 57, 79, 93-94.

³⁶ См. Klemperer, Konservative Bewegungen. P. 157-158; Mohler, Die Konservative Revolution. P. 61-62; Angress. The Communist Bid for Power. P. 331-333.; Fischer. Stalin und der Deutsche Kommunismus. P. 343-345; Schüddekopf O.-E. Linke Leute von rechts. Die nationalrevolutionären Minderheiten und der Kommunismus in der Weimarer Republik. Stuttgart, 1960. P. 150-152.

развилась в такую партию, которая представляла целую нацию.³⁷ Двумя месяцами позднее Радек говорил: «Наводящая на размышление форма, в которой «Совесть» и многие другие печатные органы немецких националистов обратились к моей речи, показывает, что и в руководящих кругах фашизма имеются элементы, борющиеся за истину, ищущие путь».³⁸

Однако оптимизм руководства Коминтерна не был обоснованным. Слишком глубока была пропасть между мировоззренческими концепциями национал-большевистской идеологии и представлениями коммунистов. Правда, Мёллер ван ден Брук восхищался деятельностью большевиков в России и был готов к союзу с советским государством.³⁹ Тем не менее самой большой заслугой большевиков он считал то, что они форсировали национальное обновление России, не считаясь с марксистским тезисом об интернационализме.⁴⁰ Мёллер ван ден Брук добивался и для Германии аналогичного национального обновления с помощью революционных средств.⁴¹ Предпосылкой для этого он считал преодоление всех конфликтов внутри нации и ее максимальную сплоченность.⁴²

Таким образом, КПП, которая не могла отказаться от идеи классовой борьбы, не имела в концепции национал-большевиков, в сущности, права на существование. Тенденция национал-большевистских группировок искать сотрудничества с Советским Союзом исключительно на внешнеполитической арене, но не входить в равноправную внутривнутриполитическую кооперацию с КПП, разочаровала Москву. На III пленуме Исполкома Коминтерна Радек говорил о графе Ревентлове, что тот считает борьбу против Антанты невозможной до тех пор, пока не повержен «внутренний враг». Этим «внутренним врагом» для Ревентлова был революционный рабочий класс.⁴³ Все же Радек надеялся убедить «национал-большевиков», что исключение КПП из национального фронта было бы чрезвычайной утратой для национального дела.⁴⁴ Диалог Коминтерна с национал-большевистскими идеологами не привел к сколько-нибудь значительным результатам. И не только потому, что идеи «национал-большевиков» противоречили идеям коммунистов. Еще важнее был тот факт, что национал-большевистские круги сумели образовать внутри правозкстремистского лагеря лишь мелкие разрозненные группы, которые не

³⁷ Protokoll der Konferenz, der Erweiterten Exekutive. P. 101.

³⁸ Radek. Die internationale Lage. P. 38; Weber et. al. Deutschland. Vol. 1. P.47, Vol. 2. P.302.

³⁹ Moeller van den Bruck. Das dritte Reich. P. 67.

⁴⁰ Там же. P. 36 и 72-73.

⁴¹ Там же. P. 73-78.

⁴² Там же. P. 202-206.

⁴³ Protokoll der Konferenz der Erweiterten Exekutive. P. 242.

⁴⁴ Там же. P. 242-244.

оказывали серьезного воздействия на массы.⁴⁵ Наибольший вес в массах имели те идеологи, которые отвергали не только сотрудничество, но и какой бы то ни было диалог с марксистскими партиями.

Тактический поворот Коминтерна после отставки правительства Куно

Пока Веймарская республика следовала тактике пассивного сопротивления в оккупированной Рурской области, а окончания рурского кризиса не предвиделось, Коминтерн продолжал «курс Шлагетера». КПП должна была по распоряжению Москвы оставаться частью национального антизападного фронта. Немецкая компартия должна была лишь бороться за популярность среди радикализирующихся пролетарских и мелкобуржуазных масс, но не заниматься непосредственной подготовкой революционного переворота. Такая тактика встретила ожесточенное сопротивление левой оппозиции внутри КПП. Левым казалось, что положение Германии исключительно благоприятно для революции. Они отвергали как тактику единого фронта с социал-демократами, так и курс Шлагетера, и хотели свергнуть существующий строй силами одного немецкого пролетариата под руководством КПП.⁴⁶ Курс Радека критиковали тоже и некоторые большевистские лидеры, в первую очередь глава Коминтерна Григорий Зиновьев.⁴⁷ Но, пожалуй, самый влиятельный член большевистского руководства, Сталин, в то время, также как и Радек считал, что революционное решение рурского кризиса пока неактуально.⁴⁸ Радек выступил 3 августа 1923 г. со статьей, где критиковал революционное нетерпение левой оппозиции. Компартия, напоминал он, насчитывает в своих рядах в настоящее время всего лишь 300 тысяч рабочих. Слишком мало, чтобы думать о захвате власти. Немецкая буржуазия организована, как никакая другая в мире. И коммунистическая партия должна быть так же хорошо организована. Радек оговаривался, что в России большевики в 1917 г. были еще малочисленней чем немецкие коммунисты, и все же взяли власть в свои руки. Но русская буржуазия была полностью дезорганизована, и тогдашняя русская армия находилась под влиянием большевиков. Лагерь противников немецких коммунистов намного

⁴⁵ См. Klemperer, *Konservative Bewegungen*. P. 154-163; Mohler, *Die Konservative Revolution*. P. 60-65.

⁴⁶ См. Fischer, *Stalin und der Deutsche Kommunismus*. P. 310-317.

⁴⁷ Weber et. al. *Deutschland*. Vol. 2. P. 283-285.

⁴⁸ Там же. P. 282, 292-293; Bayerlein B.H./Babichenko L./Firsov F./Vatlin A. *Deutscher Oktober 1923: ein Revolutionsplan und sein Scheitern*. Berlin, 2003. P. 99-100.

сильней, в партии должно быть по меньшей мере миллион членов, чтобы думать о решающих битвах.⁴⁹

Высказывания Радека ясно показывают, что в начале августа 1923 г. группировки отрицающее немедленное революционное наступление в Германии еще преобладали в руководстве Коминтерна. Положение изменилось, когда 12 августа правительство канцлера Куно было вынуждено уйти в отставку из-за всеобщей забастовки в Берлине и новым рейхсканцлером стал Густав Штресеман. Прозападные симпатии Штресемана были хорошо известны в Москве. Теперь большевикам стало ясно, что на очереди – немецко-французское сближение; до сих пор такая возможность почти не принималась в расчет большевистским руководством. Результатом сближения бывших врагов – Германии и Франции и одновременного отхода Германии от политики Рапалло могла бы быть опасная внешнеполитическая изоляция СССР. Страх перед немецко-западным примирением привел к тому, что руководство Коминтерна, которое еще в начале августа критиковало левую оппозицию в КПП за ее революционное нетерпение, считая нереальным коммунистический переворот в Германии, теперь само начало подталкивать КПП к захвату власти.

Революционные ожидания в Москве и Октябрьское поражение

В первые сентябрьские недели 1923 года атмосфера в Москве была полна революционных ожиданий, сознания близкого всемирно-исторического поворота. Казалось, непосредственно приблизился разгром «мирового капитала».

Начиная с сентября 1923 года коммунисты полным ходом вели подготовку к перевороту в Германии.⁵⁰ Повсеместно создавались пролетарские сотни. Тысячи немецких коммунистов проходили военную подготовку под руководством советских инструкторов. По плану, выработанному в Москве, ядром германской революции должны были стать земли Саксония и Тюрингия. В начале октября успешно прошли переговоры о создании коалиции между левыми социалистическими правительствами этих земель и коммунистами. Коммунисты должны были войти в состав саксонского правительства Цайгнера и тюрингенского правительства Фрëлиха. Этот шаг должен был означать начало

⁴⁹ Radek. Der nahende Bankrott der deutschen Bourgeoisie// Inprekorr 3. 8. 1923. P. 1116.

⁵⁰ Weber et.al. Deutschland. Vol. 2. P.305, 311, 314-315. P.321-330; Bayerlein et.al. Deutscher Oktober 1923; Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М., 1998. С.416-422.

революционных преобразований по всей Германии.⁵¹ Ведущим немецким коммунистам было понятно, сколь вызывающим выглядел этот шаг в глазах консерваторов, не говоря уже о правых экстремистах. Председатель КПП Брандлер пытался сопротивляться нажиму большевистских вождей, требовавших от него немедленно вступить в земельные правительства Средней Германии. Он хотел подождать до тех пор, пока коммунисты не завоюют на свою сторону большинство населения в обеих землях.⁵² Но большевики все же смогли навязать свою волю.

Непосредственно перед вступлением КПП в саксонское правительство один из идеологов КПП Пауль Беттхер анализировал возможную реакцию имперского правительства и «фашистов» на этот процесс. Беттхер был далеко не так оптимистичен, как некоторые большевистские вожди. По его мнению, пролетариат в Саксонии и Тюрингии окружен «гитлеровскими гвардейцами» с юга и соединениями рейхсвера с севера. И хотя КПП, войдя в правительство, временно перехватила инициативу, контрреволюция может нанести удар в любой момент и начать карательные акции против пролетариата. Беттхер обратился с призывом к рабочему классу всей Германии не допустить разгрома рабочих правительств в Саксонии и Тюрингии.⁵³ Таким образом, он весьма реалистически оценивал угрозу, нависшую над коммунистическо-социалистическими правительствами в Средней Германии.

Опасность сознавал и Радек. Его статья в «Правде» в конце сентября была посвящена этой теме. Он указал на то, что и «фашисты» во главе с Людендорфом и Гитлером, и имперское правительство в одинаковой мере стремятся уничтожить «красную» Саксонию и Тюрингию. Однако Радек находил правительство Штреземана слишком слабым для решающей борьбы со своими внутривнутриполитическими противниками.⁵⁴

В бессилии веймарского правительства были убеждены не только коммунисты, но и национал-социалисты, которые всего лишь через год после похода итальянских фашистов на Рим планировали свой собственный поход на Мюнхен, а потом на Берлин, чтобы расквитаться с парламентским государством, как это сделали фашисты в Италии.

В октябре 1923-го года коммунисты вступили в союз с политической группировкой, боеспособность и политические цели которой сами коммунистические лидеры оценивали по меньшей мере скептически. Хотя вожди

⁵¹ См. Die Lehren der deutschen Ereignisse. Das Präsidium der Kommunistischen Internationale zur deutschen Frage. Januar 1924. Hamburg, 1924. P.60.

⁵² Fischer. Stalin und der Deutsche Kommunismus. P. 380, 410; Angress. The Communist Bid for Power. P. 400-401; Deutscher I. Der unbewaffnete Prophet. Stuttgart, 1962, S. 145.

⁵³ Böttcher P. Die sächsisch-thüringische Regierung// Inprekorr 12. 10. 1923. Nr. 160. P. 1364.

⁵⁴ Радек. Капитуляция Германии и фашистский переворот в Баварии//Правда 28.9.1923.

Коминтерна и приветствовали то, что левые социал-демократы предпочли сотрудничество с КПП практиковавшемуся большинством СДПГ союзу с буржуазными партиями, это признание было обставлено, однако, множеством оговорок. 25 октября 1923 г. Зиновьев сравнил левых социал-демократов с левыми эсерами, которые после Октябрьской революции некоторое время сотрудничали с большевиками, чтобы затем выступить против них.⁵⁵ По словам Зиновьева, радикализация масс вынудила левую социал-демократию пойти на сотрудничество с коммунистами, чтобы не допустить окончательного перехода масс на сторону КПП. С этим не вполне добровольным партнером надо быть начеку, коммунисты не должны допустить, чтобы левые социал-демократы играли самостоятельную роль в коалиционном правительстве: «Как только эти господа вступят в революционное правительство, они наверняка предпримут попытку в решающий момент превратить революционное правительство в дискуссионный клуб. В тот момент, когда потребуются железная диктатура и стальная решимость, они будут висеть на революционном правительстве, как гири на ногах. Излишняя «поддержка» со стороны левого крыла СДПГ может оказаться роковой для пролетарской революции».⁵⁶ С такими настроениями коммунисты вступили в союз с левыми социал-демократами. Сомнения коммунистов в готовности левых социал-демократов противостоять общегерманскому правительству оправдались. Когда рейхсвер приступил к ликвидации «саксонского эксперимента», левые социал-демократы отвергли требование коммунистов предпринять насильственные контрмеры. «Ненадежность» социал-демократии нанесла окончательный удар и без того малореальным революционным планам Коминтерна.

В бессилии веймарского правительства в 1923 году были убеждены не только коммунисты, но и национал-социалисты.

Но несколько недель после октябрьского поражения немецких коммунистов также и Гитлер имел возможность убедиться в «ненадежности» своих союзников. Марш на Берлин потерпел такое же поражение, как и «немецкая Октябрьская революция». Гитлер увидел, что его консервативные партнеры не хотят вооруженного столкновения с государственной властью. Опыт политического флирта с мнимыми союзниками, приобретенный коммунистами и национал-социалистами, оказался весьма сходным. Но обе группировки сделали из этого принципиально разные выводы. В отличие от коммунистов, не подвергавших сомнению правильность собственной тактики и считавших причиной своего поражения лишь «неустойчивость» своих союзников,⁵⁷ Гитлер

⁵⁵ Zinov'ev. Die Probleme der deutschen Revolution// Inprekorr 25. 10. 1923. Nr. 165. P. 1404.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Коминтерн против фашизма. Документы. М., 1999. С.14, 115-116; Luks. Entstehung. P.81-82.

не настаивал на непогрешимости своей тактики. Лучше коммунистов он понял, что нельзя ждать многого от политических сил, отвергающих применение прямого насилия. Поэтому он решил изменить не характер своих союзников, а собственную тактику. Тогда, быть может, колеблющиеся союзники превратятся в надежных партнеров.

Так зарождалась гитлеровская идея «легализма» – прихода к власти при помощи государственного аппарата, а не вопреки ему.

II.2. Соблазн антизападничества в России и Германии на примере Евразийского движения и Консервативной революции в Веймарской республике ¹

В России в последние годы большой популярностью пользуются идеи немецкой «консервативной революции» возникшей в Веймарской Германии в 1920-е годы. Их называют чуть ли не последним словом европейской мысли, течением, имеющим не только блестящее прошлое, но и великое будущее.

Кем же в действительности были «консервативные революционеры»? Как определить их идейные установки?

Надо сказать, что «консервативная революция» действительно была очень влиятельной группировкой в Веймарской республике. Это идеологическое течение насчитывало немало блестящих умов и рафинированных стилистов (Эрнст Юнгер, Артур Мёллер ван ден Брук, Ганс Церер, Эдгар Юнг и др.).

Австрийский писатель Гуго фон Гофмансталь, который в 1927 году пустил в обиход понятие «Консервативная революция» определил это течение как восстание против невыносимо-неромантического 19-го века, как поиск путей преодоления связанных с ним идей: эти искатели – не масса, а одиночки; своего рода нация одиночек.²

Консервативная революция объединяла парадоксальным образом понятия, которые отрицают друг друга. Ведь консерваторы обычно пытаются защитить старое от посягательств революционеров, а революционеры стремятся к разрушению старого во имя нового.

Консервативные же революционеры объединяли эти две противоположные установки – были одновременно и радикальными разрушителями и реставраторами. Разрушить они хотели хрупкую немецкую демократию возникшую после поражения Германии в Первой мировой войне. Немецкий политолог Ганс Бухгейм пишет в этой связи: «Национальная спесь, не желающая смириться с военным поражением, пока что еще не могла двинуться на своего врага и потому ополчилась против собственного государства, как если бы ликвидация этого государства была первым условием национального возрождения».³

¹ Сокращенная и обновленная версия моей статьи, опубликованной первоначально в «Вопросах философии» (3/1996), а потом частично и в некоторых других изданиях, в том числе и в журнале «Идеология и политика» (1/2018).

² v. Hofmannsthal H. Schrifttum als geistiger Reichtum der Nation/ его же. Gesammelte Werke. Prosa. Vol. 4. Frankfurt am Main, 1955. P.390-413.

³ Buchheim H. Das Dritte Reich. Grundlagen und politische Entwicklung. München, 1958. P. 54.

Так что, по отношению к возникшей в ноябре 1918 года «первой» немецкой демократии консервативные революционеры действительно были революционно настроены. А что же они хотели сохранить? Пытались ли они возродить возникшую в 1871 и разрушенную в 1918 году Вторую германскую империю? Ни в каком случае. Рухнувшую вследствие Первой мировой войны Вильгельмовскую империю Консервативные революционеры считали царством посредственности и мещанства. Нет, не по ней они тосковали. Возродить они хотели не ее, а давно ушедший в небытие средневековый Германский Рейх,⁴ с которым они связывали всякого рода романтические воспоминания: рыцарство вдохновляющееся миссионерскими идеями, иерархически построенное сословное государство с почти непроницаемыми социальными перегородками, где каждое сословие несло свои обязанности по отношению к общественному целому и не думало только о своих правах.

Но можно ли себе представить что-то более утопическое чем эту попытку группы немецких интеллектуалов восстановить в Германии структуры ушедшие в историческое небытие более полуторысячи лет назад? Были ли консервативные революционеры обречены на неудачу из-за утопичности их целей? Вряд ли. 20-е столетие было веком реализации самых, казалось бы, фантастических утопий. Сталину, например, удалось осуществить давнюю мечту радикальных социалистов, стремящихся к полному уничтожению частной собственности. Когда Маркс и Энгельс в феврале 1848 г. в «Манифесте Коммунистической партии» писали, что главной целью коммунизма является упразднение частной собственности, эта идея казалась всего лишь выдумкой абстрактно мыслящих молодых людей – своего рода «шигалевищиной», как назвал бы такого рода постулаты Достоевский. Однако 82 года спустя, во время коллективизации сельского хозяйства в СССР, эти «шигалевские» идеи были почти полностью осуществлены.

Гитлер, в свою очередь, почти полностью осуществил идеи радикальных анти-семитов 19-го века, мечтающих о «Европе без евреев».

Уже в 1924 году Николай Бердяев говорил в этой связи, что в 19-том столетии часто приходилось слышать сожаления о том, что утопии хоть и прекрасны, но не могут быть осуществлены; в 20-ом же веке человечество столкнулось с совсем другим положением вещей: утопии гораздо легче осуществить, чем считалось раньше, вопрос в том, как предотвратить их осуществление.⁵

То, что говорил Бердяев, касалось и консервативных революционеров. Их мечты о построении нового 3-го рейха, по образцу средневековой германской империи, были отнюдь не безобидным резонерством, так как они в немалой степени

⁴ Winkler H.A. Der lange Weg nach Westen. Erster Band. München, 2002. P. 524.

⁵ Бердяев Н. Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы. Берлин, 1924. С.121.124.

очистили путь для создания реального Третьего рейха. Утопичность грез «консервативных революционеров» придавала их стремлению к реализации их утопий еще большую динамичность. Эта динамика была однако направлена в первую очередь не на созидание, а на разрушение существующего тогда в Германии и Европе порядка и связанных с ним идей – в первую очередь либерализма, парламентаризма и идей правового государства.

Заимствованный у Запада либерализм был объявлен консервативными революционерами смертельным врагом немцев – да и всего человечества. Для одного из ведущих авторов консервативной революции, Мёллера ван ден Брука, либерализм являлся "моральным недугом народов": он олицетворяет собой, якобы, свободу от убеждений и выдает ее за убеждение.⁶ Здесь отчетливо слышится характерная для певцов консервативной революции наставительная, морализаторская нота. Гуманизм для авторов, находящихся под впечатлением несправедливого Версальского договора и потому готовых разрушить весь европейский порядок, – это предмет насмешек, что не мешает им, не моргнув глазом, обвинить либералов и либерализм в нравственном индифферентизме.

Неудивительно, что этот морализирующий аморализм, который дает незамедлительное отпущение грехов собственным несправедливым деяниям, а противника клеймит как неисправимого злодея, – так притягательно действовал на многих.

Вовлечение Германии в круг либерально-демократических государств – результат, интриг коварного Запада, считает Мёллер ван ден Брук. Сам то Запад, продолжает идеолог Консервативной революции, к либеральному яду нечувствителен, на самом, деле никто там не верит всерьез в принципы либерализма. А вот в Германии их принимают за чистую монету. Не видят, что либерализм несет с собой разложение и гибель. Западные державы не сумели одолеть немцев в честном бою – и теперь пытаются погубить Германию с помощью революционной и либерально-пацифистской пропаганды. И глупые немцы покорно глотают эту отраву.⁷

То, что немецкое Верховное командование в 1917 г. обеспечило Ленину беспрепятственный проезд в Россию, то, что оно рассматривало экспорт революции как законное средство борьбы с противником, попросту сбрасывалось со счетов. Нужно было любой ценой отвлечь внимание от собственной вины и собственной несостоятельности. Тем громче и назойливей были инвективы против мнимого врага.

Упоение консервативных революционеров их собственными национальными бедами было таким же безграничным, как и их мания величия. Теперь оказывалось, что единственное средство утолить страдания немцев – это мировое гос-

⁶ Moeller van den Bruck A. Das dritte Reich. Hamburg, 1931.

⁷ Там же.

подство. "Владычество над землей – таково средство сохранить жизнь, предоставленное... народу перенаселенной страны, – считает Мёллер ван ден Брук. – Вопреки всем противоречиям, устремления людей в нашей перенаселенной стране направлены к единой цели: нам необходимо пространство".⁸

Критики Запада из лагеря консервативной революции мечтали о новом вооруженном походе против западных держав. Война была, по их убеждению, той стихией, где немец чувствует себя вольготно. Эрнст Юнгер писал, что немец, обряженный в гражданское, буржуазное одеяние, выглядит смехотворно. Почему? Да потому, что он по своей натуре бесконечно далек от идеи индивидуальной свободы и, следовательно, от буржуазного общества.⁹

Существует только одна масса, которая не вызывает смеха: это армия, – добавляет Юнгер.¹⁰ Освальд Шпенглер вещает: "История государств есть история войн. Идеи, требующие решений..., отстаивают не словами, а силой оружия".¹¹

Британский историк Льюис Немьер даже называет войну одной из форм немецкой революции.¹² Похоже, что спасение, которое чаяли обрести последователи консервативной революции в "переживании войны", оправдывает этот тезис.

Американский историк Генри Тёрнер полагал, что Первая мировая война поставила под вопрос старинный европейский идеал храбрости. Анонимное, методическое истребление людей дезавуирует традиционные воинские добродетели. Для миллионов людей вера в личный героизм стала абсурдом. Как бы вторя Тёрнеру, немецко-американский историк Вольфганг Зауэр говорит о мощном пацифистском брожении в послевоенной Европе; это брожение грозило, по его мнению, развенчать самый образ солдата.¹³

Успех воинственной и прославляющей войну праворадикальной идеологии в период между двумя войнами, прежде всего в Германии и Италии, начисто опровергает этот тезис. Гипноз войны, всепоглощающей военной техники был куда сильнее, чем всякие сомнения относительно смысла войны. Этот примечательный феномен еще в 1928 г. привлек внимание немецкого публициста Морица Юлиуса Бонна. Идеализация войны, писал он, – анахронизм, война в наше время – это не наивно-безотчетное упоение битвой, как во времена легендарных героев, современная война – это машина, это предприятие по массовому уничтожению людей. И все-таки такую войну прославляют!¹⁴

⁸ Там же. P.63, 712-72.

⁹ Jünger E. Der Arbeiter. Herrschaft und Gestalt. Hamburg, 1932.

¹⁰ Jünger E. Der Kampf als inneres Erlebnis. Berlin, 1933.

¹¹ Spengler O. Preußentum und Sozialismus. München, 1920. P.52-53.

¹² Namier L. The Course of German History/его же. Facing East. London, 1950. P.25-40.

¹³ Turner H. A. Faschismus und Kapitalismus in Deutschland. Göttingen 1972. P. 168-169; Sauer W. National Socialism: Totalitarianism or Fascism//The American Historical Review 1967. P. 411.

¹⁴ Landauer C, Honneger H., Bonn M. J. Internationaler Faschismus. Karlsruhe, 1928. P. 131-132.

Прославляющим войну немецким противникам парламентской демократии она, т. е. демократия, представлялась "нерыцарственной". Ноябрьская революция 1918 г. оказалась неспособной защитить страну, писал Эрнст Юнгер. Она обернулась против солдат на фронте. Мужество, честь, мужская стойкость – эти понятия были ей чужды.¹⁵ Освальд Шпенглер с презрением пишет о "неописуемо безобразных" ноябрьских событиях: "Никакого величия, ничего вдохновляющего. Ни одной по-настоящему крупной фигуры. Ни единого слова, выдерживающего испытания временем. И даже ни одного отважного преступления".¹⁶

Для правоведа Карла Шмитта принадлежащего к самым блестящим разрушителям тех основ на которых зиждилась немецкая демократия, Веймарская республика по сути не была государством. Отдельные сегменты общества (партии, союзы, связанные общими интересами, и т. п.) захватили власть в стране и злоупотребляют ею ради собственной выгоды, утверждает Шмитт. Государство как воплощение общего дела практически упразднено.

Консервативные революционеры усматривали якобы неисцелимый недуг либерального, правового государства в его мнимой неспособности принимать решения, справляться с "критическими ситуациями". В правовом государстве, сетует Карл Шмитт, распоряжаются не люди и не начальство, а законы. Исконное и нерушимое понятие власти подменено абстрактными нормами.¹⁷

Ученик Шмитта Эрнст Форстхоф добавляет: честь и достоинство – личностные категории; правовое государство устраняет все личное; поэтому оно не знает понятий чести и достоинства.¹⁸

Так в стане консервативной революции распространилась мечта о настоящем хозяине – тоска по Цезарю. Харизматический вождь, явление которого еще в XIX и начале XX в. предрекали, одни с тревогой, другие – связывая с ним великие надежды, некоторые видные европейские умы, должен был заменить господство внеличных институтов владычеством воли.

Цезаристская идея имеет в Западной Европе давнюю традицию. Еще Макиавелли мечтал о властителе, чьи деяния и свершения вызволят Италию из-под гнета старых установлений, о вожде, который объединит страну. Образцами для Макиавелли служили кондотьеры эпохи Возрождения. Эти люди поднялись из низов, всем были обязаны самим себе и благодаря своим выдающимся талантам достигали славы и власти. Кондотьеры сметали древние династии и отжившие институции, смело вводили новый порядок в своих государствах. Таким же новым Цезарем, но в несравненно большем масштабе, был и Наполеон.

¹⁵ Bastian K.-F. Das Politische bei Ernst Jünger. Freiburg i. Br., P.66.

¹⁶ Spengler. Preußentum und Sozialismus. P. 11.

¹⁷ Schmitt C. Legalität und Legitimität. München, 1932.

¹⁸ Forsthoff E. Der totale Staat. Hamburg, 1933. P.13.

Кризис парламентарной системы, с особой остротой поразивший после 1918 г. Италию и Германию, подогрел в обеих странах тоску по харизматической личности. В лице этого сверхчеловека должен был возродиться исконно-личный характер политики. Отныне пусть снова властвуют герои, а не доктрины, классы или анемичные учреждения, считали те, кто тосковал по новому Цезарю.

Эрнст Никиш, приверженец левого крыла консервативной революции писал в 1936 г.: "(Немецкая буржуазия) насытилась безликой законностью, презирала свободу, охраняемую законом; эти массы хотели служить конкретному человеку, преклониться перед личным авторитетом, перед диктатором... Неожиданные зигзаги, прихоть и произвол "вождя" они готовы были предпочесть строгой предсказуемости раз и навсегда гарантированного законного порядка".¹⁹

Мировой экономический кризис 1929 г. нанес еще один удар по либеральному мировоззрению. Рухнула вера в то, что либеральная система способна к саморегуляции. Свободная игра экономических сил, принцип конкуренции оказались не в состоянии предотвратить небывалый хозяйственный крах.

Впрочем, зашаталась не только либеральная модель. Кризис испытало тогда и марксистское мировоззрение. Блестящий эмигрантский историк и публицист Георгий Федотов в 1931 г. писал, что идея социальной справедливости и защиты угнетенных явно потеряла привлекательность; вместо этого в Европе повсеместно растет самый безудержный национальный эгоизм, готовый оправдать всякое распространение собственной нации в ущерб другим народам.²⁰

Оказалось, что либерализм и марксизм переживали общую судьбу, что ров между ними не так уж глубок, как казалось вначале.

Что же связывало неуступчивый и нетерпимый, притязающий на владение абсолютной истиной марксизм с релятивистским и плюралистичным либерализмом? В первую очередь это была вера в разум, в человеческую способность овладеть как природными, так и социально-экономическими процессами. Оба мировоззрения торжествуют в эпохи, когда господствует вера в науку и прогресс. Когда же увядает эта вера, бьет час идеологов культурного пессимизма, певцов иррационализма, – бьет час консервативной революции.

На так называемые народные массы, равно как и на массовые партии, консервативные революционеры взирали сверху вниз. С их точки зрения эти партии были неотъемлемой частью Веймарской системы, внушавшей им отвращение. Многие представители консервативной революции посмеивались над планами Гитлера совершить в Германии "легальную революцию" с помощью избирательных

¹⁹ Niekisch E. Das Reich der niederen Dämonen. Hamburg, 1953. P.87.

²⁰ Федотов Г. Социальный вопрос и свобода//Современные записки № 47, 19431. С.421-438; его же. Сумерки отечества/его же. Судьба и грехи России. Санкт-Петербург 199—1992. Т. 1. С.320-328.

бюллетеней. Эрнст Юнгер считал, что, пересев на парламентского коня, Гитлер лишь демонстрирует свою ослиную глупость. Эрнст Никиш добавлял (в 1932 г.): кто избегает открытого столкновения, – как Гитлер – тот уже побежден.²¹

Несмотря на подобную критику большинство консервативных революционеров эйфорически приветствовало лавинообразные победы НСДАП в начале 30-х годов. Эрнст Никиш и его группа «Сопrotивление» принадлежали к немногочисленным скептикам. Для большинства же критиков Веймарской демократии из лагеря консервативных революционеров, триумфальные победы НСДАП в начале тридцатых годов символизировали конец ненавистной либеральной эпохи, начало национального возрождения.

Некоторые круги Консервативной революции – и прежде всего группа, объединившаяся вокруг журнала "Ди Тат" ("Действие") и его издателя Ганса Церера, – искали сближения с нацистской партией, пытаясь подчинить ее своему влиянию. В июле 1932 г. немецко-русский социал-демократ Александр Шифрин опубликовал статью о группе "Ди Тат". Кружок "Ди Тат", писал автор, намерен использовать национал-социалистическое движение с целью осуществить "немецкий социализм". Однако и национал-социалисты сумели употребить этих союзников с пользой для себя, ибо получили духовную поддержку и дополнительные возможности инфицировать общественное мнение своей идеологией. Наивность таких людей, как Церер, не может служить для них, по мнению Шифрина, оправданием, эти люди "хотят быть обманутыми", хотят "соединить реакцию с социализмом".²² Строго говоря, А. Шифрин в этом пункте все же заблуждался. Консервативные революционеры, действительно, были поразительно наивны. Они считали себя хладнокровными политиками, их расчет был – позволить нацистам провести предварительную подготовку к последующей "подлинной" национальной революции. Решающим моментом подготовительной работы было свержение Веймарской республики. А там уж "консервативные революционеры" возьмут руководство в свои руки. Что же произошло? После 30 января 1933 г. они уже никому не были нужны. Вместо того чтобы пожать плоды чужой "работы", они сами расчистили путь нацистам.

Лишь постепенно они начали, подобно ученику чародея, понимать, каких демонов они растревожили. Утрата иллюзий приняла довольно широкие масштабы. Одни из тех, кто подготовил события 30 января 1933 года, пали жертвой нацистской деспотии (Эдгар Юнг), другие ушли во внутреннюю эмиграцию (Эрнст Юнгер).

Но с другой стороны необходимо подчеркнуть, что грезы консервативных революционеров о национальной диктатуре, об упразднении либерального

²¹ Niekisch E. Hitler – ein deutsches Verhängnis. Berlin, 1932.

²² Schifrin A. Adelfaschismus und Edelfaschismus//Die Gesellschaft 7/1932. P.97-108.

государства «без чести и достоинства», о Германии готовой к войне, грезящей о безграничной экспансии, вплоть до господства над миром, их тоска по сильной руке, по завершающей историю «третьей империи» почти закономерно должны были воплотиться в фактически установленный 30 января 1933 года Третий рейх.

Идеология консервативных революционеров во многом напоминает идейные установки их российских современников, однако не в Советской России, а в эмиграции.

Большевиков лишь с большими оговорками можно считать антизападниками. Они вовсе не были склонны отвергать Запад как таковой. Тезис о предстоящем "закате Европы" их не убеждал. Европейская буржуазия – вот кто был обречен, а отнюдь не весь Запад. Предчувствие близящегося конца у правящих классов, утверждали большевики, лишь подтверждает коммунистический прогноз – крушение капитализма, которое стоит уже на пороге. Модная на Западе пессимистическая философия Освальда Шпенглера – верное классовое предчувствие буржуазии, не замечающей, однако, пролетариата, который должен ее заменить, писал Троцкий в 1922 г.²³

Ленин еще в начале XX века считал нелепостью пророчества о гибели Запада. Они стимулировались победой Японии над царской Россией в 1905 г. Триумф Японии развеял миф о непобедимости Европы. Ленин приветствовал победу японцев. Но это вовсе не означало, что он верил в некий особый азиатский путь, отличный от пути Европы. Вот что писал Ленин накануне Первой мировой войны о борьбе Азии за освобождение, усилившейся после русско-японской войны: "Не значит ли это, что сгнил материалистический Запад и что свет светит только с мистического, религиозного Востока? Нет, как раз наоборот. Это значит, что Восток окончательно встал на дорожку Запада, что *новые сотни и сотни миллионов* людей примут отныне участие в борьбе за идеалы, до которых доработался Запад. Сгнила западная буржуазия, перед которой стоит уже ее могильщик-пролетариат".²⁴

Все это свидетельствует о том, что в традиционном русском споре западников и славянофилов большевики занимали скорее радикальную западническую позицию. Веру в особый путь России они не разделяли. Если у России и было своеобразие, то оно сводилось, по мнению большевиков, к ее отсталости.

²³ Троцкий Л. Пять лет Коминтерна. М., 1924. С.549.

²⁴ Ленин В. Полное собрание сочинений. М., 1958–1965. Т.21. С.402.

Подобно другим русским западникам от Петра I до Сергея Витте, они только и мечтали о том, чтобы догнать высокоразвитые страны Запада.

Совершенно иначе смотрели на Запад и на петровский замысел европеизации России некоторые эмигрантские течения – в особенности возникшее в 1921 году евразийское движение. Евразийцы считали, что Петр I своей реформой уничтожил тот фундамент, на котором покоилась мощь России. Ни одному из иностранных завоевателей еще не удавалось до такой степени разрушить национальную культуру и формировавшийся веками национальный уклад, писал один из основоположников евразийства, князь Николай Трубецкой.²⁵

Евразийцами не берется во внимание, что идеализируемая ими Московская Русь постепенно начала задыхаться от своей автаркии и собственного самодовольства, что по крайней мере со времени террора Ивана Грозного начался беспрецедентный кризис российской идентичности. Чтобы преодолеть все более глубокую культурную стагнацию Россия срочно нуждалась в культурных побуждениях извне, и откуда они могли прийти, если не с Запада. Не случайно, говорит критик евразийства, Владимир Вейдле, Петр Первый открыл окно не в сторону Мекки, не на Лхасу, но в Европу.

Своим радикальным отрицанием Запада и характерных для Запада идей, в особенности либерализма, евразийцы во многом напоминают консервативных революционеров.²⁶ Обе группировки объединяет также стратегическая идея – овладеть изнутри тоталитарной партией, с тем чтобы привлечь ее приверженцев к осуществлению своих собственных целей. Дело дошло до того, что евразиец К.Чхеидзе в 1929 г. выразил надежду на превращение ВКП(б) в партию евразийцев.²⁷ И он был не одинок. Все это показывает, как далеки были евразийские идеологи и политики от понимания природы советской тоталитарной власти, природы тоталитарных партий и режимов вообще, насколько эти идеологи недооценивали способность тоталитарного режима истреблять вокруг себя все «подрывные элементы», всякую тень инакомыслия.

Определенный параллелизм заметен и в политической структуре евразийского движения и немецкой консервативной революции. Оба течения носили подчеркнуто элитарный, «аристократический» характер; оба основывались на вере во всемогущество идей. Евразиец Петр Савицкий писал в 1923 году о том, что наро-

²⁵ Трубецкой Н. (И. Р.). Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Берлин, 1925. С.35-39.

²⁶ Wiederkehr S. Die eurasische Bewegung. Wissenschaft und Politik in der russischen Emigration der Zwischenkriegszeit und im postsowjetischen Russland. Köln, 2007. P.15, 65, 129, 147-148; Laruelle M. Russian Eurasianism. An Ideology of Empire. Baltimore, 2008. P. 26, 210; Байсваенгер М. «Консервативная революция в Германии и движение евразийцев: точки соприкосновения»//Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры 1/2009. С.23-40.

²⁷ Чхеидзе К. Евразийство и ВКП (б)//Евразийский сборник № 6. 1929. С.38-40.

ды будут управляться идеями, а не учреждениями, что коммунизм можно преодолеть лишь при помощи другой, еще более высокой и всеобъемлющей идеи.²⁸ Подобные высказывания о власти идей могли бы принадлежать таким ведущим представителям консервативной революции, как Ганс Церер, Мёллер ван ден Брук или Эдгар Юнг. Так же как немецкая консервативная революция, движение евразийцев было восстанием молодежи против идей и целей старшего поколения. Ко времени возникновения евразийского движения Трубецкому было всего 30 лет, Савицкий был еще моложе. И в обоих случаях – как у немцев, так и у русских – восстание молодых принимало неожиданные, нетрадиционные формы. В XIX веке было обычным делом, что сыновья оказывались левее отцов. После событий 1917-18 гг. это правило не соблюдалось. Теперь сыновья нередко правее своих отцов – либералов или умеренных консерваторов. На это обстоятельство указывал Трубецкой, одновременно подчеркивая, что речь идет отнюдь не о реставрации, не о тоске по старине. Нужны новые пути, ибо традиционные – левые – идеологии потерпели фиаско. Новые идеологии, писал Трубецкой, в действительности ни левые, ни правые, ибо они находятся в иной плоскости отсчета. Радикально новое есть не что иное, как обновление глубокой древности, другими словами, новая идеология ориентирована не на вчерашний день.²⁹ Евразийцы отвергают петербургскую Россию во имя Святой Руси.

Тут видна аналогия с некоторыми уже упомянутыми группировками консервативной революции, которые отвергали Вильгельмовскую Германию во имя средневекового рейха.³⁰

Время расцвета евразийства – это одновременно и время расцвета идей консервативной революции: двадцатые годы. Только что закончившаяся мировая война была событием, в котором консервативные революционеры видели начало новой великой эпохи. От войны они ожидали радикального обновления общества, возможность начать все заново. Для евразийцев же роль мировой войны сыграла русская революция. В двадцатых годах национал-социалистическая диктатура еще не обозначилась на политическом горизонте, сталинская диктатура только начала вырисовываться. Ни в России, ни в Германии политическая реальность еще не успела принять отчетливый тоталитарный облик, как это произошло после сталинской революции сверху в СССР и установления нацистской

²⁸ Савицкий П. Подданство идеи//Евразийский временник №3. 1923. С.9-10.

²⁹ Трубецкой Н. У дверей реакция? Революция?//Евразийский временник 3/1923. С.18-29.

³⁰ Moeller van den Bruck. Das dritte Reich. P.5-7, 178-179.

диктатуры в Германии. Политическая действительность еще казалась «экспериментальной». Это был звездный час идеократических движений, стремившихся изменить мир с помощью идей, а не громоздких и неповоротливых бюрократических аппаратов или трудно контролируемых массовых движений.

Конечно, между евразийством и консервативной революцией существовали немалые различия. Например, в учении евразийцев очень важное место занимала религия. Трубецкой и его последователи стремились не только к восстановлению национального величия России, но и к религиозному обновлению. Для большинства же консервативных революционеров в Германии религия почти не имела значения. Чувство уязвленного национального самолюбия – вот что доминировало в их политическом мировоззрении и отодвигало на второй план все другие духовные вопросы. По-разному относились евразийцы и консервативные революционеры к насилию. Хотя евразийцы считали революцию и гражданскую войну неизбежными, они, несомненно, были далеки от того, чтобы восхищаться насилием. У евразийцев почти не встречается эстетизация насилия, типичная для многих идеологов консервативной революции.³¹ Наконец, евразийцы, в противоположность консервативно-революционным группировкам, действовали вне пределов своей страны, их проповедь никак не влияла на ее развитие. Правда, евразийцы придавали большое значение тому, чтобы их не воспринимали как «обычную» эмигрантскую организацию. Они внимательно следили за развитием событий внутри Советского Союза, им даже казалось, что их идеи находят отклик.

Желание участвовать в политическом развитии новой России было у некоторых евразийцев настолько сильным, что они впадали в тот же соблазн, за который они сами еще в середине 20-х годов порицали появившееся в 1921 году движение «Смена вех». Их отношение к большевистскому режиму становилось все менее критическим. По этому вопросу возникли резкие разногласия, которые в 1929 году привели к расколу движения. В Париже возникло просоветское крыло евразийцев под руководством С.Эфрона и Дм.Святополк-Мирского, объединившееся вокруг газеты «Евразия».

Параллелизм в мышлении евразийцев и консервативных революционеров бросается в глаза. Встает вопрос, существовали ли между ними прямые контакты, влияли ли друг на друга оба течения. Если это было, то крайне редко. Петр Савицкий жалуется в 1931 году на неожиданно вялый отклик немецкой общественности на публикации евразийцев. В таких странах, как Польша, Чехословакия, Югославия дело обстоит иначе.³²

Может быть слабое эхо евразийства в Германии объяснялось языковым барьером? Вряд ли. Антизападный манифест основоположника евразийства

³¹ Jünger. Der Kampf.

³² Савицкий П. В борьбе за евразийство. Париж 1931.

Николая Трубецкого, «Европа и человечество», опубликованный в 1920 г. уже в 1922 году был переведен на немецкий. Весьма подробно писал о русских евразийцах в 1927 Ганс фон Римша в монографии «Зарубежная Россия».³³ Так что связывать неуспех евразийцев в Германии с языковыми препятствиями нет оснований. Скорее этот неуспех был связан с тем, что «зарубежная Россия» интересовала публицистов консервативной революции куда меньше, чем советское государство. Они были загипнотизированы (как, впрочем, и сами евразийцы) советским экспериментом.

А как обстояло дело с реакцией евразийцев на идеи консервативной революции? Эта реакция тоже была сравнительно слабой. Правда евразийцы внимательно изучали писания Освальда Шпенглера и других антилиберальных интеллектуалов Веймарской Германии. Однако феномен консервативной революции как таковой занимал их очень мало. Среди немногих исключений можно назвать статью А. Антипова «Новые пути Германии» в евразийском сборнике «Новая Эпоха» (1933). Автор анализирует программы разных группировок консервативной революции – от кружка «Ди Тат», до группы «Сопrotивление» Эрнста Никиша и видит поразительное сходство консервативной революции с идеологией евразийства.

Когда в начале 30-х годов в СССР развернулись индустриализация и коллективизация сельского хозяйства, евразийцы были очарованы гигантским размахом этих преобразований. Евразиец Пейль писал в 1933 году о триумфе новой эпохи централизованной плановой экономики, пришедшей на смену устарелому хаотическому ведению хозяйства.³⁴ Для Савицкого это означало конец подражания Западу. В России возникла грандиозная общественно-экономическая модель, которая в конце концов завоюет Запад.³⁵ (Стоит сравнить с этим «тотальную мобилизацию» и грезы о государстве рабочих и воинов Эрнста Юнгера.)

Кончились двадцатые годы, кончилось и время идеологических экспериментов. Кончилась и юность самих евразийцев. Их претензии, как и претензии консервативных революционеров, повлиять «изнутри» на сталинский resp. нацистский режим обнаружили свою утопичность. Слепое послушание и безоговорочное принесение себя в жертву тоталитарному государству были принципами, на которых строились эти режимы. Таким политическим силам, как евразийцы или консервативные революционеры, там не было места.

Несмотря на это, основоположник евразийского движения, Николай Трубецкой, оптимистически оценивал будущее евразийства. В 1937 году – в

³³ v. Rimscha H. *Russland jenseits der Grenzen*. Jena, 1927. P.182-193.

³⁴ Пейль В. За идеократию и план//Новая эпоха. Идеократия. Политика. Экономика. Обзоры. Нарва, 1933. С.3-5.

³⁵ Савицкий П. Очередные вопросы экономики Евразии. Там же. С.11-12.

судьбоносном году сталинского режима – Трубецкой опубликовал в 12 тетради «Евразийской хроники» свою статью под названием «Упадок творчества». Хотя статья не содержит ни единого слова о терроре, она являет собой уничтожающую критику сталинизма. Согласно автору, репрессивная политика режима привела к параличу творчества в стране: «Люди, вынужденные долго молчать, в конце концов разучиваются говорить». В этой порожденной партией культурной стагнации Трубецкой видит причину неспособности сталинизма создать свой собственный культурный стиль. В Советском Союзе, пишет он, осуществляется всего лишь неуклюжее подражание полностью устаревшим культурным моделям, которые доминировали в дореволюционной России в шестидесятые-семидесятые годы 19 столетия.³⁶

Евразийцы мечтали о том, чтобы прийти на место истощившей себя коммунистической партии. В вышеназванной статье Трубецкой писал, что положение в Советском Союзе хотя и вызывает озабоченность, но не является безнадежным: «Исход состоит в замене марксизма другой идеей-правительницей».³⁷ И для Трубецкого не было никакого сомнения в том, что эта другая идея может быть только «евразийской».

Годом позже Трубецкой умер и его смерть символизировала конец классического евразийства. Как тогда казалось, оно окончательно покинуло политическую сцену. Несмотря на свое безграничное честолюбие, евразийцы, таким образом, не смогли создать действенную альтернативу коммунистической идеологии. Учение евразийцев казалось странной и окончательно закрытой главой в истории российской эмиграции. Однако, в мире идей царят законы, которые всегда готовы преподнести сюрприз. Евразийским идеям, вроде бы канувшим в Лету в конце тридцатых годов, суждено было пятьюдесятью годами позже пережить совершенно неожиданный ренессанс. Уже в конечной стадии горбачевской перестройки, когда эрозия коммунистической идеологии становилась все более очевидной, многие защитники имперской русской идеи пустились на поиски новых объединяющих начал для всех народов советского государства и открыли при этом евразийские идеи. Однако анализ идеологии неоевразийства выходит за рамки данной работы.

Но вернемся к «Консервативной революции». Учитывая скорбные последствия действий консервативных революционеров, понятно, почему их идеи в послевоенной Германии полностью дискредитированы.

Совершенно иначе обстоят дела, как известно, в постсоветской России. Здесь идеи этой группировки пользуются немалым влиянием. С особой

³⁶ Трубецкой Н. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 446.

³⁷ Там же. С.448.

настойчивостью пытается их популяризовать идеолог неоевразийства Александр Дугин провозглашая их чуть ли не высшей точкой развития западной мысли.

В действительности же, как уже было сказано, идеи консервативных революционеров на Западе уже давно обветшали и обанкротились. Однако уже не в первый раз России пытаются навязать ретроградную идеологию, выдавая ее за последнее достижение европейского ума. Так было в 1917 году, когда большевики начали широко пропагандировать свою наивную веру в науку и прогресс, наивный материализм – все то, что в Западной Европе и в интеллектуальных кругах России («Вехи») уже в начале века было преодолено. Ныне, как и в 1917 году, стране угрожает запоздалая «европеизация» с помощью вытасненных из чулана, устаревших идей.

III. Советско-германские отношения в 1930-е годы

III. 1. Лев Троцкий в борьбе против Гитлера, Сталина и сталинской «теории фашизма» (1930-1933)*

Физическое уничтожение огромного количества представителей старой большевистской гвардии, которая после 1917 года диктаторски властвовала в России, – одно из самых поразительных явлений новейшей истории. Внешне эта трагедия отчасти напоминает события во Франции времен якобинского террора. Но во Франции 9 термидора 1794 года режим Робеспьера, просуществовавший не более двух лет, рухнул. В Советском Союзе, напротив, «термидора» никогда не было, вопреки утверждениям некоторых авторов. Не могло быть и речи о сколько-нибудь последовательном сопротивлении тирану со стороны ленинской гвардии, за немногими редкими исключениями – такими как Мартемьян Рютин и некоторые другие. Вот что пишет в этой связи биограф Сталина, А. Антонов-Овсеенко: «Часто спрашивают, неужели на Сталина не было ни одного покушения? Да, ни одного... Да их не было у нас, заговорщиков, ибо уже к началу 30-х годов с именем Сталина связывали все победы социалистического строительства. И разгром "троцкизма", и укрепление единства коммунистических рядов».¹

Упорная борьба Троцкого против Сталина, которую бывший соратник Ленина вел начиная с 1929 года вплоть до своей гибели в 1940 году, нетипична для тогдашнего большевизма. Высылка из СССР, которую так тяжело пережил Троцкий, в конечном итоге, оказалась подарком судьбы, так как эффективная борьба с новой деспотией была возможна только из-за границы.

Но не только внутреннюю политику Сталина, но и его губительную для страны и для европейского рабочего движения внешнюю политику можно было после 1929 года в сущности критиковать лишь из-за рубежа. Это особенно

* Письменная версия доклада, прочитанного 12 апреля 2019 г. в рамках семинара «Восток-Запад: универсализм культур» Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ. Статья эта была опубликована в журнале «Историческая экспертиза» (29.8.2019). Первоначальная сокращенная русская версия этого текста появилась в моем сборнике статей «Третий Рим? Третий Рейх? Третий путь? Исторические очерки о России, Германии и Западе». М., 2002. Я опираюсь здесь также и на мои книги «История России и Советского Союза. От Ленина до Ельцина». РОССПЭН: М., 2009 и «К столетию «философского парохода». Мыслители «первой» русской эмиграции о русской революции и о тоталитарных соблазнах XX века». *ibidem* Stuttgart, 2023.

¹ Антонов-Овсеенко А. Сталин и его время // Вопросы истории. 1989. № 10. С. 84.

касается абсурдной концепции «социал-фашизма», восторжествовавшей в Коминтерне окончательно в 1929 году, чуть ли не накануне захвата власти нацистами. Сталинское руководство Коминтерна беспощадно пресекало любую попытку немецких коммунистов объединиться с социал-демократами в борьбе против фашизма, клеймило этих коммунистов как беспринципных оппортунистов². Это о них сказал глава КПГ Эрнст Тельман, в декабре 1931 года, что они не видят из-за нацистских деревьев социал-демократического леса³. О возможности единого фронта с социал-демократами стали говорить в Коминтерне лишь в середине 1934 года, когда рабочее движение в Германии было уже уничтожено Гитлером.

К числу немногих коммунистов, которые открыто боролись против отождествления социал-демократии с фашизмом и предостерегали от катастрофических последствий подобной тактики, в первую очередь, принадлежал Троцкий. Можно обвинять Троцкого в чем угодно, но только не в том, что он недооценивал нацистской угрозы. Его полемика с официальной линией Коминтерна в начале тридцатых годов – это блестящая и уничтожающая критика сталинского упрощательства.

Почему же руководство Коминтерна в начале 1930-х годов требовало от компартии Германии проведения политики, противоречащей интересам самой КПГ? На этот вопрос можно ответить, проследив взаимозависимость тогдашней внутренней политики СССР и большевистской политики Коминтерна. Советский Союз находился в центре интересов сталинской фракции Коммунистического Интернационала. К началу 1930-х годов усилилась тенденция проецирования процессов, проходивших внутри СССР, на развитие ситуации во всем мире. В этот период ВКП(б) была вынуждена напрячь все силы для проведения коллективизации сельского хозяйства. Для того чтобы сломить сопротивление крестьян, руководство партии требовало от ее рядовых членов особой твердости и дисциплины. Но такой же твердости и дисциплины Москва требовала и от всех остальных секций Коминтерна, хотя положение коммунистических партий в других странах коренным образом отличалось от положения большевиков. В этом опять же прослеживается склонность Сталина чрезвычайно упрощать сложнейшие процессы. По мнению бывшего немецкого коммуниста Франца Боркенау, атмо-

² См. Luks L. Entstehung der kommunistischen Faschismustheorie. Die Auseinandersetzung der Komintern mit Faschismus und Nationalsozialismus 1921–1935. Stuttgart, 1935.

³ Die Kommunistische Internationale. 10.12.1931. P. 1906.

сфера гражданской войны, возникшая в России вследствие проведения коллективизации, была распространена на весь Коминтерн.⁴

Сталинская фракция отделила себя от других политических группировок, провела «чистку» партии от всех других фракций и начала создавать предпосылки для «революционного наступления» в целях построения социализма в СССР. Такие же предпосылки должны были создать и все остальные коммунистические партии, в первую очередь, КПГ. Политические группировки, не являвшиеся про-сталинскими, были исключены из коммунистических партий, а всем некоммунистическим партиям была объявлена непримиримая война. После «чистки» своих рядов зарубежные коммунисты, по примеру большевиков в России, стали претендовать на то, что только лишь они могут представлять истинные интересы своих наций. Эта провозглашенная Коминтерном тактика самоизоляции могла оказаться действенной лишь в том случае, когда компартия имела монополию на власть (а это было только в Советском Союзе). Только правящая партия, имевшая в своем распоряжении все средства принуждения государственного аппарата, могла реализовать свои радикальные декреты в условиях политической самоизоляции. Не находившиеся у власти коммунистические партии, следовавшие в 1930–1933 годах тактике Коминтерна, заключили себя в своего рода политическое гетто, потеряв при этом всякую связь с политической реальностью своих стран.

Троцкий прокомментировал тогдашнее поведение КПГ следующим образом: она пытается во всем подражать партии большевиков и ведет себя как единственная правящая партия. Но, в отличие от руководства ВКП(б), КПГ не имеет возможности арестовывать своих критиков и противников. Радикализм КПГ осуществляется только на словах и направлен на то, чтобы скрыть собственное бессилие.⁵

Чтобы еще сильнее подчеркнуть разницу между коммунистами и некоммунистическими силами, сталинские «теоретики» распространили определение «фашизм» почти на все некоммунистические партии и группировки. Такая установка автоматически вела к недооценке нацистской угрозы.

Открытая критика этой абсурдной политики сталинского руководства внутри сталинского Коминтерна была невозможна. Критиковать самоубийственный курс можно было только извне. И это делали с особой остротой Троцкий, изгнанный в 1929 году из СССР, и Август Тальгеймер, исключенный в это же время из КПГ.

Троцкий в 1930–1933 годах неоднократно указывал на то, что бессмысленное перенесение понятия «фашизм» на практически все некоммунистические силы в

⁴ Borkenau F. The Communist International. London, 1938. P.339.

⁵ Trotzki L. Schriften über Deutschland. Ed. H. Dahmer. Frankfurt/Main, 1971. Vol. 1. P.208-209.

Германии автоматически приведет Коминтерн к недооценке нацистской угрозы.⁶ Огромные различия между буржуазной демократией и фашистской диктатурой, имевшие для рабочего движения жизненно важное значение, воспринимались Коминтерном как нечто несущественное. Бесчисленные рабочие организации, легально существующие в Германии, пишет Троцкий, будут запрещены и уничтожены после прихода к власти фашистов. Для сталинистов, однако, это не является достаточным доказательством существования той пропасти, которая разделяет парламентскую демократию и фашистский режим.⁷ Троцкий подчеркивает, что массовое фашистское движение только тогда откроет свое истинное лицо, когда захватит власть над государственным аппаратом. Необходимо всеми силами препятствовать этому процессу, хотя сталинисты вряд ли окажутся в состоянии противостоять этому действенными методами.⁸

Особенно резко Троцкий критиковал, как уже было сказано, теорию «социал-фашизма». Знак равенства между социал-демократией и фашизмом являлся, по мнению Троцкого, типичным для сталинского «вульгарного радикализма». Социал-демократия не может существовать без пролетарских организаций, для фашизма же основной целью является их уничтожение. Как полагал Троцкий, единственным способом для предотвращения захвата власти фашистами было выступление единым фронтом КПГ и СДПГ. Но сталинское руководство, писал он, признает только один вид Единого фронта – когда все остальные партии беспрекословно выполняют приказы лидеров Коминтерна.⁹

Троцкий подверг беспощадной критике не только тактику Коминтерна, но и СДПГ. Он обвинил немецких социал-демократов в преувеличенной государственной лояльности. В январе 1932 года он писал, что СДПГ никогда не верила в то, что фашисты когда-нибудь отважатся перейти от слов к делу. Свою тактику СДПГ автоматически переносила на методы фашистов. СДПГ всегда боялась решительных действий и полагала, что такая же нерешительность свойственна и фашистам.¹⁰ Троцкий осуждал неспособность немецких социал-демократов во время тяжелого кризиса оказать действенное сопротивление экстремистскому противнику.¹¹

Однако тут надо добавить, что это качество было свойственно и русским социал-демократам и социал-революционерам, что и помогло большевикам в 1917 году захватить власть. Троцкий в полной презрения к социал-демократам речи,

⁶ Троцкий Л. Немецкий бонапартизм//Бюллетень оппозиции. Октябрь 1932. № 32. С.44-45.

⁷ Trotzki. Schriften über Deutschland. Vol. 1. P.199.

⁸ Там же. P.156, 160.

⁹ Там же. P. 205-206; его же. Что есть Социал-фашизм?//Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). Май 1930. № 15-16; См. также Broué P. Trotzki. Eine politische Biographie. Vol. II. Der Kampf gegen Stalinismus und Faschismus. Köln, 2003. P.866-867.

¹⁰ Trotzki. Schriften über Deutschland. Vol. 1. P.185.

¹¹ Там же. P. 185-192, 364-366, 399-401.

произнесенной сразу же после большевистского переворота, отправил социал-демократических противников большевиков в «мусорную корзину истории».¹² Но тринадцать лет спустя Троцкий видел единственный путь для предотвращения победы национал-социализма в объединении с тем движением, которое он сам когда-то так высокомерно сбросил с политической сцены России. На этот раз беспомощность социал-демократов в столкновении с беспощадным противником сыграла на руку не коммунистам, а национал-социалистам. После захвата власти в Германии Гитлер почти дословно повторил слова Троцкого о том, что историческая роль социал-демократов уже сыграна. Но то же самое Гитлер заявлял и о роли коммунистов.¹³

Т. к. руководство Коминтерна решительно препятствовало попыткам немецких коммунистов преодолеть изоляцию КПГ, оно таким образом демонстрировало отсутствие большого интереса в привлечении КПГ для существенного влияния на внутреннюю политику Германии. По всей вероятности, такое положение дел свидетельствует о том, что лидеры ВКП(б) не видели прямой угрозы для себя в тогдашней политической ситуации Германии, по крайней мере, угрозы для советского государства, интересы которого всегда стояли для них на первом месте. С 1919 года большевики не видели в немецком национализме силы, которая могла бы представлять опасность для Советской России. В Москве тогда считалось аксиомой, что немецкий национализм направлен только против Запада, против Версальской системы. Но так как большевики и себя считали ее противниками, то они ничего не имели против ужесточившихся с 1929–1930 годов выступлений немцев против «оков Версаля». Нацистов только изредка подвергали критике за то, что они недостаточно радикально выступают против Версальской системы. Отто Куусинен, один из лидеров Коминтерна, на XII пленуме ИККИ упрекал нацистов в том, что у них не хватает мужества потребовать от государств-победителей присоединения к Германскому рейху Австрии и областей, отошедших в 1918 года к Польше.¹⁴ Агрессивную риторику нацистов большевистские лидеры воспринимали как фасад, призванный скрыть военное и политическое бессилие Германии. Советское руководство не только считало, что немецкий национализм

¹² Trotzki L. Geschichte der russischen Revolution. Frankfurt/Main, 1973; Deutscher I. Der bewaffnete Prophet. Stuttgart, 1962. P.299.

¹³ Domarus M. Hitler. Reden und Proklamationen 1932–1945. Würzburg, 1962. Vol. 1. Erster Halbband 1932-1934. P. 232; см. также Документы внешней политики СССР. М., 1961–1973. Т. 16. С.271.

¹⁴ XII. пленум ИККИ. 27.8.1932-15.9.1932. Стенографический отчет. М., 1934. Т. 3. С.126.

направлен исключительно против Запада, оно было также уверено, что военная мощь Германии сломлена на поколения.

Это убеждение оставалось незыблемым до захвата власти национал-социалистами. Хотя большевики восхищались мощью немецкой промышленности, они не понимали, что именно благодаря ее потенциалу Германия имеет все предпосылки для возрождения военной машины. Советские руководители не замечали, что вся инфраструктура, которая в Советском Союзе создавалась путем индустриализации, чтобы снова сделать страну ведущей военной державой, уже давно существовала в Германии.

Эту недооценку нацистской угрозы сталинским руководством, Троцкий считал вершиной легкомыслия. Очень рано Троцкий предсказывал смертельную угрозу, какую нацистская Германия представит для СССР. Лишь фашистская Германия может решиться на войну с Советским Союзом, чтобы отвлечь внимание народа от внутренних проблем, – писал Троцкий еще в 1932 году, т. е. еще до победы нацистов.¹⁵

Троцкий советовал советскому руководству провести частичную мобилизацию, как только нацисты захватят власть в Германии.¹⁶ Сталинское руководство Коминтерна квалифицировало эти советы как провокацию. Отто Куусинен утверждал в сентябре 1932 года, будто Троцкий добивается, чтобы Советский Союз без всякой необходимости ввязался во внешнеполитическую авантюру и тем самым поставил на карту свою безопасность.¹⁷

Непосредственно после прихода нацистов к власти, Троцкий заявил, что их стремление к неограниченной экспансии можно подавить лишь силой. Пытаться вести с ними мирные переговоры бесполезно. На западные державы он, однако, в этой борьбе не слишком надеялся. Троцкий достаточно рано распознал политическую близорукость тогдашних западных руководителей. Западные державы, писал он в июне 1933 года, лелеют надежду, что национал-социалистическая экспансия устремится на Восток. Поэтому они и не возражают против вооружения Германии. В действительности же национал-социализм стремится не только к завоеванию Востока, но и к мировому господству. Поэтому его война с западными странами тоже, рано или поздно, неизбежна¹⁸.

¹⁵ Trotzki. Schriften über Deutschland. Vol. 1. P.152.

¹⁶ Там же. P. 315. Broué. Vol. 2. P.872-873.

¹⁷ XII. пленум ИККИ.С.6-8.

¹⁸ Trotzki. Schriften über Deutschland. Vol. 2. P. 555-566.

Ясное понимание того, что гитлеризм представляет собой небывалую опасность для европейской цивилизации, совмещалось у Троцкого, как ни странно, с определенной недооценкой Гитлера, не говоря уже о его презрении к личности нацистского вождя и к его «абсурдному» и «сумбурному» мировоззрению (как выражался Троцкий). Подобно другим высокообразованным интеллектуалам он недооценивал Гитлера – примитивного и полуобразованного самоучку. Но также отнеслись к Гитлеру и Курцио Малапарте и Освальд Шпенглер и многие другие, видевшие в Гитлере лишь карикатуру на Муссолини¹⁹.

Недооценка радикальности национал-социалистического мировоззрения затрудняла Троцкому и другим коммунистическим теоретикам понимание существенных различий между итальянским фашизмом и национал-социализмом. Уже в 1922 году теоретики Коминтерна характеризовали итальянскую фашистскую партию как «буржуазную партию нового типа», которая существенно отличается от других, уже существующих «буржуазных партий». Гораздо труднее далось им понимание того, что НСДАП развивалась как «фашистская партия нового типа», которая отличалась от итальянского фашизма не менее радикально, чем последний отличался от традиционных буржуазных партий.

Впрочем, в недооценке Троцким Гитлера сыграло роль еще одно обстоятельство. Троцкий – герой и вдохновитель русской революции, полководец гражданской войны и признанный лидер мирового коммунистического движения – долгое время был кумиром масс, объектом безмерного восхищения. Его судьба сложилась, однако, так, что сначала его изгнал за пределы страны один примитивный самоучка – Сталин, а затем ему пришлось пассивно наблюдать, как другой такой же самоучка – Гитлер – достиг абсолютной власти в Германии, в стране, которую Троцкий считал ключевой в мировой политике и в мировой революции. Троцкий не мог примириться с тем, что многие объясняли удивительные успехи Сталина и Гитлера их личными качествами и способностями. Ему казалось, что триумф этих жалких деятелей объясняется действием анонимных исторических сил, которые, так сказать, «воспользовались» Сталиным и Гитлером²⁰. Когда Троцкий это писал, Сталин завершил коллективизацию – беспрецедентную по своим тоталитарным масштабам

¹⁹ Trotzki. Schriften über Deutschland. Vol. 2. P. 573-574; Malaparte C. Technik des Staatsstreiches. Leipzig, 1932. P. 219-232; Spengler O. Jahre der Entscheidung. Deutschland und die weltgeschichtliche Entwicklung. München, 1953. P. 146-148.

²⁰ Trotzki L. Stalin. Eine Biographie. Reinbek b. Hamburg, 1971. Vol. 1. P. 13, Vol. 2. P. 233-234; его же. Schriften über Deutschland. Vol. 2. P. 233-234; см. также Brahm H. Trockij's Aufrufe gegen Hitler 1930-1933//Jahrbücher für Geschichte Osteuropas 1963. P. 526-527.

революцию сверху, а Гитлер стал единоличным правителем крупнейшей индустриальной державы Европы.

И все же Троцкий ставил Гитлера в определенном смысле выше Сталина. Троцкому до некоторой степени импонировал демагогический талант нацистского вождя. У Сталина же, по его мнению, не было никаких сколько-нибудь выдающихся политических способностей. Как политик, Сталин, по мнению Троцкого, не идет ни в какое сравнение ни с Гитлером, ни тем более с Муссолини²¹.

Троцкий называет Сталина «термидорианцем»²². Тем самым он показывает непонимание сути сталинской революции сверху. Ведь когда мы говорим о сталинизме, речь отнюдь не идет о попытке покончить с утопически-террористической фазой революции, как это было в случае термидора. Наоборот, Сталин довел эту линию развития русской революции до логического предела. Троцкий же считал верность идее мировой революции неотъемлемой частью всякой «истинно-революционной» политики. Отсюда и его недооценка беспримерной динамики сталинской «революции сверху».

Советолог Исаак Дейчер, разделяющий по существу, взгляды Троцкого на «термидорианский» характер сталинского режима, выдвигает, однако, тезис, более точно определяющий суть сталинской эпохи. Сталинский переворот был, по его мнению, еще более глубоким, чем октябрьский переворот 1917 года. Именно Сталин создал в Советском Союзе ситуацию, из которой возвращение к предреволюционным условиям стало невозможным.²³ И действительно, Сталинской революции сверху, начавшейся в 1929 году, удалось в самом широком масштабе подогнать российскую действительность под большевистскую доктрину. Теперь было достигнуто то, чего без успеха добивался Ленин в первые годы после большевистского захвата власти (прежде всего в период «военного коммунизма» 1918–1921). Только Сталину удалось осуществить основной постулат марксизма – ликвидацию частной собственности.²⁴

²¹ Trotzki. Stalin. Vol. 1. P. 12-13, Vol. 2. P. 260; см. также Trotzki L. Stalin als Theoretiker /его же. Schriften 1. Sowjetgesellschaft und stalinistische Diktatur. Vol. 1.1 (1929-1936). P. 192-223. Биограф Троцкого, Дмитрий Волкогонов, пишет, что работая в личном архиве Сталина, он убедился, что Сталин лично просматривал многие работы Троцкого, изданные в эмиграции, особенно те, в которых Троцкий писал о своем сопернике (Волкогонов Д. Троцкий. Политический портрет. В двух книгах. М., 1992).

²² Trotzki. Schriften 1. Sowjetgesellschaft. Vol. 1.1. P. 47, 227, 403, 581.

²³ Deutscher I. Russia after Stalin with a postscript on the Beria affair. London, 1953. P.97-98.

²⁴ См. Marx Karl/Engels Friedrich. Werke. Berlin, 1959 и сл. Vol. 4. P. 475.

Нерешенный аграрный вопрос был из поколения в поколение одной из самых взрывоопасных проблем России. Лишь сталинскому руководству удалось покорить крестьянство, сломать его – и именно тем, что оно устранило крестьянство как таковое посредством его почти полной экспроприации. Частная собственность и свободный рынок – главные объекты ненависти ортодоксальных марксистов – были теперь вследствие сталинской революции сверху повсеместно отменены. Теперь режим мог непосредственно контролировать и управлять общим хозяйственным потенциалом страны, всеми ее материальными и человеческими ресурсами. Это было важнейшим результатом коллективизации сельского хозяйства, а не повышение урожаев, что ожидалось прежде всего. Только теперь поборники централизованного планового хозяйства в стране могли приступить к действиям. Теперь был положен конец предельно сложному сосуществованию государственного и частного секторов хозяйства, что было причиной чрезвычайно многих напряженностей и конфликтов. Свободная игра экономических сил, которая была в глазах правоверных марксистов воплощением хаоса, была заменена государственным регулированием.

Однако сталинской революции сверху удалось не только положить конец хозяйственной, но также и политической спонтанности, и именно посредством дисциплинирования партии, которая со времени большевистской революции представляла собой единственный политический субъект в стране. О дисциплинировании партии мечтал еще Ленин. В своей программной работе «Что делать?» (1902 г.) он представил проект концепции строго дисциплинированной организации профессиональных революционеров, «партии нового типа». Эта партия должна была в первую очередь действовать, а не вечно дискутировать.

Этот постулат Ленин никогда не мог осуществить. Большевики оставались дискутирующей партией. Провозглашенный на 10 партийном съезде большевиков в 1921 году запрет фракций помог мало.

Лишь сталинская революция сверху изменила характер партии. Тип большевика меняется, писал в 1932 г. эмигрантский историк Георгий Федотов. Безусловное проведение «генеральной линии» стало для партийного руководства теперь гораздо важнее добровольного признания большевистских идей. Партийная дисциплина ценится выше, чем революционный идеализм.²⁵

²⁵ Федотов Г. Правда побежденных // Современные записки. 1932. № 51. С. 381-382.

Как же могла существовать эта описанная Федотовым саморазрушительная система? На чем основывалась ее несомненная эффективность, позволившая ей победить всех своих врагов, подчинить себе общество как таковое?

Федотов объясняет это существованием мифа коллективизма, ощущением каждого партийца, что он – составная часть гигантского механизма: «Связь с коллективом, с партией, с могущественным сверхличным организмом. Превратиться в клеточку, не чувствовать, убить свою личность – единственный способ сохранить жизнь и способность к действию»²⁶.

Как же на этом фоне выглядит ярко выраженный индивидуализм Троцкого. Об этом пишет в 1931 году Николай Бердяев в своей рецензии на автобиографию Троцкого. Троцкий – типичный революционер высокого стиля, а не типичный коммунист, пишет Бердяев. Троцкий не понял самого важного для типичных коммунистов, а именно мистики коллектива. Троцкий придает еще большее значение героическому индивидууму, он – революционер старой школы, которая берет начало еще в XIX веке. По этой причине этот организатор государственного переворота и организатор Красной Армии не вызывает такого ужаса, как настоящие коммунисты, которые искоренили все индивидуальное из своего сознания и полностью отдались коллективу.²⁷

Сам Троцкий считал, что Сталин был всего лишь симптомом этой эволюции большевизма, а не ее мотором. В своей биографии Сталина Троцкий пишет, что Сталин достиг власти не в силу своих личных качеств, а при помощи безличной машины. Не он создал машину, а машина создала его.

С этой точкой зрения категорически не согласен один из лучших знатоков сталинской системы Абдурахман Авторханов, который считает, что Сталин был главным инициатором этого нового этапа развития большевизма, а не всего лишь его симптомом.²⁸

Работы Троцкого, написанные в изгнании, изобилуют разного рода ошибочными оценками, но вместе с тем представляют собой оригинальный и своеобразный вклад в развитие марксистского политического мышления. В особенности касается это предложенного Троцким анализа фашизма.

В Советском Союзе эти работы долгие годы оставались практически неизвестными. Перестройка поначалу мало что изменила в этом отношении. Она

²⁶ Федотов Г. Судьба и грехи России. Санкт-Петербург, 1991–1992. Т. 2. С. 37.

²⁷ Бердяев Н. Троцкий – Моя жизнь//Новый Град. № 1, 1931.

²⁸ Авторханов А. Технология власти. Процесс образования КПСС (мемуарно-исторические очерки). Мюнхен, 1959. С.5.

лишь продолжила начатую еще в 1923/24 годах разгромную критику Троцкого. Характерно в этой связи, например, заявление литературоведа Юрия Карякина: «Я всегда Троцкого терпеть не мог. Троцкий – это Сталин вчера, а Сталин – это Троцкий сегодня», писал Карякин в 1988 году²⁹.

Сотрудник журнала *Коммунист* Отто Лацис в том же 1988 году вообще отказывал Троцкому в праве называться большевиком. Лацис считал, что большевистская партия всегда оставалась чуждой Троцкому³⁰.

Между тем именно Троцкий тяготел к непомерному возвеличиванию партии и в высочайшей степени отождествлял себя с ней. В 1924 году, уже после того, как началась партийная кампания против Троцкого, архитектор переворота 7 ноября 1917 года говорил: «Никто из нас не хочет и не может быть правым против партии. Партия в последнем счете всегда права»³¹.

Как бы то ни было, ссылки на верность Троцкого Ленину и большевизму не являлись лучшим способом поправить его репутацию в эпоху перестройки. В стране происходил тогда радикальный демонтаж культа Ленина, да и всех большевистских святых. Причем это наступление велось главным образом с двух флангов: либерально-демократического и национал-патриотического. Для обоих лагерей Троцкий был абсолютно неприемлем.

И все же, как это ни удивительно, начиная с 1987 года происходило «возвращение» Троцкого на Родину³². Интерес к Троцкому был вызван, как правило, не идеологическими или партийными соображениями, а скорее любопытством к этому деятелю, некогда преданному анафеме.

Идеи Троцкого вот уже в течение ряда десятилетий стимулируют многие идеологические и политические дискуссии на Западе. Во время перестройки к этим дискуссиям начали приобщаться и некоторые российские исследователи. Пробив окно в Европу, российские авторы нашли там, к своему удивлению, не только приверженцев рыночной экономики, но и поклонников Троцкого, которых немало в леворадикальных кругах Запада. О рецепции идей Троцкого в постсоветской России я здесь писать не буду. Эта тема выходит за рамки данной статьи.

²⁹ Огонек. 1988. № 12. С. 18.

³⁰ Лацис О. Перелом // Знамя. 1988. № 6. С. 124-178.

³¹ Тринадцатый съезд РКП(б) 1924. Стенографический отчет. М., 1963.

³² См. Клямкин И. Какая улица ведет к храму? // Новый мир. 11/1987. С.150-188; Данилов В. Мы начинаем познавать Троцкого // ЭКО. 1990. № 1. С. 47-62; Подщеколдин А. Новый курс. Пролог Трагедии // Молодой Коммунист. 1989. № 8. С. 45-50; Старцев В. Вопросы истории. 1989. № 7. С.135-137; Гусейнов А. Мораль и насилие // Вопросы философии. 1990. № 5. С. 127-136, Панцов А. Лев Давидович Троцкий // Вопросы истории. 1990. № 5. С. 65-87.

III. 2. Советский Союз, Германия и Запад в 1930-е годы – к предыстории Второй мировой войны*

Первые реакции Москвы на приход Гитлера к власти

Назначение Гитлера рейхсканцлером 30.1.1933 г. не вызвало беспокойства у руководства СССР. Тот факт, что правительство Гитлера представляло коалицию между НСДАП, Германской национальной народной партией и беспартийными консерваторами, действовал скорее умиротворяюще. В этом правительстве было много политиков, которые на протяжении ряда лет были хорошо знакомы Москве и служили гарантом продолжения Рапалльской политики, например, министр иностранных дел Константин фон Нейрат или министр обороны Вернер фон Бломберг. От этих прусских консерваторов, представлявших большинство в правительстве, Москва ожидала сдерживающего влияния на Гитлера. Да и сами немецкие консерваторы чувствовали свое явное превосходство в коалиционном правительстве по отношению к НСДАП. Франц фон Папен, сыгравший заметную роль при утверждении нового правительства, сказал тогда: «Через два месяца мы загоним Гитлера в угол»¹.

Даже Троцкий, как правило, очень четко оценивавший положение дел в Германии, писал в одном из первых комментариев по поводу прихода к власти национал-социалистов, что Гитлер находится в руках Гугенберга (руководителя национал-консерваторов). По мнению Троцкого, не выскочка Гитлер, а представители немецкого капитала и немецкого государственного аппарата имели последнее слово в политике Германии².

К немногим исключениям в лагере левых, адекватно оценивавшим положение в Германии, принадлежал один из вождей оппозиционной коммунистической группировки (КПО) Август Тальгеймер. Сразу после 30 января 1933 года он определил консервативные группировки как слабейшего партнера в альянсе. По его словам, Гитлер располагал одновременно и массовой организацией, и исполнительной властью, которую он использует против всех своих противников вне правительства, чьи организации он распустит и уничтожит. Свою массовую организацию и свою связь с массами Гитлер использует, в свою очередь, для оказания давления на консервативных партнеров по коалиции. Ситуация складывается таким образом, предсказывал Тальгеймер, что для завоевания единоличной вла-

* Расширенная версия главы моей книги «История России и Советского Союза: От Ленина до Ельцина» (М., 2009).

¹ Thamer H.-U. *Verführung und Gewalt: Deutschland 1933–1945*. Berlin, 1986. P. 232.

² Trotzki L. *Schriften über Deutschland* / Ed. H. Dahmer. Frankfurt/Main, 1971. Vol. 2. P. 438-448.

сти национал-социалистам понадобятся месяцы, тогда как Муссолини потребовались годы для достижения той же цели в Италии³.

В том, что национал-социалисты пришли к власти, не уничтожив предварительно рабочие партии в гражданской войне, руководство Коминтерна видело еще одну причину для оптимизма. В Италии, во время так называемого марша фашистов на Рим, ситуация складывалась совсем по-другому. Муссолини пришел к власти после двухлетней гражданской войны, в ходе которой фашистам удалось почти полностью разрушить инфраструктуру итальянского рабочего движения. Организации же германского рабочего движения к моменту прихода к власти национал-социалистов продолжали существовать. 13 миллионов избирателей отдали свои голоса на последних (перед 30 января 1933 года) выборах обеим немецким рабочим партиям, 6 миллионов из них голосовали за КПП. Разрушение этих мощных массовых организаций сверху в Москве считали невозможным. Когда сразу после поджога рейхстага КПП была запрещена, многие лидеры Коминтерна были убеждены, что она сможет успешно бороться против режима и в подполье⁴. Кнорин, один из лидеров Коминтерна, писал в марте 1933 года, что даже десятилетний террор Муссолини не смог уничтожить Итальянскую коммунистическую партию. «Тем более никакие меры подавления не смогут уничтожить ... Коммунистическую Партию Германии, ... сломить волю 6 миллионов трудящихся Германии, готовых бороться за уничтожение капиталистической системы»⁵.

Троцкий сначала думал так же. В отличие от сталинистов, приход Гитлера к власти не был для него неожиданностью: Троцкий уже на протяжении нескольких лет считал это возможным. Даже форма прихода к власти – добровольная передача власти со стороны правящих группировок Гитлеру – была предсказана Троцким как политическая возможность. И все же он был убежден, что такой приход национал-социалистов к власти неизбежно развяжет в Германии гражданскую войну. В его первых комментариях по поводу назначения Гитлера рейхсканцлером не чувствовалось пораженческих настроений. Вплоть до поджога рейхстага Троцкий считал революционную силу немецкого пролетариата несломленной и полагал, что решающие сражения в Германии еще предстоят. Пассивная капитуляция немецких рабочих партий перед национал-социалистическим террором совершенно потрясла Троцкого. В июне 1933 года он расценивал это катастрофическое поражение как самое сокрушительное за всю историю рабочего движения⁶. Теперь Троцкий осуждал сталинистов за неспособность правильно оценить реальные размеры их собственного поражения в Германии. Он

³ Thalheimer A. Die politische Lage // Gegen den Strom. 1933. Vol. 4.

⁴ См.: Heckert F. Was geht in Deutschland vor? // Die Kommunistische Internationale. 1933. Mai. P. 134.

⁵ Knorin W. Das Barometer zeigt auf Sturm // Die Kommunistische Internationale. 1933. März. P. 31.

⁶ Trotzki. Schriften über Deutschland. P. 586.

писал, что скрытое за иллюзиями поражение означает гибель. Обещание КПП продолжать революционную борьбу против фашизма и в подполье, Троцкий прокомментировал следующим образом: сталинская КПП, оказавшаяся полностью несостоятельной на свободе, точно так же окажется несостоятельной и в подполье⁷.

Постепенно сталинисты тоже начали понимать, насколько они недооценили опасность национал-социализма. В августе 1933 года в печатном органе Коминтерна, газете *Рундschau*, можно было прочесть такие слова: «Путь, который итальянский фашизм прошел за пять лет, прибегая к сложнейшим маневрам, немецкий фашизм одолел за пять месяцев»⁸.

Несмотря на это, сталинское руководство Коминтерна не было готовым признать даже небольшие ошибки в тактике КПП и самого Коминтерна в 1930–1933 годах. По мнению Москвы, эта тактика была абсолютно верной, вплоть до мельчайших деталей. КПП предвидела развитие событий и предприняла все возможное, чтобы предотвратить приход к власти национал-социалистов⁹. Партией, больше всех виновной в захвате Гитлером власти и потерпевшей наибольшее поражение в результате этого захвата, была, по мнению Москвы, СДПГ. Уже запрещенная СДПГ, руководители которой находились в концлагерях или в эмиграции, по-прежнему оставалась в глазах сталинистов главной опорой немецкой буржуазии. Даже спустя год после прихода Гитлера к власти сотрудничество с социал-демократами было для руководства Коминтерна неприемлемо. До начала 1934 года теория «социал-фашизма» оставалась неприкосновенной.

Гитлеровская концепция внешней политики

В отношении Гитлера Сталин пытался поначалу демонстрировать готовность идти на компромиссы. Весной 1933 года Сталин объявил Берлину, что готов считать уничтожение национал-социалистами КПП исключительно внутренним делом Германии. В этом смысле в беседе с Гитлером 28 апреля 1933 года высказался советский полпред в Берлине Хинчук, сказавший, что советское правительство считает невмешательство во внутренние дела Германии делом само собой разумеющимся¹⁰.

На XVII съезде ВКП(б) в январе 1934 года Сталин заявил: «Конечно, мы далеки от того, чтобы восторгаться фашистским режимом в Германии. Но дело здесь не в фашизме, хотя бы потому, что фашизм, например, в Италии не помешал

⁷ Там же. P. 524-528, 605.

⁸ Das wahre Gesicht des deutschen Faschismus // Rundschau über Politik, Wirtschaft und Arbeiterbewegung. 25 August 1933. P. 1119.

⁹ См. Heckert. Was geht in Deutschland vor?

¹⁰ Документы внешней политики СССР. М., 1961–1973. Т. 16. С. 271.

СССР установить наилучшие отношения с этой страной... Нет, не в этом дело. Дело в изменении политики Германии. Дело в том, что ... в Германии началась борьба между двумя политическими линиями, между политикой старой, получившей отражение в известных договорах СССР с Германией, и политикой "новой", напоминающей в основном политику бывшего германского кайзера»¹¹.

Таким образом, Сталин призывал Гитлера к тому, чтобы вести себя с одной стороны как Муссолини, с другой – как сами большевики, то есть, несмотря на ярко выраженную идеологическую окраску своего режима, проводить гибкую прагматичную внешнюю политику. В этом смысле он недооценил идеологические императивы, которым была подчинена политика Гитлера, то место в его внешнеполитической программе, которое заняла враждебность по отношению к большевикам и России. Троцкий, в отличие от Сталина, распознал это очень рано. Сразу же после создания в Германии национал-социалистического режима он настойчиво предупреждал советское руководство о грядущей захватнической войне Гитлера против Советского Союза. Считая эту войну неизбежной, Троцкий советовал нанести упреждающий удар по национал-социалистам пока те еще не окрепли. Эти советы Троцкого в Москве считали «провокацией»¹².

Сталинские поиски взаимопонимания с Гитлером были поддержаны не всеми членами советского руководства. Так, например, нарком иностранных дел Максим Литвинов уже в 1933 году высказывал мнение о том, что политика умиротворения по отношению к Третьему Рейху бессмысленна для СССР. В своей чрезвычайно острой речи от 29 декабря 1933 года Литвинов назвал Германию и Японию основными источниками опасности в мире¹³.

Литвинов все сильнее противился пересмотру Версальского договора. Он подчеркивал, что ревизия Версаля в сложившейся ситуации означает войну, и выступал за улучшение отношений между СССР и Лигой Наций. 5 января 1934 года он заявил немецкому послу в Москве Надольному, что Лига Наций после выхода из нее Японии (в мае 1933 года) и Германии (в октябре 1933 года) стала полезным инструментом поддержания мира. Литвинов также отмечал позитивную роль Франции в деле сохранения мира.

Надольный объяснял антигерманскую позицию Литвинова прежде всего его еврейским происхождением. 9 января 1934 года Надольный сообщал в министерство иностранных дел рейха: «Самым существенным мотивом его (Литвинова) позиции является ... сильно выраженное отрицательное отношение к Берлину... Это, вероятно, возникшее из ненависти и страха, неприятие гитлеризма, который

¹¹ 1941 год в двух книгах. М., 1998. Книга вторая. С. 513.

¹² См.: Luks L. Hitler und der Nationalsozialismus aus der Sicht der kommunistischen Dissidenten: Zu den Faschismusanalysen Lev Trockijs und August Thalheimers // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. 2018. Vol. 22. № 2. P. 13-44.

¹³ См.: Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik (ADAP). Göttingen, 1971–1983. Series C. Vol. II. 1. P. 294-295.

... предал анафеме евреев, а Литвинов, как известно, – на самом деле г-н Валлах из Белостока»¹⁴.

23 января 1934 года Надольный добавил: «Хотя Литвинов, со своей стороны, уже принял решение поддерживать курс Франции, даже если это приведет к ухудшению отношений с Германией, но Литвинов не единственный, кто принимает решения. Основные положения внешней политики СССР определяются Сталиным и Политбюро, в которое Литвинов не входит. В Политбюро же сохраняется основная линия: "Не примыкать ни к каким европейским группировкам, которые могут втянуть Советский Союз в европейские конфликты против его воли"»¹⁵.

Разумеется, Литвинов отвергал политику Третьего рейха не по личным, а по идеологическим мотивам. Однако Надольный верно распознал отсутствие единого мнения в советской политике по отношению к Германии. Правительство Третьего рейха должно было, как полагал немецкий дипломат, использовать это обстоятельство: «Наши друзья ... несмотря на все неудобства, причиняемые им германским режимом, готовы работать над улучшением германо-советских отношений, если мы предоставим им убедительные доводы, лишаящие силы аргументы Литвинова»¹⁶.

Эти слова Надольного доказывают, что он, также как и другие представители дипломатического корпуса Германии, равно как и сам Сталин, недооценивал идеологические императивы Гитлера, определявшие его политику по отношению к Советскому Союзу. Гитлер не собирался отделять политику от своих идеологических принципов, как это делал Муссолини или же сами большевики. Все попытки немецких дипломатов при помощи рациональных аргументов убедить Гитлера в том, что поддержание хороших отношений с СССР является жизненно важным делом для Германии, были обречены: он с раздражением отклонял эти аргументы. Госсекретарь министерства иностранных дел фон Бюлов рассказывал о своем разговоре с Гитлером, в котором последний высказался по поводу германо-советских отношений: «Рейхсканцлер подробно объяснил, что восстановление германо-русских отношений невозможно, потому что новый общественный порядок в Германии уничтожил все надежды русских на возможность осуществления мировой революции. Острый антагонизм между Германией и Россией, естественно, сохранится... Мы не имеем права ... предаваться иллюзиям. Русские нас всегда обманывают и однажды бросят в беде»¹⁷.

Чрезвычайно интенсивные экономические отношения между Берлином и Москвой, существовавшие во времена Веймарской республики, сократились до минимума. Доля Германии в советском экспорте сократилась в 1938 году по сравне-

¹⁴ Там же. Р. 313.

¹⁵ Там же. Р. 399.

¹⁶ Там же.

¹⁷ ADAP. Series C. Vol. I. 2. P. 839-840.

нию с 1932 годом с 17,5% до 6,6%, а в импорте – с 46,5% до 4,7%. Военное сотрудничество между двумя противниками Версальской системы было прекращено вскоре после прихода национал-социалистов к власти. В книге *Рейхсвер и Красная Армия в 1920–1933 годах* Манфред Цайдлер пишет: «Если рассматривать XX век как век идеологизированный, то сотрудничество рейхсвера и Красной Армии относилось к реально-политической, ... свободной от идеологии странице этого века. Массированное проникновение идеологического начала во внешнюю политику, начавшееся при Гитлере, ... означало окончание целой эпохи в немецкой, русской и европейской истории»¹⁸.

Основные положения своей восточной политики Гитлер сформулировал еще задолго до прихода к власти. В так называемой *Второй книге*, написанной в 1928 году, но опубликованной лишь в начале 1960-х годов, он писал, что любой «вита́льный» (обладающий жизненной силой) народ неизбежно склонен к экспансии за счет других. Отказ от экспансии означает стагнацию. Народ, пребывающий в состоянии стагнации, будет завоеван более витальными нациями. В этой борьбе разрешены все средства. Экспансия вполне оправдана для немецкого народа, так как он не может прокормить себя на своей небольшой территории. Самым подходящим объектом для немецкой экспансии является Россия. Границы 1914 года стали для Германии совершенно неприемлемыми, пишет Гитлер. Снова достичь этих границ значило бы, что Первая мировая война была для Германии напрасной. Границы 1914 года не смогут вместить и прокормить всех немцев. Единственно разумная внешнеполитическая цель для Германии – это завоевание жизненного пространства на Востоке за счет России. Гитлер понял, что, как это ни парадоксально звучит, протест западных держав против неудержимой экспансии немцев на Восток будет значительно слабее протеста против попытки восстановления Германии в границах 1914 года. Гитлер в 1928 году писал, что «русский хаос» откроет дорогу немецкой внешней политике к ее единственной цели – завоеванию жизненного пространства на Востоке¹⁹. Сразу же после прихода к власти Гитлер с захватывающей дух последовательностью стал осуществлять свои внешнеполитические цели, сформулированные еще в 1928 году.

Внешняя политика Германии приобретает с этого момента двойственный характер, что некоторым образом напоминает внешнюю политику СССР. С одной стороны, Гитлер и другие идеологи национал-социализма говорили о своем намерении уничтожить мировое коммунистическое движение; такими же радикальными были заявления многих идеологов Коминтерна в отношении «мирового капитала». С другой стороны, несмотря на подобные принципиальные заявления, советские и немецкие дипломаты пытались поддерживать нормальные отноше-

¹⁸ Zeidler M. *Reichswehr und die Rote Armee 1920–1933: Wege und Stationen einer ungewöhnlichen Zusammenarbeit*. München, 1993.

¹⁹ *Hitlers Zweites Buch: Ein Dokument aus dem Jahre 1928* / Ed. G.L. Weinberg. Stuttgart, 1961.

ния со своими идеологическими противниками. В Советском Союзе эти споры между приверженцами умеренной, прагматичной политической линии и сторонниками проведения непримиримой политики происходили внутри большевистской верхушки, потому что только здесь разрабатывалась генеральная политическая линия как для СССР, так и для Коминтерна. В Третьем рейхе подобные столкновения проходили на другом уровне. Здесь речь шла о борьбе между представлениями традиционной консервативной политической элиты Германии и сторонниками революционной внешнеполитической концепции национал-социалистического руководства.

В отличие от большевиков, национал-социалисты пришли к власти не вследствие устранения правящей элиты, а благодаря заключенному с ней компромиссу. Поначалу этот компромисс явился для национал-социалистов, стремившихся к революционному преобразованию общества, почти непреодолимым препятствием. В этом смысле национал-социалистический режим на стадии зарождения очень напоминал фашистский режим в Италии, действия которого были существенно ограничены сильной позицией его консервативных союзников.

В отличие от СССР, в Третьем рейхе, по определению немецко-американского политолога Эрнста Френкеля, речь шла о «двойном государстве», в котором одновременно сосуществовало так называемое «прерогативное» и «нормативное» государство. Френкель пишет: «Под "прерогативным государством" я имею в виду систему господства абсолютного произвола и насилия, не ограниченного никакими правовыми гарантиями. Под "нормативным государством" я понимаю систему правления, имеющую широкие полномочия для поддержания правопорядка, выраженного в законах, судебных решениях и административных актах исполнительной власти»²⁰.

Национал-социалистическому руководству довольно быстро удалось ослабить «нормативное государство» и освободиться от «консервативных оков». Нацисты создали систему, которая еще более радикально, чем большевистская, отмежевалась от ценностных представлений не только их консервативных партнеров по коалиции, но и от вековых представлений европейцев. Эрнст Нолте, которого никоим образом нельзя заподозрить в симпатиях к коммунистическому режиму, писал в 1966 году: «Картина (национал-социалистического) "нового порядка" позволяет ясно увидеть проявляющиеся контуры ... великой германской мировой империи, ... имеющей гораздо меньше общего с многообразной действительностью европейского мира, чем даже мечта Ленина о Европе, объединенной в союз советских республик»²¹.

²⁰ Fraenkel E. Der Doppelstaat: Recht und Justiz im «Dritten Reich». Frankfurt/Main, 1983. P. 21.

²¹ Nolte E. Die faschistischen Bewegungen: Die Krise des liberalen Systems und die Entwicklung der Faschismen. München, 1979. P. 187.

НСДАП создала, таким образом, фашистский режим «нового типа», который отличался от итальянского фашизма не менее радикально, чем тот, в свою очередь, отличался от традиционных буржуазных режимов. И это несмотря на то, что итальянский фашизм явно имел тоталитарные черты и создал понятие «тоталитаризм». Однако лишь национал-социализму удалось применить на практике некоторые теоретические постулаты итальянского фашизма. Как отметил в 1941 году немецко-американский политолог Зигмунд Нейманн, итальянскому фашизму, несмотря на его манию величия, не удалось начать мировую революцию, это смогли сделать только национал-социалисты²².

В полемике с их союзниками-консерваторами инициатива однозначно принадлежала национал-социалистам. Бескомпромиссный антисоветский курс Гитлера проявился достаточно быстро. То, что Гитлер в значительной степени навязал консерваторам свою внешнеполитическую концепцию, было, среди прочего, подтверждено подписанием 26 января 1934 года германо-польского договора о ненападении. Непримируемость в отношениях с Польшей считалась немецкими консерваторами времен Веймарской республики нерушимым принципом. Стремление к пересмотру восточных границ Германии, по замечанию историка Мартина Бросцата, было аксиомой Веймарской внешней политики²³.

Несмотря на ярко выраженный антипольский настрой, свойственный, в первую очередь, немецким консерваторам, они не смогли препятствовать подписанию германо-польского соглашения о ненападении. Как пишет политолог Ханс Буххайм, любое германское демократическое правительство было бы сметено подписанием такого соглашения, однако власть Гитлера нисколько не пострадала²⁴.

Подписанием договора с Польшей Гитлер хотел сделать популярным в Европе принцип национального «*sacro egoismo*» (священного эгоизма) и таким образом постепенно расколоть союз держав, которые гарантировали соблюдение Версальского договора²⁵. Гитлеру было хорошо известно, что польское руководство испытывает страх перед Советским Союзом. Он воспользовался этим страхом, предлагая Польше сближение с Германией. Польское руководство оказалось одним из первых европейских правительств, поверивших, что гитлеровская политика направлена в первую очередь против коммунизма и СССР, а не против «буржуазных» стран. С течением времени эта вера превратилась для многих западно-европейских политических кругов в аксиому.

Третий рейх постепенно стал центром антисоветской активности в Европе. Победа национал-социалистов в Германии дала толчок правозэкстремистским си-

²² Neumann S. Permanent Revolution: Totalitarianism in the Age of International Civil War. N.Y., 1965. P. 111.

²³ Broszat M. Zweihundert Jahre deutscher Polenpolitik. München, 1963. P. 165.

²⁴ Buchheim H. Das Dritte Reich: Grundlagen und politische Entwicklung. München, 1958. P. 21-22.

²⁵ Там же P. 22.

лам в других европейских странах. Советский Союз оказался перед перспективной окружающей агрессивными антикоммунистическими диктатурами.

Коллективная безопасность и стратегия народного фронта – новые акценты советской внешней политики (1934–1938)

С весны 1934 года Сталин начал понимать то, что Троцкий и Литвинов увидели сразу же после установления гитлеровской диктатуры, а именно, что уступки нацистам бессмысленны, и что Третий рейх можно остановить лишь с помощью еще большей, чем Германия, силы. В разговоре с английским писателем Гербертом Уэллсом 23 июня 1934 года Сталин заявил, что отвечать на агрессивность фашистов нужно не компромиссами, а только силой²⁶. В связи с этой новой внешнеполитической ориентацией Сталина очень важным является его письмо в Политбюро от 23 июля 1934 года, в котором Сталин негативно высказался о намерении редакции партийного журнала *Большевик* опубликовать сочинение Энгельса о внешней политике царской империи. По мнению Сталина, Энгельс ошибался, считая царскую империю величайшей опасностью для существования мира в Европе и называя царизм сильнейшим бастионом реакционных сил. Энгельс недооценил опасность для европейского мира, возникшую в результате аннексии Германией Эльзаса и Лотарингии. В конце XIX века самую большую опасность для мира во всем мире, как полагал Сталин, представляла Германия, а не царская империя. Косвенно он хотел указать на то, что тогдашняя ситуация повторяется и теперь. Германия становится самым агрессивным государством в Европе. Этой агрессивности Сталин так же, как и Российская империя в конце XIX века, намеревался противостоять при помощи союза с Францией, которая тоже находилась под угрозой Германии²⁷.

Сначала Сталин все же не решался опубликовать свои критические замечания об Энгельсе – классике марксизма. В одном из писем своему ближайшему соратнику Кагановичу от 16 августа 1934 года Сталин высказал сомнения, можно ли подвергать Энгельса столь острой критике²⁸. Сталинская статья была опубликована лишь в мае 1941 года, то есть накануне советско-германской войны. Однако это обстоятельство не изменило намерений Сталина форсировать создание советско-французского альянса, направленного против Гитлера. В этот союз позже должна была вступить и Чехословакия, так же ощущавшая угрозу со стороны Третьего рейха. Москва, Париж и Прага, объединенные договорами о взаимопо-

²⁶ Сталин И. Сочинения. М., 1946-1951. Т. 14. С. 27.

²⁷ Сталин И. О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» // его же. Сочинения. Т. 14. С. 7-10.

²⁸ Сталин и Каганович: переписка 1931–1936 гг. М., 2001. С. 339-340.

мощи, должны были стать важнейшим оплотом так называемой политики коллективной безопасности, обращенной против агрессивных действий Берлина.

Тогдашний министр иностранных дел Франции Луи Барту также активно выступал за франко-советское сближение. Эрнст Никиш, непримиримый критик Гитлера из лагеря консервативной революции, в написанной им в 1936 году книге *Империя низших демонов* назвал Барту последним французским политиком, продолжающим традиции Клемансо и пытающимся остановить немецкую агрессию. Для Барту главной темой европейской политики был Версаль, а не большевизм, писал Никиш²⁹. Барту и советское руководство видели в Гитлере серьезнейшего общего врага. Французское и советское правительства пропагандировали идею создания системы коллективной безопасности в Европе, направленной против Третьего рейха. В октябре 1934 года СССР вступил в Лигу Наций.

Для обуздания агрессии Германии в Европе московское руководство искало союзников не только на межгосударственном уровне. Изоляции правого экстремизма, в первую очередь немецкого, следовало добиваться путем сотрудничества с другими политическими течениями и группировками, антифашистские настроения которых были хорошо известны Москве. Однако эта цель была недостижима без принципиального пересмотра теории «социал-фашизма», которая начиная с 1928 года господствовала в Коминтерне. Поворот в политике Коминтерна должен был начаться с Франции. В начале 1934 года она казалась очередной европейской страной, в которой нарастала угроза прихода к власти фашистов. По примеру нацистов французские правые стремились ликвидировать парламентскую систему в своей стране. Парламентаризм они называли коррумпированным и враждебным народу строем. 6 февраля 1934 года в Париже состоялась массовая демонстрация правых сил, пытавшихся взять штурмом здание парламента. Эти события повергли французских левых в состояние шока. Ввиду растущей правоэкстремистской опасности во Франции набирало силу стремление к преодолению раскола в рабочем движении. 12 февраля в Париже прошла массовая ответная демонстрация представителей левых сил, организованная социалистами, в которой также приняли участие многие коммунисты. Чтобы избежать нареканий со стороны Коминтерна за эту совместную с социал-демократами акцию, руководство Коммунистической партии Франции (КПФ) подчеркнуло, что его позиция по отношению к социал-демократии в принципе не изменилась. Ж. Дюкло, один из руководителей КПФ, сразу после окончания демонстрации сказал, что социал-демократия имеет фашистский характер и является главным оплотом буржуазии³⁰. В мае 1934 года лидер КПФ Морис Торез заявил, что создание единого фронта коммунистов и социал-демократов исключено, так как огонь

²⁹ Niekisch E. Das Reich der niederen Dämonen. Hamburg, 1953. P. 245.

³⁰ Braunthal J. Geschichte der Internationale. Berlin-Bonn, 1978. Vol. 2. P. 444.

и вода никогда не могут соединиться. Коммунисты, выступающие за союз с социал-демократами, были объявлены руководством КПФ предателями³¹.

Совместная демонстрация, состоявшаяся 12 февраля, казалась лишь эпизодом. Представлялось, что правы те наблюдатели, которые считали, что сталинисты неспособны ничему научиться и что руководство Коминтерна не в состоянии изменить свой леворадикальный курс. Этим наблюдателям скоро пришлось убедиться в своей ошибке. 23 июня руководство КПФ предложило Социалистической партии Франции организовать единый антифашистский фронт. Обе партии должны были заключить пакт о ненападении и взять на себя обязательство воздерживаться от всяческих нападков, оскорблений и взаимной критики³².

Этот тактический поворот, совершенный КПФ, послужил для всего Коминтерна своего рода сигналом. В то время, когда КПФ готовила подписание пакта о ненападении с французскими социалистами, в Москве заседала комиссия, которая должна была подготовить VII Конгресс Коминтерна. Будущий генеральный секретарь ИККИ Георгий Димитров 1 июля 1934 года направил в адрес этой комиссии письмо, в котором обосновывал необходимость поворота в политике Коминтерна. По мнению Димитрова, коммунисты совершили большую ошибку, определив всю социал-демократию как «социал-фашистскую» силу. В рамках тактики единого фронта коммунисты должны апеллировать не только к социал-демократически настроенным рабочим, но и к руководителям социал-демократических партий. Политика единого фронта должна стать не просто маневром для разоблачения социал-демократии, а серьезной попыткой создать действительное единство рабочих в общей борьбе против наступления фашизма³³.

После пяти лет оскорблений по адресу социал-демократов, когда коммунисты не называли их иначе как «социал-фашистами», эти слова лидера Коминтерна были своего рода революцией. Конечно, такой переворот в мышлении дался большинству коммунистических руководителей непросто. Не все смогли прибегнуть к самокритике, которая так явно звучала в письме Димитрова (тогда еще не опубликованном). Главным мотивом высказываний большинства коммунистов в то время было самооправдание³⁴. Но, несмотря на робкие попытки со стороны некоторых коммунистических руководителей отстоять прежний курс, не возникало никаких сомнений в том, что тактика Коминтерна находится на пороге решительных изменений. VII Конгресс Коминтерна, проходивший в июле – августе

³¹ Там же. Р. 446.

³² Там же Р. 448.

³³ Димитров Г. Письмо в комиссию по второму пункту порядка дня в конгрессе // Вопросы истории КПСС. 1965. № 7. С. 83-85.

³⁴ См.: Luks L. Entstehung der kommunistischen Faschismustheorie: Die Auseinandersetzung der Komintern mit Faschismus und Nationalsozialismus 1921–1935. Stuttgart, 1985. P. 174-180.

1935 года, оформил этот тактический поворот³⁵. И хотя в своем докладе на VII Конгрессе Коминтерна основывался на принципе непогрешимости высшего руководства Коминтерна, которое в 1928–1934 годах избрало леворадикальную тактику, и формально нападал на «левых сектантов» в Коминтерне, его речь содержала скрытую самокритику руководства Коминтерна. Прежняя «левосектантская» деятельность, по словам Димитрова, практически не учитывала политическую реальность и предлагала упрощенные варианты решений сложнейших политических проблем³⁶.

Призыв Димитрова к совместным действиям был обращен не только к социал-демократам. Генеральный секретарь ИККИ писал, что главным врагом коммунизма является фашизм, поэтому Коминтерн должен быть готов немедленно и без каких-либо предварительных условий заключить союз со всеми силами, стремящимися остановить наступление фашизма. Для организации такого широкого антифашистского фронта, продолжал Димитров, коммунисты должны отказаться от бессмысленного использования понятия «фашизм», которое часто распространялось на все некоммунистические силы. Исходя из опыта немецких коммунистов в Германии в 1930–1933 годах, претерпело изменения отношение Коминтерна к «буржуазной» демократии. Ее идентификация с фашизмом, утверждал Димитров, привела коммунистов к недооценке значения демократических свобод для развития рабочего движения. Коммунисты не являются анархистами, поэтому им не может быть безразлично, какой режим в стране: «буржуазная» демократия или фашистская диктатура³⁷.

Уступки сталинского руководства Коминтерна по отношению к социал-демократам и «буржуазной» демократии намного превосходили требования Троцкого и других критиков Сталина, которые были выдвинуты ими незадолго до этого. Историк Коминтерна Франц Боркенау в 1938 году характеризовал новую тактику Коминтерна как самый резкий поворот, происшедший за всю историю III Интернационала³⁸.

Своими предложениями создать Единый фронт французские коммунисты хотели привлечь симпатии широких слоев населения к политике франко-русского сближения. Отметим, что, начиная с 1934 года, КПФ в определенной степени взяла на себя ту роль, которую до 1933 года в Коминтерне играла КПП, став важнейшей секцией Коминтерна за пределами СССР³⁹. До 1933 года КПП была той партией, которая первой начинала проводить в жизнь тактические новации

³⁵ VII. Congress of the Communist International: Abridged Stenographic Report of Proceedings. Moscow, 1939.

³⁶ Там же. P. 185-187.

³⁷ Там же. P. 360-361, 368-370.

³⁸ Borkenau F. The Communist International. London, 1938. P. 386-388.

³⁹ Borkenau F. Der Europäische Kommunismus: Seine Geschichte von 1917 bis zur Gegenwart. München, 1952. P. 72.

Коминтерна. С 1934 года эту роль стала играть КПФ. Таким образом, Сталин довольно быстро нашел КПГ замену.

Как реагировали французские социалисты на неожиданное предложение со стороны КПФ? Руководитель Социалистической партии Франции Леон Блюм отмечал, что призыв КПФ вызвал у социалистов смешанное чувство: восторг, неуверенность и беспокойство⁴⁰. Тем не менее, 15 июля 1934 года абсолютное большинство делегатов партийной конференции социалистов высказалось за создание единого фронта с коммунистами. Блюм заявил, что пролетарский Единый фронт является лучшей гарантией против победы фашизма. 14 июля 1935 года в Париже состоялась совместная манифестация коммунистов, социалистов и представителей «буржуазных радикалов» левого толка. Таким образом было основано движение Народного фронта. В январе 1936 года эти три партии заключили предвыборный союз, в апреле 1936 года на парламентских выборах получивший абсолютное большинство голосов⁴¹. 4 июня 1936 года было сформировано первое французское правительство Народного фронта во главе с Блюмом. Казалось, что атака правых экстремистов во Франции отбита. Правоэкстремистские союзы были распущены правительством; сопротивления они не оказали.

В Испании движение Народного фронта также действовало весьма успешно. Уже в феврале 1936 года, после победы левых на выборах, было сформировано правительство Народного фронта. В июле 1936 года в стране началась гражданская война, которая оказала мобилизующее влияние как на правые, так и на левые силы Европы. Войска генерала Франко, боровшегося против Народного фронта, получали широкую поддержку от фашистской Италии и Германии, а правительство Народного фронта – от СССР. Пропагандистская «холодная война», которая годами велась между правыми радикалами и мировым коммунистическим движением, превратилась в Испании в «горячую» войну. Эта война стала предвестником идеологической войны на уничтожение, которая началась в июне 1941 года нападением Гитлера на Советский Союз. Испанское правительство Народного фронта вскоре после начала в стране гражданской войны попало в зависимость от Советского Союза, так как СССР был, в сущности, единственным государством, помогавшим испанским республиканцам оружием и военными специалистами (если не считать некоторых исключений). Эта зависимость еще больше усилилась после того, как под давлением Москвы энергичный левый социалист Ларго Кабальеро был вынужден уйти в отставку с поста председателя правительства. При его преемнике – умеренном социалисте Негрине – испанское правительство Народного фронта, по существу, превратилось в марионетку Москвы.

⁴⁰ Braunthal. *Geschichte der Internationale*. Vol. 2. P. 449.

⁴¹ Там же. P. 458.

Преодоление раскола в рабочем движении вызвало определенный подъем в левом лагере. Чувство отчаяния и безнадежности, характерное для европейских левых после немецкой катастрофы 1933 года, было частично преодолено в результате успехов во Франции и Испании. Благодаря этому новому развитию победный марш правозэкстремистских сил по Европе был временно остановлен, правда, ненадолго.

Политика умиротворения западных держав

Антифашистской активности Москвы Гитлер противопоставил так называемый «крестовый поход» против коммунизма и СССР. Несмотря на франко-советское сближение и успехи движения Народного фронта, тактика Гитлера оказалась более эффективной, чем политика Сталина. В сущности, Гитлер перенес на международную арену некоторые тактические приемы, оказавшиеся весьма действенными во время его борьбы за власть в Веймарской республике. Страх стран Западной Европы перед коммунистической угрозой оказал Гитлеру неоценимую услугу – так же, как в свое время страх немецких консерваторов перед большевизмом. Гитлер не без успеха пытался представить Третий рейх главным защитником европейской цивилизации от «угрозы с Востока». В своей речи от 7 марта 1936 года на заседании рейхстага он заявил: «Меня бросает в дрожь от страха за Европу при мысли о том, что будет с нашим старым перенаселенным континентом, когда здесь воцарится хаос большевистской революции, вызванный проникновением этого деструктивного азиатского мировоззрения, которое уничтожает на своем пути все ранее существовавшие ценности. Может быть, многие европейские государственные деятели видят во мне фантазера или, во всяком случае, очень неудобного пророка. Но то, что в глазах мировых угнетателей из большевистского Интернационала я слышу одним из опаснейших врагов, является для меня честью и оправданием моих действий перед потомками»⁴².

Эту выбранную Гитлером роль защитника Западной Европы от большевистской угрозы Эрнст Никиш в 1936 году прокомментировал так: «Инстинкт подсказал Гитлеру, что социальный страх европейского бюргера является ахиллесовой пятой политического устройства Европы. Здесь была точка приложения его сил, отсюда пошли трещины по всему зданию»⁴³.

В этом и заключена главная причина безграничной уступчивости Гитлеру государств Запада, позволившей ему за пять лет избавиться почти ото всех экономических, политических и военных ограничений Версальского договора. Однако

⁴² Domarus M. Hitler: Reden und Proklamationen 1932–1945. Kommentiert von einem Zeitgenossen. Wiesbaden, 1962. Vol. 1. P. 587.

⁴³ Niekisch. Das Reich der niederen Dämonen. P. 239.

Гитлер играл не только на чувстве страха, но и на понятиях западных европейцев о справедливости. 7 марта 1936 года он заявил: «Невозможно ... в течение долгого времени ... относиться к народу, исполненному чести и мужества, ... как к иллоту»⁴⁴.

Тем самым он сетовал на санкционированную Версальским договором дискриминацию Германии в военной области, аргументируя свою позицию тем, что он хочет лишь добиться справедливости. Этот аргумент был признан законным в столицах государств Запада. Требуя якобы для того, чтобы осуществить право на самоопределение немецкой нации, аннексии Австрии и Судетской области, Гитлер играл, в свою очередь, на угрызениях совести стран-победительниц, которые объявили право народов на самоопределение основой послевоенного устройства. Так же, как Гитлер ранее уничтожил Веймарскую демократию при помощи демократического избирательного права, он попытался разрушить Версальский порядок при помощи его собственных основ.

В Москве очень рано появились сомнения в готовности Запада оказать сопротивление национал-социалистической агрессии. Эти сомнения еще больше усилились после убийства непримиримого противника Третьего Рейха – министра иностранных дел Франции Барту, который в октябре 1934 года вместе с югославским королем Александром стал жертвой покушения. Преемник Барту Лаваль с неудовольствием взирал на союз с СССР. И хотя Лаваль в мае 1935 года подписал подготовленный Барту франко-советский договор о взаимопомощи, но сделал это без особого восторга.

В Лондоне также не слишком активно выражали готовность остановить агрессивный натиск Гитлера. Во время визита английского министра иностранных дел Идена в Москву в марте 1935 года Сталин и Литвинов пытались убедить его в существовании опасности, исходящей как от Германии, так и от Японии. На это Иден ответил, что Великобритания далеко не так сильно убеждена в агрессивности Германии, как правительство СССР⁴⁵. К числу немногих видных критиков политики умиротворения в политических кругах Англии принадлежал бывший жесткий противник советского государства Черчилль. В конце 1935 года в разговоре с советским полпредом в Лондоне Майским Черчилль сказал, что в Англии существуют политические круги, не имеющие ничего против предоставления Гитлеру свободы действий. Черчилль считал это большой ошибкой. Он не верил в возможность компромиссов с Гитлером и советовал советскому руководству как можно быстрее вооружаться, так как общий враг уже стоит на пороге. Однако подобные взгляды Черчилля не нашли тогда поддержки со стороны политического истеблишмента Англии⁴⁶.

⁴⁴ Domarus. Hitler. Vol. 1. P. 585.

⁴⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 18. С. 226-227, 235, 242, 248-250.

⁴⁶ Там же. С. 586.

Успехи Народного фронта в Испании и во Франции в середине 1930-х годов только усилили готовность многих консервативно настроенных политиков Запада идти на уступки Третьему Рейху. Эти успехи сыграли такую же роль, что и успехи КПП на выборах в германский рейхстаг в начале 1930-х годов. Они лишь консолидировали антикоммунистический лагерь и подготовили почву для ошеломляющих побед национал-социалистов. «Единый» фронт западных консерваторов и правых радикалов оказался гораздо более эффективным, чем Единый фронт левых сил. Движение Народного фронта, основные успехи которого пришлись на 1934–1937 годы, в 1938 году оказалось на пороге краха. Готовность к умиротворению правых диктатур со стороны западных консерваторов и стремление к миру широких слоев населения на Западе постепенно создали такую ситуацию, которая позволила праворадикальным режимам совершать один акт агрессии за другим. Вместо того, чтобы изолировать Третий рейх и его союзников при помощи стратегии Народного фронта и политики коллективной безопасности, Советский Союз в 1938 году сам оказался в чрезвычайно опасной изоляции. Наглядной иллюстрацией этого стала Мюнхенская конференция в сентябре 1938 года, где было принято решение о частичном разделе территории Чехословакии – самого верного союзника западных демократий в Восточной Европе. Несмотря на то, что Советский Союз был официальным союзником Чехословакии, его даже не пригласили на конференцию. Примерно в это же время движение Народного фронта на Западе терпело одно поражение за другим. В апреле 1938 года было распущено последнее французское правительство Народного фронта во главе с Леоном Блюмом. В конце 1938 года началось решающее наступление войск Франко в Испании. В марте 1939 года пал Мадрид, и гражданская война в Испании была окончена.

Сталинский террор и Коминтерн

Однако развалу движения Народного фронта способствовали не только его противники, но и его создатели – то есть сталинское руководство. «Большой террор» 1936–38 годов постепенно распространился не только на партию большевиков, но и на весь Коминтерн. Зарубежные коммунисты, находившиеся на территории СССР, считались особенно «подозрительными элементами» в глазах сотрудников органов террора. Подобно тому, как это было в ВКП(б), в Коминтерне в 1936 году началась охота на бывших «троцкистов», «зиновьевцев», «бухаринцев», на их друзей, знакомых и членов семей. «Все вы в Коминтерне работаете на руку врагу», – эти слова Сталина генеральный секретарь ИККИ Димитров 11 февраля 1937 года записал в своем дневнике⁴⁷. 26 мая 1937 года подобным же образом

⁴⁷ Dimitroff G. Tagebücher 1933–1943 / Ed. B.V. Bayerlein. Berlin, 2000. P. 149.

высказался и Ежов: «В Коммунистическом Интернационале (свили себе гнездо) крупнейшие шпионы»⁴⁸.

Началась волна арестов и казней иностранных коммунистов, в результате которой погибли тысячи людей. Особенно трагичным было положение тех эмигрантов, которые не могли вернуться на родину, так как там правили антикоммунистические диктатуры. Они были отданы на милость (или немилость) советских органов террора, которые беспощадно использовали беспомощность своих жертв. В таком положении оказались немецкие, итальянские, эстонские, латвийские, литовские, румынские, венгерские и югославские коммунисты. С особой жестокостью преследовались польские коммунисты. Польская секция Коминтерна (КПП) была по указанию Сталина от 2 декабря 1937 года полностью распущена. Руководство КПП было большей частью уничтожено. О настроениях, царивших среди иностранных членов Коминтерна, писал Сталину 28 марта 1938 года венгерский коммунист Варга: «Многие иностранцы каждый вечер собирают свои вещи в ожидании возможного ареста. Многие вследствие постоянной боязни полусумасшедшие, неспособны к работе»⁴⁹.

Осенью 1938 года Димитров даже обдумывал возможность создания на Западе альтернативного руководящего органа Коминтерна. Но из этой затеи ничего не вышло⁵⁰. Димитров, как и другие руководящие деятели Коминтерна, пытался иногда спасти своих арестованных товарищей. Изредка это удавалось. Но в целом можно сказать, что ИККИ так же, как и ЦК ВКП(б), был не в состоянии защитить коммунистов – жертв террора. Так же, как и многие члены ЦК ВКП(б), руководящие деятели Коминтерна принимали активное участие в преследовании своих товарищей, доносили на них и даже благодарили органы НКВД за помощь «в поимке и искоренении смертельных врагов, троцкистов и шпионов, которые обманом заняли посты в аппарате штаба мировой революции и хитро притворились друзьями».

Сталинский террор распространился даже на зависимую от Москвы Испанию, где его жертвами стали анархисты, троцкисты и члены леворадикальной Каталонской партии (ПОУМ), лидер которой Андре Нин был убит спецслужбами. Испанским коммунистам были рекомендованы «основательные чистки» по советскому образцу, разоблачение «троцкистских агентов фашизма», шпионов и саботажников в своих рядах.

И хотя сталинский террор в 1936–1938 годах был направлен, в первую очередь, против населения СССР и против коммунистов, социал-демократические партнеры Коминтерна по движению Народного фронта не могли молча наблюдать за этими преступлениями. Как отдельные социал-демократические партии,

⁴⁸ Там же. Р. 158.

⁴⁹ Фирсов Ф. Сталин и Коминтерн // Вопросы истории. 1989. № 8. С. 15.

⁵⁰ Там же. С. 16.

так и Второй Интернационал в целом категорически осудили террористический поход Сталина против его собственных соратников. Руководство Коминтерна ответило на это новыми нападками на социал-демократов. В ноябре 1937 года Димитров утверждал, что лишь трусость социал-демократов позволяет фашистам побеждать.

История России и большевизма пишется заново

Ориентация СССР на возможную войну против «стран-агрессоров» (Германии и Японии) способствовала глубоким идеологическим изменениям в стране. Начался процесс интенсивной «национализации» или «русификации» большевизма. Режим пытался глубже укорениться на российской почве, сильнее идентифицировать себя с историей своей страны. До сих пор идея национального величия России была свойственна, в первую очередь, «белым» противниками большевиков. Даже после проигранной ими гражданской войны антибольшевистские группировки, действующие в эмиграции, олицетворяли имперскую преемственность. Большевики же поначалу боролись с имперскими традициями, равно как и с так называемым великорусским шовинизмом, причем гораздо решительнее, чем с национализмом малых народов империи.

В советской историографии тогда доминировала школа Михаила Покровского, которая рассматривала дореволюционную Россию как воплощение национального угнетения – «тюрьму народов». Школа Покровского интерпретировала русскую историю прежде всего с революционной, классовой точки зрения и не была готова идентифицировать себя с былым величием России. Уже в 1920-е годы Сталин относился к такой интерпретации весьма скептически. Он был тем большевистским лидером, который рано понял, что полный разрыв с прошлым России, с одной стороны, невозможен, а с другой стороны, невыгоден для советского режима. После прихода к власти в Германии национал-социалистов, когда угроза войны становилась все более актуальной, процесс национализации большевизма ускорился. С 1934 года участились нападки на школу Покровского со стороны официальных органов: ее обвиняли в схематизме и упрощенчестве. Отныне можно было официально пропагандировать идею национального величия России⁵¹.

Реабилитация национальной идеи служила, главным образом, пропагандистским целям, но одновременно Сталин реагировал на подлинные эмоциональные потребности русского населения. Решительный отказ от русской истории и традиций, совершенный большевиками после 1917 года, разумеется, не мог достичь своей конечной цели – полного разрыва с прошлым. Со временем стремление общества к восстановлению исторической преемственности становилось все

⁵¹ См.: Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней. Лондон, 1982. Т. 1. С. 311-321.

сильнее. Поэтому в Советском Союзе был с готовностью принят даже сталинский национализм, несмотря на его очевидный официозный характер. Открытие для себя заново до сих пор запрещенного в СССР слова «Родина» не могло случиться только по заказу, писал в 1935 году Георгий Федотов: «Естественно предполагать, что власть только открыла шлюзы, долго сдерживавшие поток бурной национальной стихии»⁵².

Сталинское руководство начало теперь «осваивать» и «присваивать» русскую историю так же, как это до него сделали итальянские фашисты и германские национал-социалисты с историей своих стран. Опора на национальные традиции должна была обеспечить сталинскому режиму дополнительную легитимацию, особенно перед лицом все возрастающей угрозы из-за границы.

Но сталинский режим «присвоил» не только историю России, но и историю большевизма. После физической казни виднейших деятелей старой большевистской гвардии над ними была совершена расправа и в анналах истории партии. Их роль в истории большевизма либо замалчивали, либо их обвиняли в страшных преступлениях против ими же созданного государства. Теперь вдруг выяснилось, что ближайшее окружение Ленина состояло, практически без исключений, из предателей и заговорщиков, желавших его смерти. Этим предателям и заговорщикам был противопоставлен светлый образ разоблачителя всех врагов, скрывавшихся под личиной доброжелательности. Разумеется, враги понесли заслуженное наказание. По этой схеме был написан в 1938 году *Краткий курс истории ВКП(б)*, лично отредактированный Сталиным и ставший своего рода Библией сталинизма. Общий тираж *Краткого курса* составил более сорока двух миллионов экземпляров. Эта книга должна была служить прославлению Сталина, для чего в ней конструировалось «фиктивное прошлое», и она получила от него самую высокую оценку на собрании партийных пропагандистов. «История должна быть правдивой, – заявил Сталин. – Ее нужно писать такой, какой она есть, ничего не прибавляя»⁵³.

Несмотря на этот девиз, Сталин неустанно трудился над «актуализацией» предначертанного сверху образа прошлого. Так, например, 6 ноября 1918 года, в связи с первой годовщиной Октябрьской революции, он писал, что организация восстания 7 ноября 1917 года проходила под непосредственным руководством Троцкого. *Краткий курс* предлагал по этому вопросу другое мнение – авторы учебника теперь доверили практическую организацию восстания избранному Центральным Комитетом партийному центру под руководством Сталина.

Но особенно тщательно Сталин редактировал биографические сочинения о себе самом и никоим образом не стремился при этом уменьшить культ, создаваемый вокруг своей личности. Напротив, исправления, сделанные его рукой, по

⁵² Федотов Г. Новый идол // Он же. Тяжба о России (статьи 1933–1936). Париж, 1982. С. 183.

⁵³ См.: Исторический архив. 1994. № 5. С. 14.

большей части говорят о совсем другом. Так, например, редактируя в 1939 году рукопись своей биографии, он обратил внимание на следующее место: «Сталин – это Ленин сегодня». После правки Сталина это предложение выглядело несколько иначе: «Сталин – достойный продолжатель дела Ленина или, как говорят у нас в партии, Сталин – это Ленин сегодня». Другое дополнение, собственноручно внесенное Сталиным, звучит: «Мастерски выполняя задачи вождя партии и народа и имея полную поддержку всего советского народа, Сталин, однако, никогда не допускал в своей деятельности и тени самомнения, зазнайства и самолюбования»⁵⁴.

Объясняется ли этот культ, раздутый Сталиным вокруг своей личности, только манией величия и тщеславием? Наверное, нет. Другие моменты здесь также играют немаловажную роль. Так, например, в 1934 году в разговоре со своим родственником Алексеем Сванидзе Сталин утверждал, что русскому народу необходима вера в царя, что он по натуре «верен царю»⁵⁵.

Хотел ли Сталин, создавая культ вождя, удовлетворить потребность русского народа в строгом царе? Это не исключено. Многократно повторяемые советской пропагандой дифирамбы в честь Сталина сыграли свою роль. Большинство населения, отгороженного от внешнего мира и находившегося под постоянным идеологическим воздействием, постепенно начинало проникаться спущенным сверху образом Сталина.

Русский литературовед Натан Эйдельман говорит в этой связи о «сталинском гипнозе», который охватил советских людей в середине 30-х годов и продолжался по сути дела до смерти диктатора. Это иллюзорное состояние привело, по мнению ученого, к совершенно искаженному восприятию действительности. Лишь поэтому многие видели в этом деспоте, ответственном за убийство миллионов людей, воплощение совершенства⁵⁶.

Этот «гипноз» многие авторы объясняют русским менталитетом или сохранением в России патриархальных, доиндустриальных структур. Однако такие объяснения неубедительны. В это же время, самая, пожалуй, развитая в индустриальном отношении страна Европы – Германия, располагающая современными социальными и экономическими структурами, точно так же была охвачена манией вождя. Несомненно, что в Германии она возникла в силу иных причин, чем в Советском Союзе. В Германии культ личности фюрера возник вследствие глубокого кризиса парламентской системы и широко распространенной ностальгии по харизматическому герою – «Цезарю», который призван заменить правление безличных структур господством личной воли. В СССР же возникновение культа личности объясняется кризисом однопартийной диктатуры, которая не смогла

⁵⁴ См.: Хрущев Н. Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС / Исторический очерк / Ред. Б. Лазич. Л., 1986. С. 91.

⁵⁵ Tucker R.C. Stalin in Power: The Revolution from Above 1929-1941. N.Y., L., 1990. P. 329.

⁵⁶ Эйдельман Н. Сталинский гипноз // Московские новости. 24 июля 1988. С. 2.

выполнить свое обещание немедленно построить «социалистический рай», причем на всей земле, совершив мировую революцию.

Экономические и социальные функции обеих систем, основанных на культе личности, также принципиально отличались. В Германии эта система должна была защищать существующий экономический и социальный строй, якобы подвергавшийся угрозе слева, а в СССР – предотвратить «реставрацию капитализма». Список различий можно продолжать до бесконечности. Но есть также и поразительно схожие моменты. Безграничная и беспримерная вера масс в вождя, возникшая в, казалось бы, просвещенном XX веке, свидетельствовала о взрыве иррационального и массовых патологиях. Эта вера в вождя имела чудовищные последствия для всех, кого она коснулась.

Пакт Гитлера – Сталина: непрочный союз

Состоявшаяся в сентябре 1938 года Мюнхенская конференция, позволившая Гитлеру «мирным путем» аннексировать более 28 000 кв. км чехословацкой территории, нанесла смертельный удар по политике коллективной безопасности. Внешнеполитическая изоляция Москвы была после Мюнхена столь же велика, что и в первые годы советской власти, когда капиталистические государства воздвигли вокруг советской России так называемый санитарный кордон. В 1938 году сложилась похожая ситуация. С Запада СССР угрожал Третий Рейх, вожди которого призывали к «уничтожению большевизма». На Дальнем Востоке (в Монголии и Манчжурии) развивался советско-японский конфликт, принявший форму локальной войны. Противоречия внутри «капиталистического лагеря», позволившие Советскому Союзу выжить, отошли, казалось, на второй план. Однако эта ситуация вскоре начала меняться.

Уже через несколько месяцев после «Мюнхена» внешнеполитическое положение СССР стало заметно улучшаться, и помог в этом Москве ее заклятый враг – Адольф Гитлер. Он начал наносить авторам политики умиротворения, которые считали возможными компромиссы с Третьим рейхом, один удар за другим. До Мюнхена Гитлер искал международно-правовые обоснования для своих актов агрессии, его мнимая цель заключалась в обеспечении равноправия немцев. После Мюнхена эти жалобы прекратились. Аргументы слабости были теперь заменены аргументами силы. 10 ноября 1938 года Гитлер заявил в секретной речи перед представителями германской прессы: «Обстоятельства заставили меня десятилетиями говорить почти только о мире... Само собой разумеется, что такая пропаганда мира, проповедуемая десятилетиями, имеет свои опасные стороны, так как это легко может привести к тому, что в умах многих людей закрепится представление об идентичности сегодняшнего режима со стремлением и волей

сохранять мир при любых обстоятельствах». Аппарат пропаганды должен был, по словам Гитлера, «изменить психологический настрой немецкого народа и постепенно дать понять нации, что существуют цели, осуществление которых не всегда достигается мирным путем. Тогда приходится применять средства насилия»⁵⁷.

15 марта 1939 года германские войска заняли Прагу. Тем самым Гитлер осуществил однозначно агрессивный акт, не заботясь при этом о его международно-правовых оправданиях. Политика умиротворения потерпела полный крах. Как можно объяснить такой шаг Гитлера? Западные демократии, по всей вероятности, готовы были бы и дальше идти на уступки, если бы германский диктатор не провоцировал их столь явно. Переход Гитлера к открытой агрессии многие авторы объясняют тем, что нацистский фюрер якобы полагал, что у него нет больше времени. Свои конечные внешнеполитические цели, включавшие принципиальный передел всего мира, построение нового мирового порядка, опирающегося на расовые основы, Гитлер собирался осуществить обязательно при жизни. Коммунисты тоже мечтали о радикальном изменении мирового порядка, но не устанавливали никаких конкретных сроков мировой революции. Будучи историческими детерминистами, коммунисты были убеждены, что победа коммунизма в мировом масштабе неизбежна. Чтобы победить, им необязательно было ставить на карту все. С Гитлером дело обстояло иначе. Он считал себя единственным политиком, способным на осуществление таких задач, как завоевание жизненного пространства на Востоке или преодоление так называемой «еврейской угрозы».

В то время, когда Сталин, несмотря на свою манию величия, называл себя продолжателем дела Маркса, Энгельса (несмотря на свое предубеждение против второго классика марксизма) и Ленина, Гитлер рассматривал себя как уникальное явление в мировой истории, не имевшее предшественников. Не верил он и в достойных последователей, способных продолжить его дело. Франк-Лотар Кроль, проанализировавший представления Гитлера об истории, пишет о его мышлении в категориях «последнего времени», имея в виду представление нацистского диктатора о том, что он должен «вести последнюю битву между арийской и иудейской расами, битву до победного конца». «Так или иначе, конец всей предыдущей истории должен был быть достигнут, и он представлялся Гитлеру не как некая абстрактная возможность в туманном будущем. Завершение борьбы и конец истории относились к самому непосредственному будущему, достичь их, во всяком случае, необходимо было еще при жизни (нацистского вождя)»⁵⁸.

⁵⁷ Thamer. *Verführung und Gewalt*. P. 600.

⁵⁸ Kroll F.-L. *Geschichte und Politik im Weltbild Hitlers* // *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*. 1996. Vol. 44. № 3. P. 377.

Поэтому Гитлер постоянно находился в цейтноте. 5 ноября 1937 года, в беседе с ведущими германскими политиками, запротоколированной полковником Хосбахом и позже часто упоминаемой, Гитлер объявил о своем «неизменном намерении ... решить вопрос о германском жизненном пространстве не позже 1943–1945 годов. Достичь этой цели возможно лишь с помощью силы», – добавил он⁵⁹. В октябре 1937 года, на другом закрытом совещании с ведущими партийными пропагандистами, нацистский фюрер, говоря о себе в третьем лице, сказал: «Он, Гитлер, по человеческим представлениям долго не проживет. В его семье люди не доживали до старости... Поэтому необходимо как можно быстрее решить те проблемы, которые должны быть решены (проблема жизненного пространства), чтобы это случилось еще при его жизни. Грядущие поколения с этим уже не справятся. Только его личность в состоянии сделать это»⁶⁰.

Заявления Гитлера вызвали ужас у некоторых представителей консервативного германского истеблишмента. Британский историк Тревор-Роупер писал, что немецкие консерваторы в тот момент достигли своей желанной цели: Гитлер устранил почти все ограничения Версальского договора и восстановил в мире позиции Германии в качестве равноправной державы. Многие консерваторы стремились теперь к примирению с Западом до того, как политик, которому они сами же и дали оружие в руки, начнет свою безумную гонку, ведущую к войне.

Однако пожелания консервативных союзников Гитлера в отношении внешней политики Третьего Рейха в конце 1930-х годов уже не играли никакой роли. Решающее значение теперь имело то обстоятельство, что Гитлер находился в цейтноте. Кроме того, такие сомнения были присущи лишь небольшой части консервативной элиты. Остальные же идентифицировали себя, пусть иногда отчасти, с целями режима, до самого его конца.

После захвата Чехословакии следующим объектом территориальных притязаний Гитлера стала Польша, то есть государство, которое в 1934–1938 годах было своего рода союзником Третьего рейха и даже принимало участие в разделе Чехословакии. 1 октября 1938 года польские войска оккупировали область с центром в городе Тешен, на которую Варшава десятилетиями претендовала. Однако польско-германское согласие было окончательно разрушено 24 октября 1938 года. В этот день Гитлер предложил польскому руководству новые правила игры. Он потребовал включения в состав Третьего рейха свободного города Гданьска и создания экстерриториального соединительного пути между Восточной Пруссией и остальным рейхом через так называемый польский коридор. Все эти требования были категорически отклонены польским руководством в январе 1939 года. В Варшаве раньше, чем в Париже или Лондоне, поняли, что неспособность к самоограничению и нарушение договорных обязательств составляют суть

⁵⁹ Thamer. *Verführung und Gewalt*. P. 559-560.

⁶⁰ Там же. P. 562.

внешней политики национал-социализма. Польше теперь грозила судьба Чехословакии.

Но оккупация Праги 15 марта 1939 года сделала это невозможным: теперь даже в Лондоне и Париже поняли, что компромиссы с Третьим рейхом бессмысленны. 31 марта 1939 года британский премьер Невилл Чемберлен пообещал Польше военную поддержку в случае угрозы для ее независимости. 28 апреля Гитлер ответил на это разрывом германо-польского договора о ненападении, подписанного в январе 1934 года, и германо-британского соглашения по флоту, подписанного в июне 1935 года. Усиливающееся отчуждение между Третьим рейхом и западными державами дало Сталину уникальный шанс вывести СССР из внешнеполитической изоляции, в которой он оказался после подписания Мюнхенского соглашения. Как западные державы, так и Третий рейх теперь наперегонки бросились завоевывать расположение Москвы.

19 декабря 1938 года Берлин предложил советскому правительству провести переговоры о продлении советско-германского соглашения по торговле и кредитам. Москва ответила согласием. 12 января 1939 года в Берлине, во время новогоднего приема в честь дипломатического корпуса, Гитлер особенно долго разговаривал с советским полпредом, что дало западным средствам массовой информации почву для спекуляций по поводу переориентации внешней политики Германии на Востоке. 21 января 1939 года Политбюро ЦК ВКП(б) дало задание наркоматам отраслей тяжелой и оборонной промышленности составить список необходимых станков и прочих видов оборудования, которые могут быть заказаны в рамках немецкого кредита.

Отчетный доклад Сталина от 10 марта 1939 года на XVIII съезде партии также содержал новые акценты. Советский диктатор напал теперь, в первую очередь, на западные державы, а не на Третий Рейх. Сталин говорил о том, что необходимо «соблюдать осторожность и не давать втянуть (СССР) в конфликты ... провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками». Он обвинял Запад в том, что тот пытается втянуть Германию в войну против России⁶¹.

Однако после разгрома Германией остатков Чехословакии и западные демократии начали усиленно добиваться расположения Москвы. Теперь Сталин стоял перед альтернативой – или возобновление политики коллективной безопасности вместе с западными державами, или возобновление советско-германского альянса – своего рода нового Рапалло, но на сей раз не с почти безоружной Веймарской республикой, а с вооруженным до зубов Третьим рейхом, диктатор которого постоянно заявлял, что решение германского территориального вопроса может быть достигнуто только за счет России.

Если проследить развитие событий весной и летом 1939 года, то складывается впечатление, что Сталин колебался между этими двумя возможностями. С апреля

⁶¹ См.: 1941 год. Книга вторая. С. 571-576.

1939 года СССР вел переговоры с западными державами о путях сдерживания нацистской угрозы. 24 июля 1939 года в Москве был подписан трехсторонний договор между Францией, Англией и Советским Союзом о взаимопомощи в случае прямой или косвенной агрессии. В это соглашение должны были войти прибалтийские государства, Польша, Румыния, Турция, Греция и Бельгия. 11 августа в Москве появились британские и французские военные миссии, которые должны были внести уточнения в договор от 24 июля.

Параллельно с этим шли тайные переговоры между Германией и СССР об экономическом и политическом сотрудничестве. Если вспомнить, что в 1936–1938 годах по приказу Сталина были расстреляны тысячи коммунистов из-за своих якобы существовавших контактов с Третьим рейхом, то сталинская политика сближения с самым радикальным идейным противником коммунизма предстает в особо зловещем свете.

Из двух возможностей, стоявших перед советским лидером, Сталин все больше склонялся в пользу сотрудничества с Германией. Трехсторонние переговоры между Москвой, Лондоном и Парижем шли очень вяло. Бывшим авторам политики умиротворения новая ориентация на Москву давалась очень тяжело. Чемберлен в доверительной беседе весной 1939 года сказал, что Советский Союз со своей политической системой и военной слабостью не может быть ценным союзником Запада. Переговоры между Москвой и западными демократиями были дополнительно осложнены отказом польского правительства разрешить в случае войны войскам Красной Армии войти на территорию Польши: Варшава боялась Сталина не меньше, чем Гитлера.

3 мая 1939 года в Москве состоялась символическая смена курса. Литвинова на посту наркома иностранных дел сменил ближайший соратник Сталина Молотов. В литературе часто утверждается, что в период сближения Сталина и Гитлера роковую роль в судьбе Литвинова сыграло его еврейское происхождение. Якобы Сталин, учитывая антисемитизм Гитлера, не мог доверить подписание советско-германского пакта еврею Литвинову. Косвенно это утверждение подтверждается Молотовым, который говорит в своих воспоминаниях, что получил указание Сталина очистить наркоминдел от евреев⁶². Несмотря на это свидетельство Молотова, в 1939 году еще нельзя говорить о широкомасштабных чистках по расовому принципу в правящей советской элите. Ключевые позиции в советском партийном и государственном аппарате, в том числе в наркомате иностранных дел, занимали многочисленные функционеры еврейского происхождения. Во время подписания советско-германского пакта о ненападении, о котором речь впереди, Сталин демонстративно заставил рейхсминистра иностранных дел фон Риббентропа выпить за здоровье наркома путей сообщения СССР Кагановича, о еврейском происхождении которого Риббентроп отлично знал. Позже Каганович про-

⁶² Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1994. С. 274.

комментировал этот тост Сталина следующим образом: «Сталин дал понять (Риббентропу), что договор мы подписываем, но идеологию не изменяем»⁶³.

Общим знаменателем советско-германского альянса, заключенного в 1939 году, стал не антисемитизм, а противостояние силам демократии и чрезвычайно агрессивная имперская политика. Отставка Литвинова была вызвана, разумеется, не его еврейским происхождением, а в гораздо большей степени тем, что в советском руководстве он был символом прозападной ориентации и политики коллективной безопасности. Поэтому он не мог представлять новый прогерманский курс Москвы.

19 августа 1939 года был подписан советско-германский договор по торговле и кредитам, а 23 августа – к ужасу как многих коммунистов, так и стран Запада, военные миссии которых все еще находились в Москве, – советско-германский пакт о ненападении. Этот пакт имел принципиально иное значение, чем в свое время Рапалльский договор. В период Рапалло Россия и Германия – две униженные Версалем мировые державы – пытались восстановить свое положение, заключив союз друг с другом. Теперь же они стремились к новому переделу мира. Советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939 года был заключен сроком на десять лет. Его важнейшие пункты гласили: «Статья II. В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу... Статья IV. Ни одна из Договаривающихся Сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны».

Этот договор, как мы теперь уже знаем, на последующие пятьдесят лет определил судьбу не только Польши, но и всей Восточной Европы. Полный суверенитет небольших государств, находившихся между Германией и Россией/СССР и возникших в результате Первой мировой войны, был вновь поставлен под вопрос. С 1939 года эти небольшие страны снова, как и накануне 1918 года, стали разменной монетой в руках крупных держав. Наглядным примером этому служит секретный дополнительный протокол к советско-германскому пакту о ненападении – не первый и не последний документ такого рода. Существование этого протокола на протяжении десятилетий отрицалось Советским Союзом. Когда Молотова, который вместе с Риббентропом 23 августа 1939 года подписывал секретный протокол, 29 апреля 1983 года спросили о существовании этого документа, он решительно отрицал его наличие: «Никакого (секретного соглашения)... не было. (Это) абсурдно... это, безусловно, выдумка»⁶⁴.

Лишь в ходе горбачевской перестройки советское правительство признало существование секретного дополнительного протокола. В протоколе обсуждался

⁶³ Чуев Ф.. Так говорил Каганович. Исповедь сталинского апостола. М., 1992. С. 90.

⁶⁴ Чуев. Сто сорок бесед. С. 20.

«вопрос о разграничении сфер интересов в Восточной Европе». Будущий трофей был поделен обеими диктатурами следующим образом: «1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР... 2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана. Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского Государства ... может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития... 3. Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях».

Возникла такая констелляция, которую незадолго до этого вряд ли кто-нибудь считал бы возможной. Гитлер, получивший согласие западных держав на восстановление германской военной мощи в первую очередь благодаря своей антикоммунистической агитации, теперь стал союзником большевистского государства и, тем самым, выпустил из рук свой главный козырь, который до сих пор помогал ему добиваться ошеломляющих успехов.

Союз с большевистским режимом, уничтожение которого он проповедовал годами, дался Гитлеру необычайно тяжело. 11 августа 1939 года, незадолго до подписания пакта со Сталиным, Гитлер в беседе с Верховным комиссаром Лиги Наций в вольном городе Данциг Карлом Буркхардтом сказал: «Все, что я предпринимаю, направлено против России. Если Запад так глуп и слеп, что не может это понять, я буду договариваться с русскими. Затем я ударю по Западу и после его поражения объединенными силами выступлю против Советского Союза»⁶⁵.

Гитлер был чрезвычайно разочарован политикой западных держав, особенно Великобритании, которая сопротивлялась установлению гегемонии Германии на континенте; при помощи шантажа и насилия он собирался заставить англичан признать господство рейха в Европе. Однако Гитлер существенно ошибся в оценке британского менталитета. Британский историк Алан Буллок писал по этому поводу, что Гитлер знал о нежелании англичан вести войну, но не рассчитал, до какой степени можно перетягивать струны.

Поддержка Советского Союза позволила Гитлеру в короткие сроки добиться беспрецедентных военных успехов. Польша, на которую Гитлер напал 1 сентября 1939 года, зажатая в тиски своими тоталитарными соседями, пала через три недели. 17 сентября 1939 года ведущие деятели правительства Польши пересекли польско-румынскую границу и отправились в эмиграцию. Однако перед ее уходом с политической арены польская правящая элита оказала последнюю услугу

⁶⁵ Kershaw I. Der NS-Staat. Reinbek bei Hamburg, 1994. P. 224.

Европе. Так как поляки не были готовы капитулировать без борьбы даже перед лицом агрессора, намного превосходившего их в военном отношении, они привели в действие механизм, который, в силу своей собственной динамики, в конечном счете привел к краху Третьего рейха. 3 сентября 1939 года западные державы были вынуждены отреагировать на гитлеровское нападение на союзную им Польшу объявлением войны Германии. Эта война была не слишком популярна на Западе – многие говорили, что не хотят умирать из-за Гданьска. С другой стороны, период безграничной уступчивости по отношению к агрессору закончился.

Роль СССР в начатой 1 сентября войне была весьма двусмысленной. Советский Союз не сразу вступил в военные действия, а сделал это лишь в тот момент, когда поражение Польши стало очевидным. Польский посол в Москве Гржибовский получил 17 сентября 1939 года следующую ноту: «Польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность польского государства... Польское правительство распалось... Советское правительство не может быть безразлично к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, оставались беззащитными. Ввиду такой обстановки Советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии».

Польский посол решительно протестовал против советского вступления на польскую территорию: «Если оно произойдет, это будет означать четвертый раздел и уничтожение Польши!».

28 сентября 1939 года Риббентроп и Молотов подписали в Москве советско-германский договор «О дружбе и границе», в текст которого были внесены определенные уточнения по сравнению с договором от 23 августа. Четвертый раздел Польши был окончательно завершен. На заседании Верховного Совета СССР 31 октября 1939 года Молотов заявил, что оказалось достаточно короткого удара по Польше со стороны германской, а затем Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого «уродливого детища Версальского договора».

Авторизованный перевод с немецкого Бориса Хавкина

IV. Тоталитарные утопии у власти

IV.1. Идеологические и политические причины недооценки фашизма и национал-социализма идеологами Коммунистического Интернационала¹

Вступление

Идеологическая и политическая борьба коммунистов с итальянским фашизмом и национал-социализмом являлась одной из наиболее чреватых последствиями страниц новейшей истории Европы. Сокрушительные поражения марксистски ориентированного рабочего движения, в том числе и коммунистов, в этой борьбе связаны были не в последнюю очередь с ошибочными представлениями многих марксистских, а особенно коммунистических теоретиков о характере этого нового идеологического и политического противника. Изучение коммунистических теорий фашизма показывает, как коммунистические идеологи пытались оценить и объяснить совершенно новые политические явления и какие идеологические препятствия они при этом должны были преодолевать.

Чтобы понять, почему большевистским и коммунистическим теоретикам зачастую с таким трудом давалось понимание социально-идеологической специфики и собственной внутренней динамики правозэкстремистских массовых движений, необходимо сравнить идеологическо-психологическое и социально-политическое своеобразие большевизма с аналогичным своеобразием фашизма и национал-социализма.

Большевики в идеологическом и национальном отношении были укоренены в совершенно иной традиции, нежели итальянские фашисты или национал-социалисты, что не могло не оказать существенного влияния на оценку этих движений коммунистическими теоретиками. Линия развития европейской культуры, к которой примыкали большевики, включала в себя Великую французскую революцию, а также социалистические и позитивистско-материалистические идейные течения XIX века. Фашизм и, прежде всего, национал-социализм, представлял противоположную идейно-политическую традицию, и это обстоятельство чрезвычайно затрудняло большевикам понимание мотивов мышления и действий пра-

¹ Отрывки из моей книги «Возникновение коммунистической теории фашизма. Споры о фашизме и национал-социализме в Коминтерне. 1921-1935» (Leonid Luks: Entstehung der kommunistischen Faschismustheorie. Die Auseinandersetzung der Komintern mit Faschismus und Nationalsozialismus. 1921–1935. Stuttgart, 1985).

вых экстремистов. Совершенно чуждыми и непонятными были для большевиков и коммунистов, к примеру, идеализация биологических законов правыми экстремистами и их попытки перенести на человеческое общество право сильного, царящее в природе. Большевики, несмотря на то, что они создали беспрецедентный режим подавления, рассматривали себя, тем не менее, как защитников слабых и угнетенных. Придя к власти, они по-прежнему идентифицировали себя со многими идеалами революционной русской интеллигенции, хотя большинство представителей этой интеллигенции после Октябрьской революции выступило против большевиков и подвергалось преследованиям с их стороны. Ни марксистской традиции, ни русской интеллигенции не было свойственно восхваление законов биологической природы, из-за чего коммунистическим теоретикам с трудом удавалось понимание мотивов правых экстремистов, провозглашавших власть «сильных» над «слабыми».

Сначала большевики охарактеризовали правозэкстремистские идеи как идейное наследие отмирающего слоя, стремящегося затормозить «прогресс». Но то обстоятельство, что эти «антипрогрессивные» идеи обладали огромной привлекательностью для итальянских и немецких масс, вынудило большевиков более внимательно заняться идейным наследием правого экстремизма. Однако, безоглядная вера большевиков и коммунистов в линейный прогресс была существенным препятствием на пути анализа правозэкстремистской идеологии. Другим обстоятельством, затруднявшим большевикам анализ правозэкстремистских массовых движений, а также многих других тенденций развития в Западной и Средней Европе, была их склонность придавать универсальное значение процессам, начатым в России в ходе Октябрьской революции. «Капиталистическая система» рассматривалась ими как нечто единое, и прорыв этой системы в ее «слабом звене», т. е. в России, якобы открыл новую эру в истории человечества. Советская система провозглашалась новой социально-политической моделью для всего мира. Выдвигая эту глобальную, рационалистическую претензию, большевики не замечали национальных особенностей других народов. Преобладание большевистской партии в Коминтерне привело к определенной «русификации» мышления нерусских коммунистов. Большинство западных коммунистов приняло тезис большевиков о том, что события в России являются образцом для всего остального мира. На возникавшую время от времени критику этого тезиса со стороны не русских членов Коминтерна большевистские вожди реагировали очень болезненно, ибо это создавало угрозу самому ядру их мировоззрения. Западным коммунистам удалось лишь в незначительной мере скорректировать интерпретацию многих событий на Западе их русскими товарищами. Большевистский анализ правого экстремизма должен был, по сути, пройти через два преломления: преодолеть марксистскую догматику и национальное своеобразие большевиков.

И еще одно дополнительное замечание. Итальянский фашизм и немецкий национал-социализм в своем политическом характере имели как родственные, так и крайне различные черты. Это обстоятельство не могло не повлиять на полемику коммунистов с этими движениями. Правда, результаты конфронтации коммунистов с правоэкстремистскими противниками оказались похожими – как в Италии, так и в Германии Коминтерн был наголову разбит. Однако манера ведения полемики а также реакция на поражение в том и другом случае со стороны Коминтерна были разными. Вскрытие причин данных различий может иметь важное значение не только для изучения коммунистической теории фашизма, но и для исследования фашизма в целом. Это поможет обогатить анализ отличий в характере обоих правоэкстремистских движений дополнительными аспектами. А теперь я хотел бы более подробно проанализировать идеологические и политические причины ошибок в оценках фашизма и национал-социализма идеологами Коминтерна на основе ряда примеров.

Опыт войны

Как большевики, так и правоэкстремистские массовые движения обязаны, как известно, своими успехами Первой мировой войне. И большевики, и правые экстремисты понимали, как сильно война облегчила их победу. Ленин назвал эту войну «величайшим режиссером мировой истории», Муссолини и Гитлер только благодаря опыту войны осознали свою так называемую «миссию». Несмотря на это единодушное признание значения мировой войны для достижения собственных целей, опыт войны имел для большевиков, с одной стороны, и для правых экстремистов – с другой, принципиально разное значение. Фашисты и национал-социалисты добились успеха прежде всего потому, что они безоговорочно поддерживали мировую войну и изображали военный опыт как самое ценное благо. Большевики, наоборот, были обязаны своим триумфом тому, что с беспрецедентной остротой заклеямили эту войну. Тот факт, что Парижская Коммуна возникла после поражения французской армии, убедил Ленина в том, что революционная партия во время «империалистической» войны должна работать на поражение собственного правительства. То, что февральская революция разразилась в результате ослабления русской монархии в ходе войны, Ленин воспринял как доказательство правоты своей тактики. «Революционное пораженчество» должно было, как считал Ленин, и в других воюющих странах привести к ускорению свержения собственных правительств. Россия как «самое слабое звено в империалистической цепи», оказалась первой страной, вступившей на путь развития, на который в недалеком будущем должны

вступить и другие воюющие страны. Обобщая таким образом тактику, которая и в самом деле была очень успешной в России, Ленин не признавал принципиально разного значения, которое мировая война имела для России, с одной стороны, и для западных стран – с другой. (Эту ошибочную оценку Ленина взяли на вооружение и другие большевистские руководители.)

В России мировая война вызвала усиление центробежных тенденций и углубление социальных конфликтов, так как династия Романовых не сумела разработать популярную идеологию, способную объединить все народы и сословия империи. В России националистический угар, если не принимать в расчет несколько слабых проявлений в первые месяцы войны, коснулся лишь образованной части общества и мало затронул социальные низы. В противоположность этому подавляющее большинство населения важнейших стран Запада, втянутых в войну, восприняло ее как народную. Рабочий класс не составил при этом исключения. Большевики не поняли, что поддержка военных кредитов западноевропейскими социал-демократическими партиями (итальянские социалисты являлись здесь одним из немногих исключений) объясняется тем, что вожди социал-демократии находились под сильным давлением массы членов партии и должны были опасаться массового выхода из партии этих слоев. В некоторых западных странах опыт войны создал предпосылки для успеха правоэкстремистских массовых движений, стремившихся к такому же сплочению нации и максимальному развитию национальных сил, как во время войны. Большевикам такое восхваление войны было чуждо. Мировую войну они лишь приветствовали как средство для ускорения мировой революции.

Фигура современного ландскнехта, не сформировавшаяся в России, на Западе образовала ядро правоэкстремистских массовых движений и не в последнюю очередь способствовала их успеху. В своей книге «Консервативная революция» Армин Молер утверждает, что сформировавшийся в добровольческих корпусах новый революционный, антибуржуазный тип оказался преобладающим как в правых, так и в левых боевых отрядах Веймарской республики. С этим утверждением можно согласиться лишь частично. На самом деле правые экстремисты смогли использовать опыт войны намного лучше, чем большевики. На это обстоятельство жаловались многие марксистские идеологи, например, Тольятти, Радек и Таска. Коммунистические и социалистические партии Запада, клеймившие авантюризм и восхваление войны, ведущейся вопреки классовым интересам, ради войны самой по себе, как правило, отвергались «современными ландскнехтами». Несмотря на отчаянные попытки коммунистов перетянуть на свою сторону ветеранов войны, последние были все-таки интегрированы по преимуществу антимарксистскими, правоэкстремистскими организациями. По этой причине коммунистические и социалистические организации и их военные отряды имели мало шансов при непосредственных столкновениях с обученными и дис-

циплинированными воинскими частями правых экстремистов. Один из вождей Итальянской Коммунистической Партии, Анджело Таска, дает впечатляющее описание того, как сильно военный опыт итальянских фашистов помог им в борьбе с рабочими организациями. «Фашисты почти сплошь являются, — пишет Таска, — прежними фронтовиками, во главе их отрядов стоят офицеры; их бросают в дело сегодня здесь, завтра там, как на фронте, и они привыкли быстро ориентироваться в обстановке... (Акции фашистов) представляют собой использование военного опыта в условиях гражданской войны... В противоположность этому максималистский итальянский социализм был максимализмом хаотических, аморфных масс, лишенных духовного единства и общей перспективы».

Теперь перехожу к следующей причине поражений Коминтерна в его конфронтации с правым экстремизмом. Она связана с неадекватной оценкой европейского культурпессимизма.

Недооценка европейского культурпессимизма

Европейский культурпессимизм, выразившийся в вере в «закат Европы», превратился после первой мировой войны в чрезвычайно распространенное явление. В нем коренится одна из причин большой популярности правоэкстремистских массовых движений, которые со сверхчеловеческим напряжением воли пытались предотвратить этот «закат». Коммунисты не поняли европейского пессимизма, они считали его явлением, присущим одной лишь буржуазии. Эти предчувствия гибели, по их мнению, были подтверждением коммунистических предсказаний близкого краха капиталистической системы. Троцкий утверждал в декабре 1922 г., что модная на Западе философия Освальда Шпенглера — верное классовое предчувствие буржуазии, не замечающей, однако, пролетариата, который должен ее заменить. Карл Радек также считал европейский пессимизм чисто буржуазным феноменом. Теоретики Коминтерна закрывали глаза на то, что европейский пролетариат был охвачен пессимизмом почти в такой же мере, как и все другие слои общества. Ошибочная оценка европейского пессимизма большевистской идеологией коренилась как в марксистской, так и в национально-русской традиции. Маркс развивал свои идеи в то время, когда в Европе преобладал позитивистский оптимизм и вера в прогресс. Когда на рубеже веков по всей Европе распространились пессимистические настроения, марксизм давно уже был законченной системой, на которую не могли повлиять более поздние идейные течения. Глубокая научная революция начала XX в. привела к пересмотру позитивистской веры в незыблемость материального мира и законов природы, однако она никак не затронула марксизм.

Новые идеи не оказали влияния на марксизм как систему, однако многие марксисты испытали на себе их сильное воздействие. Позволив себе увлечься теориями Ницше, Бергсона, Достоевского, Соловьева, они, после безуспешных попыток соединить идеи этих мыслителей с марксистской идеологией, вынуждены были дистанцироваться от марксизма. Так, Муссолини гордился тем, что он, будучи социалистом, никогда не был позитивистом и считал своей большой заслугой, что ему удалось «заразить итальянское рабочее движение учением Бергсона, примешав к нему много Бланки». Эволюцию противоположного характера пережила группа бывших русских марксистов: Семен Франк, Сергей Булгаков, Николай Бердяев, Петр Струве и другие. Не благоговение перед насилием, а христианство стало ядром их философских систем после того, как они порвали с марксизмом.

На Ленина мировоззренческие сомнения многих марксистов начала века не оказали никакого воздействия, и он беспощадно боролся с этими сомнениями внутри большевистской партии. Федор Степун пишет, что Ленин был очень консервативен в вопросах культуры, и утверждает далее: но будь Ленин революционером в сфере духа, он, скорее всего, был бы неспособен осуществить свою политическую революцию. Это отношение Ленина к новым духовным течениям эпохи унаследовали большевики. Марксистско-ленинское наследие чрезвычайно затруднило теоретикам Коминтерна анализ причин европейского культурпессимизма, на котором лежит доля вины за успехи правого экстремизма.

Другие причины ошибочной оценки большевистской идеологией европейского культурпессимизма коренятся в специфике русского исторического развития. К началу XX в. Россия была еще полуаграрной страной, нуждавшейся в технологическом прогрессе. На Западе, наоборот, урбанизация и индустриализация достигли такого уровня, что там начали появляться сомнения в положительном содержании этого процесса. Сущность западного кризиса модернизации для большевиков осталась непостижимой. Любую критику научно-рационального и материалистического мировоззрения большевики считали пережитком мрачных суеверных эпох, давно преодоленных современной цивилизацией. Свою веру в науку они полагали последним словом европейской культуры. Такое некритическое преклонение перед наукой Антонио Грамши комментировал следующим образом: «Научный прогресс породил веру в нового мессию, который сможет создать земной рай ... Так как от науки ожидают слишком многого, то ее понимают как колдовство высокого порядка». Атеистическая и материалистическая пропаганда большевиков, связанная с преследованием православной церкви, достигла среди широких масс населения заметных успехов. Популяризация «чудес» науки и техники была призвана заменить веру в религиозные чудеса. Вера в науку и на самом деле приобрела в большевистской России почти религиозный характер. В

1930 г. Георгий Федотов писал, что Россия переживает период наивного просвещения. Материализм приобрел характер новой веры.

На Западе в те же годы господствующей стала иная точка зрения – веру в науку считали пережитком. Великие технические достижения Советского Союза мало импонировали Западу, так как там, как справедливо говорит Конрад Хейден, подобные успехи были достигнуты давным-давно. Разрушения первой мировой войны, масштаб которых отчасти был обусловлен научно-технологическими достижениями последних десятилетий, открыл глаза многим европейцам на негативные аспекты технического прогресса. В этой войне с особой силой проявились иррациональные черты человеческой природы и это никак не укрепило большевистский тезис о рациональном планировании процесса общественного развития. После мировой войны массы должны были бы понять, что в обществе царят слепые и иррациональные силы, по отношению к которым человек беспомощен, – писал американский экономист Питер Друкер. Итальянские фашисты и немецкие национал-социалисты, которые восхищались иррациональным в человеке и объявили борьбу просветительско-позитивистской традиции, сумели лучше коммунистов использовать европейский кризис, возникший после окончания Первой мировой войны. Но все же правозэкстремистские течения сами были лишь симптомом этого кризиса, и все их попытки найти выход с помощью волюнтаристских методов только еще больше его углубляли. Одним только насилием и активностью невозможно было возродить европейское государство, – пишет немецкий правовед Герман Геллер в своей книге «Европа и фашизм». Фашизм смог лишь противопоставить безвольной норме, лишенную всякой нормы волю.

Различия между фашизмом и национал-социализмом

Существенной причиной ошибочных оценок коммунистических теоретиков в их анализе правого экстремизма был тот факт, что они недостаточно оценивали различия между итальянским фашизмом и национал-социализмом. Несмотря на все различия итальянский фашизм как политическое явление был гораздо ближе большевизму, чем национал-социализм. Благодаря своему марксистскому прошлому Муссолини был для большевиков ближе и понятнее, чем Гитлер. Перед началом Первой мировой войны как Ленин, так и Муссолини принадлежали к радикальному крылу марксистского движения. Оба были нетерпеливыми революционерами, оба старались ускорить революционный процесс усилиями малочисленной элиты профессиональных революционеров. Из-за своего волюнтаризма Муссолини постепенно оказался вне рамок марксизма, Ленин же, наоборот, несмотря на свою радикально-волюнтаристскую ревизию марксизма, остался ортодоксальным марксистом. Уже упомянутое отсутствие интереса к новым идейным

течениям в Европе и концентрация главным образом на тактических проблемах революционного захвата власти облегчили Ленину возможность остаться ортодоксальным марксистом; по крайней мере сам он верил, что является таковым. Муссолини, став фашистом, не сжег мосты к своему марксистскому прошлому. В парламентской речи от 1 декабря 1921 г. он даже говорил о духовном родстве между фашистами и коммунистами. Невозможно представить, чтобы Гитлер выступил с такими заявлениями по отношению к марксистам. Тот факт, что национал-социализм, в отличие от итальянского фашизма, возник не в рамках социалистического рабочего движения, русско-немецкий социал-демократ Александр Шифрин считает решающим для фундаментальных отличий между обеими правэкстремистскими группировками. В феврале 1931 г. Шифрин писал: «Развитие итальянского фашизма заключалось в контрреволюционизации демократического по своему происхождению движения; это означало его глубокое внутреннее перерождение. Новейшее развитие национал-социализма проходит под знаком демократизации этого штурмового отряда контрреволюции в смысле расширения его социальной базы; для этого он нуждается лишь в некотором изменении методов. Его фундаментальное политическое и идеологическое содержание остается неизменным».

Круг идей, из которого вышла идеология национал-социализма, был гораздо менее близок большевикам, чем идеологическая база итальянского фашизма. По этой причине большевикам было нелегко правильно оценить опасность национал-социализма, намного превосходившую опасность итальянского фашизма. Помимо уже неоднократно упоминавшегося страха перед декадансом, коммунисты не сумели правильно оценить и другой, чрезвычайно важный компонент национал-социалистического мировоззрения — антисемитизм. Большевики полагали, что антиеврейская пропаганда или антиеврейские выпады, например, погромы в дореволюционной России в конечном счете служат для отвлечения масс от других, гораздо более значительных социальных проблем. Большевистские идеологи скептически относились к словам Гитлера о том, что он видит свою важнейшую миссию в борьбе с мировым еврейством. В апреле 1933 г. один коммунистический автор писал в газете «Рундшау»: «...вся эта болтовня об этническом обновлении» Германии и об ее «очищении от еврейских элементов» никем не принимается всерьез, если не считать маленький слой сумасшедших школьных учителей и фанатиков расистов...» Так коммунисты проглядели, пожалуй, самый значительный идеологический компонент национал-социализма, придавший ему беспрецедентную динамику.

Основным мотивом действий национал-социалистических вождей большевики считали защиту капиталистического строя, реально оказавшегося под угрозой, а не борьбу с воображаемой, несуществующей в действительности еврейской опасностью. Большевики проявили здесь непонимание той силы, которой могут

обладать в истории фикции и патологические извращения реального положения вещей. От внимания коммунистов ускользнул и тот факт, что они в лице национал-социалистов, и прежде всего в их вожде, приобрели противников, которые, в отличие от итальянских фашистов, были намерены буквально осуществить то, что они обещали. Присущая Муссолини воля к власти и преклонение перед насильем объединялись у него с готовностью к компромиссам, слепой фанатизм Гитлера был ему, как правило, чужд. Несмотря на свою манию величия, итальянский фашизм не начал мировую революцию, писал политолог Зигмунд Нойман. Это сделал только национал-социализм.

Государство — партия — вождь в правозэкстремистских режимах и в большевистской России

Теперь перехожу к различию структур правозэкстремистских режимов и большевистского государства, которые тоже влияли на ошибочные оценки фашизма и национал-социализма коммунистическими теоретиками. Государственный и военный аппарат большевиков с момента возникновения советского государства находился под контролем партийной олигархии. Процесс принятия решений протекал исключительно в рамках партийного руководства. В своей книге «Происхождение партократии» советолог Абдурахман Авторханов пишет, что большевистская партия является не просто единственной правящей партией, и не государством в государстве, а сама по себе представляет государство — «государство нового типа». Столь однозначное распределение власти не было присуще фашистским и национал-социалистическим режимам. Это обстоятельство не было в достаточной мере осознано многими теоретиками Коминтерна. В своем анализе процессов принятия политических решений в рамках правозэкстремистских режимов они часто говорили о слиянии руководства правозэкстремистских партий и традиционного государственного аппарата. Тем самым они переносили советскую модель, в которой лишь одна политическая сила определяла процесс принятия решений, на правозэкстремистские режимы. Сложность взаимоотношений между партией и государством в фашистской Италии и в национал-социалистической Германии не изучалась подробно руководством Коминтерна. Концепция «двойного государства», развитая политологом Эрнстом Френкелем, до последнего времени не находила отклика у коммунистов, изучающих фашизм. Многие теоретики Коминтерна оставили без внимания долго сохранявшуюся напряженность между партией и государственным аппаратом в Италии и Германии.

Недостаточно учитывалась теоретиками Коминтерна и роль вождя, который в правозэкстремистских партиях имел совсем иное значение, чем в большевистской партии в ее досталинский период. Конкуренция между госаппаратом и партией,

как известно, придавала вождю правоэкстремистских движений роль третейского судьи. Правоэкстремистский волюнтаристский режим и нормативное правовое государство существовали параллельно. Примирение между этими двумя противоположными системами не могло установиться спонтанно, они не могли сотрудничать друг с другом, так как каждая из этих систем отрицала другую. Этим и объясняется необычно важная роль вождя, в котором оба противостоящих друг другу аппарата видели прежде всего посредника, ему отдавали часть своей самостоятельности и партия, и государственный аппарат.

В истории большевизма, равно как и в истории России, цезаристская идея не играла сколько-нибудь заметной роли. Большевистская партия, в противоположность правоэкстремистским партиям, ни до, ни непосредственно после захвата власти не являлась вождистской. Партийная дисциплина и беспрекословное повиновение ни в коем случае не были идентичны. Многие важные решения принимались после жарких дискуссий внутри партийного руководства. В 1936 г. Троцкий писал, что вся история большевистской партии – это история фракционной борьбы. Руководящий слой большевиков был своего рода олигархией, которая требовала от партийных масс дисциплины и повиновения, но за собой оставляла право на критику. Превратить эту партийную элиту в послушный инструмент вождя оказалось нелегким делом. В отличие от Гитлера и Муссолини, Сталин для утверждения принципа вождизма в собственной партии должен был физически уничтожить большую часть партийного руководства.

Большевики, боровшиеся в 1920-е годы против установления неограниченной личной власти Сталина в партии, были последними представителями антиавторитарной традиции русской интеллигенции. В 1936 г. Николай Бухарин говорил: Сталин понял, что старые большевики никогда не смирятся с его диктатурой. Они выросли в атмосфере борьбы и сопротивления. Сталин считал эти качества деструктивными. Поэтому он принял смелое решение: если старое поколение большевиков, из которого рекрутировалась советская правящая элита, не пригодно для «конструктивной» работы, оно должно быть устранено и заменено новой элитой. Для того, чтобы претворить в жизнь свои воззрения, Сталин, вынужден был опираться на новое поколение членов партии, которое имело мало точек соприкосновения с традициями революционной русской интеллигенции. Об этом и писал Бухарин. Новое поколение большевиков рекрутировалось из слоев, не имевших сколько-нибудь значительного политического опыта, им была чужда критическая позиция и недоверие старых большевиков по отношению к любой единоличной власти. Когда Сталин натравливал большевистских функционеров среднего звена на космополитически и всесторонне образованных старых большевиков, он брал на вооружение идеал равенства, популярный в русской традиции. «Мы не хотим иметь в партии дворян», – провозгласил Сталин в декабре 1927 г., и этот призыв встретил заметный отклик в партийных массах. Уничтоже-

ние независимости партии явилось следствием этого восстания партийных масс против элиты. Такого рода восстание могло пойти на пользу лишь деспоту. Свою диктатуру Сталин мог установить, в первую очередь, с помощью группировок, недостаточно подготовленных к политическому мышлению и к политической ответственности.

В Италии и Германии при установлении фашистской и национал-социалистической диктатуры были в наличии совершенно другие внешние условия. Те группировки которые отказались от собственной ответственности в пользу диктаторской власти, были далеко не столь неопытны в политическом отношении, как большевистские партийные массы, проложившие путь диктатуре Сталина. В Италии и Германии речь шла скорее об усталости определенных политических группировок и политических партий, которые слишком долго несли на себе политическую ответственность. Она им, можно сказать, просто надоела. Это было одной из причин того, что они передали власть в государстве, которое они должны были защищать, его смертельным врагам.

Заключение

При сравнительном анализе развития России и Западной Европы в начале XX в. бросается в глаза тот факт, что обе эти части континента жили тогда в разных эпохах. Коммунистические теоретики не смогли должным образом учесть эту разновременность, что оказало влияние на их полемику с правым экстремизмом. Некоторые процессы наступили на Западе намного раньше, чем в России, например, кризис модернизации. К началу XX в. в России были почти неизвестны проблемы, порожденные быстрым отрывом от корней большинства населения, и поэтому большевики были не в состоянии понять правоэкстремистское преклонение перед собственным прошлым. Целью большевиков был как можно более радикальный разрыв с русской традицией, в которой они видели главным образом угнетение и отсталость. Большевистские идеологи были глубоко убеждены в том, что индустриализация и модернизация отвечают интересам непривилегированных масс; протест европейских масс против этих процессов истолковывался в Москве как знак отсталости и неудовлетворительной просветительской работы. И лишь после великих потрясений индустриализации и коллективизации Россия постепенно стала сталкиваться с проблемами, которые волновали западные общества уже на рубеже веков и создали питательную почву для прихода к власти правых экстремистов. Ностальгическое восхваление русской традиции и тоска по потерянному корням охватывали все более широкие слои русского населения. Однако ответ на весьма интересный вопрос о последствиях кризиса модернизации для сегодняшней России выходит за рамки данной работы.

Наряду с таким явлением, как кризис модернизации, возникшим в России с опозданием, были и другие процессы, которые Россия предвосхитила и которые позже приобрели важное значение также и для Запада. Так, например, Россия с удивительной наглядностью, как никакая другая страна, продемонстрировала последствия такого явления, как радикальнейшая конфронтация, интеллектуальной элиты страны с существующей системой (самодержавием). Этот процесс шел рука об руку с преклонением перед идеалом всеобщего равенства. Синтез хилиастических планов русской интеллигенции с целями марксизма привел к возникновению большевистской партии профессиональных революционеров, у которой на Западе не было аналога. Создание Лениным этой партии для мировой истории имело не меньшее значение, чем наметившийся к этому же времени на Западе кризис модернизации. После 1917 г. большевики попытались завоевать мир и для идеала русской интеллигенции – всеобщего равенства, и для марксистского идеала – пролетарской революции. Однако оба эти идеала не нашли в «капиталистической Европе» межвоенного периода того отклика, на который рассчитывали коммунисты. Европейские массы, прежде всего в Италии и Германии, оказались втянутыми в движения противоположного характера, рассматривавшие идеал равенства как знак декаданса и утверждавшие непреодолимость неравенства рас и наций. Восхваление неравенства и иерархического принципа правыми экстремистами было связано, прежде всего у национал-социалистов, с разрушительным стремлением к порабощению или уничтожению тех людей и наций, которые находились якобы на более низких ступенях выстроенной ими иерархии. Вытекавшая отсюда политика уничтожения, проводившаяся правыми экстремистами, и в первую очередь национал-социалистами, довела до абсурда как идею национального эгоизма, так и иерархический принцип. Специфический характер исторического развития Западной Европы, лежавший в основе такого поведения масс, не учитывался в достаточной мере идеологами Коминтерна.

Период между 1929 и 1933 гг. можно назвать самой непродуктивной фазой в развитии дискуссии о фашизме внутри Коминтерна. В эти годы сталинистский образ мысли утвердился как в большевистской партии, так и внутри Коминтерна. Его символом были презрение и недоверие по отношению к любой спонтанности в мышлении и в поведении, стремление к тотальному контролю над политическими и духовными процессами и создание «монолитного» мирового коммунистического движения, в котором был недопустим какой бы то ни было тактический или идеологический плюрализм. Эти сталинистские принципы явились причиной роковых ошибок в политике Коминтерна по отношению к национал-социализму в 1929—1933 гг. Пожалуй, наиболее чреватые последствиями было схематическое обобщение понятия «фашизм» и распространение его на почти всех противников коммунистов. Этим необдуманном употреблением понятия «фашизм» коммунисты нанесли урон прежде всего самим себе, ибо тем самым

придали относительную безобидность своему наиболее опасному врагу, по отношению к которому использовалось первоначально это понятие.

С точки зрения коммунистической теории, «капиталистическая система» являлась своего рода «ретортой» фашизма. С помощью этого тезиса коммунистические идеологи попытались освободить себя от всякой ответственности за возникновение фашистских движений и режимов. Любую попытку истолковать большевистскую революцию (наряду с мировой войной) как первое звено в неразрывной цепи насилия, которая наряду с другими причинами способствовала появлению фашизма, большевики с возмущением отвергали. Для них фашизм был исключительно внутренним проявлением капиталистической системы. Подобная односторонность характерна и для некоторых консервативных мыслителей, которые со своей стороны отрицают ответственность консервативных группировок за подъем фашизма. Они характеризуют коммунизм и фашизм как восстание масс против традиционного европейского порядка и культуры. Но этот тезис проходит мимо того факта, что именно представители культурной элиты в Европе, а не массы, первыми поставили под сомнение фундаментальные ценности европейской культуры. Не восстание масс, а мятеж интеллектуальной элиты нанес самые тяжелые удары по европейскому гуманизму, писал в 1939 г. Георгий Федотов.

На самом деле ответственность за успехи правого экстремизма в межвоенный период несут, в сущности, все важнейшие политические силы тогдашнего европейского общества, хотя и в разной степени.

IV.2. О двойственности сталинизма и национал-социализма

Режимы, установленные Сталиным и Гитлером, воплощавшие, по определению, неограниченный произвол, зависели в значительной степени и от политических способностей, и от настроений обоих диктаторов. Можно ли обнаружить, несмотря на это, определенную логику в функционировании этих режимов? Можно ли совместить произвол и «рациональность»? Этому вопросу посвящена данная статья.

В этой связи я хотел бы указать на двойственность, типичную для политического образа действий обоих диктаторов. Их захватывающие дух успехи были достигнуты не в последнюю очередь благодаря тому, что доктринерская и параноидальная картина мира соединялась у них со способностью действовать в духе Николо Макиавелли. Они были непредсказуемы и предсказуемы одновременно, чем запутывали и деморализовывали как противников, так и союзников.

Эта двойственность проходит красной нитью через деятельность обоих тиранов, на этом, в определенном смысле, базировалась вся логика их господства. Эта двуликость сталинизма и национал-социализма, их маятниковые движения между доктринерским и прагматичным полюсами, затрудняют для многих наблюдателей классификацию этих систем. Одни склоняются к переоценке оппортунистского, другие – догматического компонента в поведении обоих диктаторов и оставляют без внимания тот факт, что связь между этими двумя аспектами составляла суть режимов и обуславливала их беспрецедентные триумфы.

Лев Троцкий называл Сталина «термидорианцем»¹, не осознав значения начатой в 1929 году сталинской «революции сверху». Ведь в противоположность Термидору при сталинизме речь ни в коем случае не шла о попытке положить конец утопической террористической фазе революции. Наоборот, именно Сталин довел террористическую линию развития русской революции до ее апогея.

Исаак Дейчер, разделяющий, по существу, взгляды Троцкого на «термидорианский» характер сталинского режима, выдвигает тезис, более точно определяющий суть сталинской эпохи. Сталинский переворот был, по его мнению, еще более глубоким, чем октябрьский переворот 1917 года. Именно Сталин создал в России ситуацию, из которой возвращение к предреволюционным условиям стало невозможным².

И действительно, только Сталину удалось осуществить основной постулат марксизма – ликвидацию частной собственности. В июле 1932-го, к моменту, ко-

¹ Trotzki L. 1. Sowjetgesellschaft und stalinistische Diktatur, Band 1 (1929-1936). Hrsg. von H. Dahmer, R. Segall, R. Tosstorff, Frankfurt/Main, 1988. P.47-49, 227-229, 403-405, 581-583.

² Deutscher I. Russia after Stalin with a postscript on the Beria affair, London. 1953. P.97-98.

гда задача экспроприации собственности у более чем 100 млн. русских крестьян была почти осуществлена, Сталин писал своим соратникам, Молотову и Кагановичу: «Капитализм не мог бы разбить феодализм, он не развился бы и не окреп, если бы не объявил принцип *частной* собственности *основой* капиталистического общества (...). *Социализм* не сможет добить и похоронить капиталистические элементы (...), если он не объявит *общественную* собственность (...) священной и *неприкосновенной*»³.

Но Сталин осуществил не только основной постулат «Коммунистического манифеста», сформулированный Марксом и Энгельсом, - «уничтожение частной собственности». Также и воплощение ленинской мечты о создании дисциплинированной партии, которая действует, а не вечно дискутирует⁴, стало возможным только в сталинскую эпоху. Сам Ленин, несмотря на свою уверенность в необходимости партийной дисциплины, не был в состоянии превратить созданную им партию в монолит. Это удалось только Сталину, и именно к началу 30-х годов, в период коллективизации сельского хозяйства. Тип большевика меняется, писал в 1932 г. эмигрантский историк Георгий Федотов. Безусловное проведение «генеральной линии» стало для партийного руководства теперь гораздо важнее добровольного признания большевистских идей. Партийная дисциплина ценится выше, чем революционный идеализм⁵.

За дисциплинированием партии последовало ее обезглавливание в 1936-38 гг., во время «большого террора». Радикально-непредсказуемый и параноидальный характер сталинского режима обнаруживается теперь с полной ясностью. Вопреки общераспространенному мнению, начавшаяся в 1936 г. кампания тотальных репрессий была в первую очередь направлена не на сведение счетов Сталина с его критиками, бывшими партийными оппозиционерами. Последние с конца 20-х годов больше не играли существенной политической роли. Борьба с ними являлась только маргинальным аспектом «большого террора». В центре внимания диктатора была господствующая властная элита, которая состояла в своем преобладающем большинстве из убежденных сталинистов. Таким образом, сталинский режим потрясал собственную основу. Это было операцией беспрецедентного размаха, которую невозможно сравнить даже с якобинским террором. Во Франции через 2 года после начала террора, 9-го Термидора 1794-го, удалось лишить власти тирана. В Советском же Союзе Термидор состоялся лишь после смерти деспота – на XX съезде КПСС.

Сталинская мания преследования распространялась, как правило, не только на его партийных соратников, но и на их семьи. Председатель Коминтерна Димитров цитирует в своем дневнике следующее высказывание Сталина от ноября

³ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001. С.240-241.

⁴ См. Валентинов Н. (Вольский): Встречи с Лениным. Нью-Йорк, 1979. С.252-54.

⁵ Федотов Г. Правда побежденных, в: Современные записки N.51, 1932. С.360-385, здесь С.381-382.

1937-го: «Мы уничтожим каждого из врагов, даже если он старый большевик, мы полностью уничтожим его род, его семью. Каждого, кто в своих действиях и в мыслях (именно так - Л.Л.) предпримет покушение на единство социалистического государства, мы уничтожим безжалостно»⁶.

Сталин однако умел отделять свой радикально-доктринерский и непредсказуемый внутривластный курс от внешней политики. Именно поэтому с середины 30-х годов Советский Союз стал самым главным сторонником политики коллективной безопасности в Европе. Тогда же и Коминтерн отказался от выдвинутой им в 1928 году саморазрушительной теории социал-фашизма и объявил о готовности сотрудничать со всеми силами, находящимися под угрозой ультраправых режимов и партий. Даже осуждаемая до этого времени «буржуазная демократия» была реабилитирована сталинским руководством. На VII конгрессе Коминтерна в июле 1935 г. Георгий Димитров объяснял: коммунисты не являются анархистами, им ни в коем случае не может быть безразлично, господствует ли в определенной стране «буржуазная» демократия или фашистская диктатура. Теперь коммунисты должны бороться за каждую крупицу демократии в капиталистических странах⁷.

От этого умеренного курса Сталин отказался только после Мюнхенского соглашения, когда ему стало ясно, каких размеров достигла западная политика умиротворения (Appeasement) по отношению к Третьему рейху. Сталин не устоял тогда перед иллюзией возможности компромисса с Гитлером. Иллюзии, от которой западные страны освободились уже в марте 1939-го - после оккупации Праги немецкими войсками. Западная политика соглашения по отношению к Третьему рейху в 1934-38 гг. была продолжена в 1939-41 гг. на Востоке.

Осторожная и гибкая внешняя политика Сталина в 1934-41 гг. побудила некоторых авторов к переоценке прагматичного компонента в его поведении: «Сталин руководствовался в своей внешней политике не чувствами или идеологией», – писал недавно Габриель Городецкий и добавлял: «Политика Сталина представляется совершенно разумной и продуманной, беззастенчивой и реалистичной, служащей ясно очерченным геополитическим интересам»⁸.

При такой стилизации политики Сталина как бы под традиционалистскую политику царизма Городецкий оставляет без внимания тот факт, что компонент мировой революции из сталинской внешней политики никогда не исчезал. Он потерял, правда, свой приоритет по сравнению с раннебольшевистским периодом, но ни в коем случае не прекращал формировать советскую мировую политику. Несмотря на это рискованная игра ва-банк была чужда внешнеполитическому образу действий Сталина. В этом его курс коренным образом отличался от курса Гит-

⁶ Dimitroff G. Tagebücher 1933–1945. Hrsg. v. B.H.Bayerlein. Berlin, 2000. P.162.

⁷ VII Congress of the Communist International. Abridged Stenographic Report of Proceedings, M., 1939. P.360-361., 368-370.

⁸ Gorodetsky G. Die große Täuschung. Berlin, 2001. P. 403.

лера. В качестве исторических детерминистов коммунисты, в том числе и Сталин, были убеждены в том, что победа коммунизма в мировом масштабе и без того неизбежна. Они не должны были для этой победы всё ставить на одну карту. Для Гитлера положение дел выглядело иначе. Он считал себя единственным политиком, который в состоянии решить такие „грандиозные“ задачи, как захват жизненного пространства на Востоке или объявленное им «окончательное решение еврейского вопроса». Гитлер не верил в достойных наследников.⁹ Франк-Лотар Кроль пишет о его «финалистском» мышлении. По представлениям Гитлера, решительную борьбу между арийской и еврейской расами нужно вести до неизбежного конца: «Так или иначе будет достигнуто окончательное завершение всей прежней истории, представляемое не (...) как неопределенная возможность в туманном будущем. Завершение и конец были близки как никогда ранее и должны были произойти непосредственно еще при жизни Гитлера»¹⁰.

Таким образом, Гитлер находился в постоянном цейтноте, что обуславливало непрерывную радикализацию его расовой и внешней политики. У этой радикализации имелась также и другая причина - тот факт, что национал-социалистский режим был, в отличие от большевистского, установлен не в результате насильственного свержения предыдущего режима, а вследствие компромисса с господствующими элитами. Национал-социалисты пытались завуалировать это обстоятельство. Передача власти стала «захватом власти», была стилизована под «революцию». Между тем путь социальной революции из-за союза НСДАП с консервативной элитой в Германии был закрыт. Территориальная экспансия являлась, по сути, единственным вентилем для снятия накапливаемых напряжений.

Национал-социализм, будучи все более непредсказуемым в своей внешней политике, казался, несмотря на происходящие эксцессы, величиной, которую его консервативные союзники внутри Германии некоторое время держали под своего рода контролем. Логика гитлеровской системы коренным образом отличалась от сталинской. Национал-социализм был непредсказуем во внешней, но с определенной точки зрения предсказуем во внутренней политике для его консервативных партнеров по коалиции. В благодарность за победу над «второй» национал-социалистской революцией с ее «антикапиталистической» и антифеодальной устремленностью, которую воплощал вождь СА Эрнст Рем, консервативный истеблишмент предоставил режиму налаженный и весьма эффективный военный, государственный и экономический аппарат. Это позволило Гитлеру в течение короткого времени достигнуть беспрецедентных внешнеполитических успехов. Несмотря на определенный скепсис по отношению к авантюренному курсу режима сопротивление захватывало только небольшую часть консервативного истеблиш-

⁹ См. Domarus, M.: Hitler. Reden und Proklamationen 1932–1945, Wiesbaden 1973. Vol. 1. P.745.

¹⁰ Kroll F.-L. Geschichte und Politik im Weltbild Hitlers // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte 3/1996, P.327-353, здесь P.337.

мента. Такое положение вещей не меняли ни истребительная война на Востоке, ни Холокост. Таким образом, готовность к сопротивлению парализовывалась самим фактом, что цели консервативных союзников НСДАП, с некоторыми ограничениями, во многих пунктах совпадали с внешнеполитической программой Гитлера. Немецкий историк Манфред Мессершмит говорит в этой связи о «частичном тождестве целей»¹¹.

Чем ближе режим приближался к осуществлению своей расово-политической утопии, тем сильнее Гитлер воспринимал союз с консерваторами как оковы. И особенно после неудачного покушения 20 июля 1944 г. Он говорил: «Мы ликвидировали классовую борьбу слева, но при этом, к сожалению, мы забыли довести до конца классовую борьбу справа»¹².

Несмотря на свои антифеодалные обиды, Гитлер не решился, однако, на сведение счетов со старой элитой, по крайней мере с ее большинством, на сталинский манер, хотя он и восхищался образом действий Сталина по отношению к советской элите и офицерскому корпусу. Решающий бой с аристократией должен подождать до тех пор, пока не окончится война, – говорил он сразу после 20 июля 1944 г. Сейчас не время для раскола народа¹³.

Таким образом, гитлеровский режим, вопреки жестокой расправе с заговорщиками 20 июля и их семьями, сохранял даже в своей конечной фазе ту двойственность, которая была для него характерна с момента его возникновения.

Сталинский режим тоже был вплоть до смерти диктатора двуликим. Советская внешняя политика оставалась довольно осторожной, несмотря на беспрецедентное распространение влияния Москвы вследствие полного крушения ее традиционных соперников – Германии и Японии. Тот факт, что конфликт между Западом и Востоком после 1945 г. принял форму «холодной», а не «горячей» войны, указывает, что сталинская система располагала в своей внешней политике более эффективными механизмами контроля, чем гитлеровский режим. Относительное равновесие на внешнеполитическом фланге давала советскому руководству возможность сконцентрировать внимание в первую очередь на внутреннем фронте, и проводить революцию сверху вместе с восточноевропейскими коммунистами, превратившую страны-сателлиты в этом регионе за короткое время в копии Советского Союза.

Только после начала войны в Корее Сталин, как казалось, потерял характерную для него внешнеполитическую гибкость и попытался во всем соцлагере создать атмосферу решающего боя. В начале октября 1950 он писал руководителю китайской Коммунистической партии Мао Дзе-дуну: «Конечно, я считался (...) с

¹¹ Messerschmidt M. Die Wehrmacht im NS-Staat / Bracher, K.-D., Funke, M., Jacobsen, H.-J. Hrsg. Deutschland 1933–1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. Düsseldorf, 1992. P. 377-403.

¹² Kershaw I. Hitler 1936–1945 Stuttgart, 2000. P.903.

¹³ Там же.

тем, что несмотря на свою неготовность к большой войне, США все же из-за престижа может втянуться в большую войну (...). Следует ли этого бояться? По моему, не следует, так как мы вместе будем сильнее, чем США и Англия, а другие капиталистические европейские государства без Германии, которая не может сейчас оказать США какой-либо помощи, - не представляют серьезной военной силы. Если война неизбежна, то пусть она будет теперь, а не через несколько лет, когда японский милитаризм будет восстановлен как союзник США».¹⁴

А в октябре 1952 г. Сталин писал в газете *Правда*: «Чтобы устранить неизбежность войн, нужно уничтожить империализм»¹⁵.

Но даже и тогда образ действий Сталина отличался очевидной двойственностью. Он боялся прямо провоцировать США и вел в Корее войну в первую очередь с помощью так называемых «добровольцев» из Китая. Хотя, по расчетам Дмитрия Волкогонова, в этой войне принимали участие также тысячи советских армейских консультантов и пилотов. Однако многие носили корейскую или китайскую форму в целях маскировки, им было также строго запрещено появляться вблизи линии фронта, чтобы не попасть в плен¹⁶.

Таким образом, сталинская система, как и гитлеровский режим, сохраняла свою двуликость до самого конца, оставаясь верной своей „логике“.

Этот текст базируется на докладе, прочитанном в марте 2003 г. в рамках конференции «Сталин – предварительные итоги с немецкой точки зрения» (Институт современной истории, Мюнхен). Немецкая версия статьи была опубликована в: Jürgen Zarusky, Hrsg.: Stalin und die Deutschen. Neue Beiträge der Forschung. München, 2006. P.225-230.

Авторизованный перевод с немецкого Людмилы Блюменкранц

¹⁴ Оказать военную помощь корейским товарищам // Источник 1/1999. С.123-136, здесь С.133; см. также Волкогонов Д. Семь вождей. Т.1. М., 1995. С.296; Торкунов А.В. Загадочная война. Корейский конфликт 1950–1953 годов. М., 2000. С.116-117.

¹⁵ Сталин И.В.: Сочинения. Т. 16, 1946-1952. М., 1997. С.179.

¹⁶ Волкогонов. Семь вождей. Т 1. С.299-300.

IV.3. Краткие заметки к характеру тоталитарных движений и режимов¹

I

Тоталитарные режимы, возникшие в 20 столетии, это по меткому определению историков Михаила Геллера и Александра Некрича, «утопии у власти». Они стремятся к тому, чтобы приспособить управляемые ими общества к умозрительным доктринам, которые сформулировали уже отдельные радикальные мыслители 19 века, но которые в целом считались совершенно неосуществимыми. Однако 20 столетие показало, что эти утопии вовсе не были так далеки от реальности, как поначалу казалось.

И в самом деле, большевикам почти удалось осуществить свою утопию уничтожения частной собственности и огосударствления всех средств производства, включая рабочую силу. Национал-социалистам почти удалось реализовать свою утопию устройства расистского «нового европейского порядка».

Утописты и левого и правого толка пытаются как своего рода демиурги, построить совершенно новый, небывалый мир, опираясь лишь на сверхчеловеческое напряжение воли – «Тысячелетний рейх» или «социалистический рай на земле». Но полностью осуществить эти свои замыслы им, все-таки, не удастся. В своей статье «Ересь утопизма» (1946) философ Семен Франк пишет: «Подобно Богу (утопист) замышляет сотворить мир из ничего; но, не находясь в положении Бога, который впервые сотворил мир, он встречает препятствие для своего творческого замысла в лице уже существующего мира. ... Старый, исконный мир ... упорствует в своем бытии, сопротивляется своему разрушению. Это упорство представляется утопизму всегда чем-то непонятым, ... противоестественным... Оно приписывается какой-то извращенно-порочной воле... Эта извращенная, порочная воля немногих должна быть подавлена и уничтожена; отсюда требование «тысячи голов». Но этот старый мир все же имеет ...некую неожиданную для утопизма прочность. ...Дело разрушения безнадежно затягивается и на этом пути утопизм роковым образом увлекается на путь беспощадного и все более универсального террора».

И действительно, тоталитарный террор имеет свою собственную внутреннюю динамику и охватывает все большее количество людей. В случае большевиков, в 1936-1938 гг. террор охватил и саму большевистскую партию, которая первые полтора десятилетия после Октябрьской революции вела себя как всемогущий

¹ Эти заметки опираются частично на мое интервью с Матвеем Антроповым, которое было опубликовано в январе 2020 года в интернет-журнале «Реальное время».

демиург, способный в кратчайшее время создать никогда прежде не существовавший общественный порядок. Однако, во время показательных процессов 1936-1938 гг. генеральный прокурор СССР Вышинский называл, например, многих большевистских вождей «змеиным отродьем», которое «должно быть растоптано».

Но и национал-социалистический террор не мог, конечно, ограничиться только одной какой-то группой жертв. Все новые и новые группы людей зачислялись в категорию «недочеловеков»: евреи, цыгане, психически больные, польская интеллигенция, пленные красноармейцы. Одной из последних жертв этого террора, незадолго до конца войны, стали сами немцы, ранее провозглашенные Гитлером «народом господ». Поскольку Гитлер видел в себе самом высшее свершение немецкой истории, он стремился к тому, чтобы с его смертью закончилась и эта история. 19 марта 1945 г. в беседе с министром вооружения Шпеером он заявлял: «Если война будет проиграна, пропадет и немецкий народ. Нет никакой необходимости заботиться о материальной базе, которая может понадобиться немецкому народу для его примитивного существования в будущем. Напротив, лучше самим разрушить все это».

В случае большевиков надо, однако, подчеркнуть, что они были в состоянии, если того требовали обстоятельства, вопреки своему утопизму, пожертвовать частью доктрины в угоду реальности. Этой способностью к гибкости, к радикальной смене курса, они обязаны своим выживанием. Образцом такой перемены курса была провозглашенная в марте 1921 года «Новая экономическая политика», которая должна была сменить утопическую политику «Военного коммунизма». Но и тогда, когда большевики, казалось, действовали прагматически и проявляли тактическую гибкость, они не отказывались от осуществления своих конечных идеологических целей. Фазы, когда в их действиях преобладала прагматическая позиция, оценивались ими лишь как «паузы для того, чтобы перевести дыхание», как периоды собирания сил перед новой попыткой перестроить действительность в соответствии с доктриной.

Такой гибкости как у большевиков, способности, хотя бы на время, частично отказаться от некоторых центральных постулатов своей доктрины, у национал-социалистов не было. Это было одной из главных причин, почему нацистский режим и рухнул после 12 лет существования.

II

И «первая» русская, и «первая» немецкая демократия рухнули не из-за силы своих тоталитарных противников, но из-за слабости своей собственной воли. Пред лицом готовых к решительной борьбе демократических сил у тоталитарных группировок нет, в сущности, никаких шансов.

Поэтому я не согласен, например, с Николаем Бердяевым, который считал победу большевиков в русской революции неотвратимой. В своей книге «Новое средневековье» Бердяев писал: «Рационалистическим безумием нужно признать всякую надежду, что в стихии революции могут господствовать и могут ее направлять, какие-либо разумные партии ... Это и есть самая неосуществимая из утопий. В русской революции утопистами были кадеты, большевики же были реалисты».

Но как же объяснить тогда тот факт, что в выборах в Учредительное собрание, которые состоялись несколько недель после прихода большевиков к власти, абсолютное большинство голосов получили умеренные социалисты (эсеры), а не большевики? И это несмотря на то, что большевики «Декретом о земле» от 26 октября 1917 года как бы осуществили давнюю мечту крестьянских масс о «черном переделе». Нельзя сомневаться, что россияне в 1917 году сделали «социалистический выбор». Но это не был тоталитарный выбор, т. к. большевики получили в выборах в Учредительное собрание только 24% голосов. Ответом большевиков на их поражение в выборах был, как известно, разгон Учредительного собрания, т. е. отказ от демократической легитимации нового режима.

Но не только результат выборов в Учредительное собрание, но и многие другие факты, например, сокрушительное поражение большевиков во время так называемых «июльских» событий 1917 г., показывают, что их победа не являлась чем-то неотвратимым. Существовали и другие возможности решения революционного кризиса 1917 года.

Но и победа национал-социалистов в январе 1933 года не являлась чем-то неизбежным. Веймарская демократия отнюдь не была обречена на поражение, как считают некоторые аналитики. Никакой закон не заставлял, например, президента Гиндербурга назначить Гитлера рейхсканцлером только потому, что фракция НСДАП после выборов в рейхстаг в ноябре 1932 года была самой многочисленной в рейхстаге. Пользуясь чрезвычайными полномочиями, которые ему давала 48 статья веймарской конституции, Гинденбург не зависел от парламентского большинства. Учитывая все это, тот факт, что правящие консервативные группировки веймарской Германии в январе 1933 года, передали власть в государстве, которое они должны были защищать, его непримиримым врагам, можно определить, пользуясь словами немецкого историка Конрада Гейдена, как акт «полной безответственности».

Добавлю, что тоталитарные диктатуры опираются на так называемого «нового человека». Этот «новый человек» должен слепо повиноваться вышестоящим и верить в непогрешимость вождя и партии. Эрозия этой веры лишает тоталитарные режимы, пожалуй, их важнейшей основы. Их крушение становится тогда, в сущности, неизбежным.

IV.4. Парадоксы Сталинграда – «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана (1905-1964)

Роман умершего в 1964 году русского писателя Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» нередко называют романом века, и с полным на то основанием.

В этом произведении, в центре которого находится битва под Сталинградом, с необычайной выразительностью отражается двойная катастрофа 20-го столетия, выраженная в таких понятиях как Освенцим и «Архипелаг ГУЛАГ». Почему эти катастрофы оказались возможны? Что обеспечило как национал-социализму, так и сталинизму их временное торжество? Все эти вопросы обсуждаются в книге Гроссмана.

Когда Гроссман в начале шестидесятых годов завершил свой роман, в котором он беспощадно критиковал гитлеровскую и сталинскую тиранию, он надеялся, что ему удастся опубликовать книгу в Советском Союзе. Это было все-таки время XXII съезда КПСС, на котором Хрущев клеймил сталинский террор не в секретном докладе, как на XX-м съезде партии за 5 лет до этого, а открыто. Это было время, когда московский журнал «Новый мир» опубликовал повесть Александра Солженицына об одном дне из жизни заключенного ГУЛАГа («Один день Ивана Денисовича»).

Несмотря на это роман Гроссмана вызвал ужас у советских функционеров от партии и культуры. В беседе с писателем главный идеолог партии Суслев заявил, что для советской власти этот роман еще вреднее чем «Доктор Живаго» Пастернака.¹ Один из номенклатурных работников, категорически отказавший в публикации романа, сказал, что эта книга хотя и отражает определенные стороны сталинской действительности, но с публикацией надо бы подождать еще лет 250.² Манускрипт романа был конфискован КГБ. Это похоже на чудо, что книга, несмотря на все попытки власти спрятать ее на 250 лет, т. е. бесследно и навсегда, в конце концов все-таки дошла до читателя. Для автора же это произошло слишком поздно. Лишь 16 лет спустя после его смерти роман был опубликован в «Тамиздате» (в эмиграции).

Хотя роман в первую очередь рассказывает о битве под Сталинградом, описание этого военного противостояния сопровождается также и впечатляющим и глубоким анализом тогдашнего переломного момента истории. Потому что в Сталинграде решалась, пожалуй, судьба всего мира. Если бы вермахт выиграл

¹ Липкин С. Жизнь и судьба Василия Гроссмана. М., 1990. С. 68; Лазарев Л. Дух свободы /Гроссман, Василий. Жизнь и судьба. М., 1990. С. 655 и сл.; Garrard, J./Garrard C. The Bones of Berdichev. The Life and Fate of Vasily Grossman. New York, 1996. С. 279 и сл., 375-360.

² Липкин. Жизнь и судьба. С. 63-65; Лазарев. Дух свободы. С. 655; Garrard/Garrard. Bones of Berdichev. С. 355.

эту битву, то это наверняка закрепило бы оккупационный режим национал-социалистов на европейском континенте на многие годы, и это означало бы временный конец европейской цивилизации, как мы ее знаем. Василий Гроссман пишет:

«Фашизм и человек не могут сосуществовать. Когда побеждает фашизм, перестаёт существовать человек, остаются лишь внутренне преображённые человекообразные существа. Но когда побеждает человек, наделённый свободой, разумом и добротой, – фашизм погибает и смирившиеся вновь становятся людьми.» (Жизнь и судьба, книга первая, М., 2005. С. 86-87)

Парадоксальность Сталинграда состояла, однако, в том, что здесь интересы всего цивилизованного человечества защищал именно режим, построенный на не меньшей горе трупов, чем национал-социалистический режим, который, как и Третий рейх, являлся олицетворением тиранического произвола. В связи с этим можно было бы перефразировать слова Гроссмана и сказать: сталинизм и человек не могли сосуществовать вместе. Если бы победил сталинизм, человек прекратил бы свое существование.

Между тем в битве за Сталинград наряду с обеими бесчеловечными системами участвовало еще одно действующее лицо, которое, подобно сталинской диктатуре, боролось за свое выживание и которое также оказало решающее влияние на характер этой судьбоносной битвы – это были народы советской империи. И никоим образом не было соответствия между ними и системой, которая их представляла для других стран. В 30-е годы сталинский деспотизм вел беспощадную войну с собственным народом, которая была направлена сначала против сельского населения, а потом – во время Большого террора – распространилась на все слои общества. При этом границы между преступниками и жертвами были условными. Также и бесчисленные палачи попадали под колеса созданной ими же самими машины террора. Таким образом, посреди мирного времени, режим объявил войну своему собственному народу, и многие грани этой истребительной кампании, ломающей общество не только физически, но и морально, точно отражены в романе Гроссмана.

Если мы учтем все это, то итог Сталинградской битвы покажется еще более поразительным. Нация, до крайности замученная и униженная в тридцатые годы, смогла, несмотря на беспрецедентное сокрушительное военное поражение в первые месяцы немецко-советской войны, во второй раз, и даже еще более основательно чем в битве под Москвой (в декабре 1941), нанести привыкшему к победам вермахту чувствительное поражение. При этом нельзя забывать, что к тому времени в распоряжении Третьего рейха и его союзников находился весь беспощадно эксплуатируемый экономический и людской потенциал почти всего европейского континента. Кроме этого, немецким войскам удалось захватить около 2 миллионов квадратных километров советской территории, на которой перед вой-

ной проживало более 80 миллионов человек (40 % населения) и производилась примерно половина советской промышленной продукции.³

Почему тогда оставшаяся не оккупированная часть Советского Союза в течение кратчайшего времени была в состоянии произвести столько же военной продукции, как Третий рейх и все его сателлиты вместе взятые?⁴ Почему Красная Армия была способна, несмотря на беспрецедентные поражения летом-осенью 1941 и летом 1942, к концу 1942 – началу 1943 выиграть, наверное, самую решающую битву этой войны? Одни только материальные, поддающиеся измерению факторы никоим образом не могли бы в достаточной мере объяснить эту победу. Еще более важную роль играл здесь, пожалуй, моральный компонент.

После нападения Германии на Советский Союз народы империи заключили своего рода перемирие с их, пожалуй, величайшим врагом — своим собственным режимом. И тут выяснилось, что они столкнулись с еще более страшным – что сначала трудно было себе представить – противником. Ибо целью Гитлера было не только значительное сокращение и порабощение подвергшейся нападению нации, но и полное разрушение ее государственности. Когда это стало ясно, ни о каком коллаборационизме с Третим рейхом для подавляющего большинства россиян и ряда других народов СССР уже не могло быть и речи. Коллаборационисты представляли собой в течение всей войны только периферийное явление внутри общества. По сути дела, у народа не оставалось никакого другого выбора, кроме как поддержать собственный режим. Но это, правда, не была безоговорочная поддержка. Режим должен был несколько ослабить механизмы контроля общества и признать определенную степень личной инициативы. В 1941-42 годах в Советском Союзе происходил процесс, названный московским историком Михаилом Гефтером во время горбачевской перестройки «стихийной десталинизацией»,⁵ и который наглядно отражается в романе Гроссмана. Многие его герои острейшим образом критикуют террор 30-х годов, плановое хозяйство и пропагандистскую ложь и мечтают о ликвидации колхозов и свободе слова. Один из них говорит:

«Вы представляете себе, что такое свобода печати? Вот вы мирным послевоенным утром открываете газету, и вместо ликующей передовой, вместо письма трудящихся великому Сталину ..., – вы находите в газете, знаете что? Информацию! Представляете себе такую газету? Газету, которая дает информацию!» (Жизнь и судьба, книга первая, с. 285)

³ Геллер М./Некрич А. Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней. Лондон, 1982. Т. 1-2, зд.. Т. 2. С. 109; Boog Н. и др.: Der Angriff auf die Sowjetunion. Frankfurt am Main, 1996. С. 867 и сл.

⁴ Ср. Кулешов С.В. и др.: Наше отечество. М., 1991. Т. 1-2, зд.: Т. 2. С. 415; Boog и др.. Der Angriff. С. 869 и сл.

⁵ Гефтер М. Из тех и этих лет. М., 1991. С. 418.

«О, чудная, ясная сила откровенного разговора, сила правды!» (там же, с. 298), пишет Гроссман о разговорах подобного рода, которые тогда велись не только в вымышленном мире романа, но и в советской действительности.

Так, например, известный польский поэт Александр Ват, бывший в военное время в Советском Союзе, описывает атмосферу тех лет: «Не было ни пропагандистских призывов, ни лозунгов, ни коммунизма. ... Все верили, что когда те миллионы героев и мучеников вернутся с фронта, тогда уже никакой Сталин не сможет ничего сделать, тогда Россия изменится, изменится коренным образом.»⁶

«Защитить родину ... могли только свободные люди», комментирует московский литературовед Лазарь Лазарев центральную мысль романа «Жизнь и судьба».⁷

Общество, которому сталинская диктатура практически сломала хребет в 30-е годы, теперь, в час смертельной угрозы не только для сталинского режима, но и для государства как такового, отвоевало по меньшей мере крупицу своего достоинства.

«Такими мы счастливыми бывали. Такой свободой бурно дышали», писала поэтесса Ольга Берггольц зимой 1942 в блокадном и подкошенном голодом Ленинграде.⁸

У режима, столкнувшегося 22 июня 1941 с беспрецедентной опасностью, не было другого выбора, кроме как терпеть эту частичную эмансипацию своих подданных, которые теперь, как защитники своей родины, оказавшейся в опасности, обрели новое чувство собственного достоинства. Развитию этого самосознания способствовал и тот факт, что они на пороге Москвы, Ленинграда и в Сталинграде защищали не только свою собственную землю, но и весь мир, над которым нависла нацистская угроза. В день нападения Германии на Советский Союз Уинстон Черчилль сказал: «Борьба каждого русского... это борьба всех свободных людей и всех свободных народов во всех уголках земного шара».⁹

В Сталинграде произошло столкновение чувства морального превосходства защитников и чувства расового превосходства нападающих, которое национал-социалистические пропагандисты и некоторые немецкие военачальники пытались привить солдатам вермахта. Так, например, генерал-фельдмаршал Рейхенау, командующий 6-й армией, которая позже под командованием Паулюса сражалась под Сталинградом, заявил в октябре 1941 г.:

⁶ Wat A. *Jenseits von Wahrheit und Lüge*. Frankfurt am Main, 2000. P. 586, 591. Ср. тж. Липкин. *Жизнь и судьба*. С. 48-51; Garrard/Garrard. *The Bones of Berdicev*. P. 159-166.

⁷ Лазарев. *Дух свободы*. С. 665; ср. тж. Липкин. *Жизнь и судьба*. С. 48-51; Garrard/Garrard. *The Bones of Berdicev*. С. 159-166; Zarusky . *Vasilij Grossmans Leben und Schicksal – zur Entstehung und historischen Konzeption eines Jahrhundertromans* / Anton F./Luk L. (eds.). Deutschland, Russland und das Baltikum. Beiträge zu einer Geschichte wechselvoller Beziehungen. Festschrift zum 85. Geburtstag von Peter Krupnikow. Köln, 2005. P. 245-276, зд.: P. 266-270.

⁸ Цит. в Лазарев. *Дух свободы*. С. 668.

⁹ Churchill W. *Der Zweite Weltkrieg*. Bern, 1951. Vol. 3, 1. P. 443 и сл.

«Солдат на Восточном фронте это не только воин по всем правилам военного искусства, но и носитель непреклонной национальной идеи и мститель за все зверства, причиненные немцам и родственным им народам. Поэтому солдат должен проявлять полное понимание необходимости жесткого, но справедливого возмездия еврейским недочеловекам.»¹⁰

Национал-социалисты презирали слабость и пытались искоренить любое сочувствие слабым, с их точки зрения расово несовершенным. Ликвидацию так называемой «жизни, не достойной жизни» (*lebensunwertes Leben*) они считали своей основной задачей. Как раз в то время, когда бушевала битва за Сталинград, их машина уничтожения развила беспрецедентную эффективность. Тогда была проведена так называемая «Операция Рейнхардт» – массовое умерщвление евреев газом в лагерях уничтожения Трехлинка, Собибор, Белжец, Хелмно и Аушвиц-Биркенау (Освенцим-Бжезинка). Казалось, нацистский режим в течение кратчайшего времени приблизился к своей цели «окончательного решения еврейского вопроса», сформулированной в январе 1942 года на Ванзейской конференции. Видение мира без евреев развивает в романе Гроссмана Адольф Эйхман. При этом нужно отметить, что свой роман Гроссман завершил в 1960 году, то есть еще до начала судебного процесса над Эйхманом в Иерусалиме, сделавшего этого «эксперта» по окончательному решению еврейского вопроса известным на весь мир.

Гроссман вкладывает в уста Эйхмана следующие слова: «Представляете, через два года мы вновь сядем в этой камере за уютный столик и скажем: "За двадцать месяцев мы решили вопрос, который человечество не решило за двадцать веков!"» (Жизнь и судьба, книга вторая, с. 177)

Исполнители Холокоста, хотевшие революционно перековать миротворение по расовому принципу, упивались своей силой, они считали себя богоподобными. Польский социолог и публицист Павел Спеквак пишет по этому поводу: холокост должен был положить конец не только еврейскому народу, но и христианской Европе в целом. Он был вторым грехопадением:

«Через уничтожение евреев, через уничтожение создателей иудаизма и христианства, национал-социалисты хотели освободиться от всех заповедей Божьих. Они отвергли как Ветхий так и Новый Завет. ... Молчание Бога ... перед лицом их преступлений они воспринимали как признак его слабости, даже его несуществования, его бессилие давало им чувство всемогущества. ... Теперь они чувствовали себя новыми богами — свободными, независимыми, независимыми от голоса совести, независимыми от тех, кто напоминал им о моральных заповедях. Со смертью евреев был заочно казнен и Бог.»¹¹

В Сталинграде однако оказалось, что перед чувством морального превосходства чувство расового превосходства устоять не могло. И именно в аду Сталингра-

¹⁰ Boog и др. *Der Angriff*. P. 1246.

¹¹ Śpiewak P. *Shoah, drugi upadek* // *Więź* 8/1986. P. 3-13, зд. P. 10 и сл., 13.

да, в час поражения Третьего рейха, в Германии начал происходить процесс, описанный Гроссманом следующим образом:

«(Притихли) спесивые и надменные; хвастуны перестали хвастать Но имелись особые изменения, начавшиеся в головах и душах немецких людей, окочеванных, зачарованных бесчеловечностью национального государства Кто из гибнущих и обреченных гибели мог понять, что это были первые часы очеловечивания жизни многих десятков миллионов немцев после десятилетия тотальной бесчеловечности!» (Жизнь и судьба, книга третья, с. 134-135)

Парадоксально сложилась, правда, не только судьба проигравших под Сталинградом, но и судьба выигравших. Ибо они своей победой способствовали не только выживанию своей нации, но и режима, угнетающего ее. О противоречивости Сталинграда Гроссман пишет:

«Решалась судьба оккупированных Гитлером Франции и Бельгии, Италии, скандинавских и балканских государств, произносился смертный приговор Освенциму, Бухенвальду и Моабитскому застенку, готовились распахнуться ворота девяносто созданных нацистами концентрационных и трудовых лагерей. Решалась судьба немцев-военнопленных, которые пойдут в Сибирь. Решалась судьба советских военнопленных в гитлеровских лагерях, которым воля Сталина определила разделить после освобождения сибирскую судьбу немецких пленных. Решалась судьба калмыков и крымских татар, балкарцев и чеченцев, волей Сталина вывезенных в Сибирь и Казахстан, потерявших право помнить свою историю, учить своих детей на родном языке. Решалась судьба Михоэлса и его друга актера Зускина, писателей Бергельсона, Маркиша, Фефера, Квитко, Нусинова, чья казнь должна была предшествовать зловещему процессу евреев-врачей, Решалась судьба Польши, Венгрии, Чехословакии и Румынии. Решалась судьба русских крестьян и рабочих, свобода русской мысли, русской литературы и науки.» (Жизнь и судьба, книга третья, с. 39)

Победа над Третьим рейхом, казалось, придала сталинской тирании дополнительную легитимность. Одновременно с этим она осложнила управление нацией, столь гордой своей победой. Один из лучших знатоков сталинской системы, Абдурахман Авторханов, пишет по этому поводу: Сталин понимал, что народ, после всех принесенных им жертв, «захочет жить по-человечески, будет ждать перемен. ... И вернувшиеся были грозны в своем молчании. Собственных солдат Сталин боялся не меньше чем солдат Гитлера в начале войны».¹²

В новом порабощении общества, его новом превращении в простой винтик тоталитарного механизма, сталинское руководство видело теперь свою наиглавнейшую цель. И оно, казалось, достигло этой цели в кратчайшее время. Оно соединило усиление государственных механизмов контроля населения с гротескным прославлением русской национальной идеи. Это развитие наблюдалось уже в

¹² Авторханов А. Загадка смерти Сталина (заговор Берия). Франкфурт-на-Майне, 1976. С. 16 и сл.

дни Сталинграда, и снова осознается противоречивость, парадоксальность этого переломного момента войны:

«Жизнь советской державы отнесла пробуждение национального сознания к тем задачам, которые стояли перед государством в его послевоенной жизни, – его борьбе за идею национального суверенитета, в утверждении советского, русского во всех областях жизни. ... Логика развития привела к тому, что народная война, достигнув своего высшего пафоса во время сталинградской обороны, именно в этот, сталинградский период дала возможность Сталину открыто декларировать идеологию государственного национализма.» (Жизнь и судьба, книга третья, с. 60)

Но этим никоим образом не исчерпывается значение Сталинграда. Эйфория от победы, вспыхнувшая после Сталинграда, облегчила власть имущим закручивание гаек в обществе. Однако желание жить достойно, все еще оставалось. Гроссман пишет: «Сталинградское торжество определило исход войны, но молчаливый спор между победившим народом и победившим государством продолжался. От этого спора зависела судьба человека, его свобода.» (Жизнь и судьба, книга третья, с. 51)

Границы между режимом и народом были, конечно же, условными. Сталинская деспотия без частичного или полного отождествления значительных частей общества с ней была бы нежизнеспособной. Распространяемые режимом русскоцентричные иллюзии многие принимали за чистую монету, то есть они искренне верили, что величайшие открытия и изобретения в новейшей истории человечества были сделаны русскими, что «Россия — родина слонов». Так критически мыслящие русские интеллектуалы пародировали шовинистическую кампанию режима.

Но несмотря на все это, сохранялась разделительная линия между режимом и народом, которому правящая клика до конца не доверяла. Она предпринимала чрезвычайные усилия, чтобы полностью его контролировать. Но, несмотря на это, стремление к достойной жизни, продолжало жить в народе. Преемники Сталина пошли, в какой-то мере, навстречу этому стремлению, когда уже через несколько дней после смерти тирана начали демонтаж созданной им системы.

Немецкая версия статьи была опубликована ранее в: «Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte» 9, 2005. Выпуск 1. P. 271-279, а русская в журнале «Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры» (1/2012) - расширенная редакция.

Авторизованный перевод с немецкого Антонины Зыковой

IV.5. Польский поэт Александр Ват о тоталитарных соблазнах и о России как «двуликом Янусе»¹

Польский поэт-авангардист Александр Ват (1900–1967) принадлежит к группе так называемых «конвертитов» (бывших коммунистов или попутчиков), которые, невзирая на все возрастающую опасность национал-социализма, разочаровались в коммунизме и превратились в его радикальных критиков.

В отличие от таких «конвертитов» как Артур Кёстлер или Джордж Оруэлл, Ват на много лет попал в сети коммунистической Системы. Процесс разочарования коммунизмом усугубило его долголетнее столкновение с советской действительностью в 1939–1946 гг. Ват был одновременно «посторонним» и «своим»; мог наблюдать советский эксперимент как издали, так и в непосредственной близости. Ват был по-европейски универсально образованным человеком. Вместе с тем, он принадлежал к лучшим знатокам русской культуры, владел в совершенстве русским языком. Это облегчало ему включение российского развития в общеевропейский контекст и одновременно помогло учитывать важнейшие черты русского «особого пути».

На этом основании повествование Александра Вата о «его веке», представленное в виде большого интервью с его коллегой поэтом Чеславом Милошем, является в своем роде уникальным документом.² Оно является также документом особого типа, поскольку речь идет и об эмоциональности автора. Ват вступает в беспощадный спор не только с коммунизмом, в том числе – со сталинизмом, но и с самим собой. Он не может простить себе тот факт, что в свое время он участвовал в распространении коммунистических идей. Снова и снова он пытается смягчить свои прежние высказывания, ибо они, как он говорит, нередко были вызваны ненавистью, в том числе – и к самому себе.

Но не только ненавистью пропитан этот документ, но и любовью. Любовью к стране, которая сделала первую попытку установить коммунизм, стране, чьей

¹ Сокращенная немецкая версия этой статьи была опубликована в сборнике Aleksander Wat und „sein“ Jahrhundert. Freise M, Lawaty A. eds. Wiesbaden, 2002; русская версия в журнале «Вопросы философии» 11/2021.

² Wat A. Pamiętnik mówiony. Warszawa, 1998; Miłosz Cz. Vorwort/Wat A. Jenseits der Wahrheit und Lüge. Mein Jahrhundert. Gesprochene Erinnerungen. Frankfurt am Main, 2000. С.16-27; Freise M., Lawaty A. (eds.). Aleksander Wat und „sein“ Jahrhundert. Wiesbaden, 2002; Trepte H.-Ch. Aleksander Wat in der literarischen Kommunikation des Exils/Freise, Lawaty. Aleksander Wat; Venclova T. Aleksander Wat: life and art of icnoclast. New Haven, 1996; Watowa O. Wszystko co najważniejsze. Warszawa, 2000; Мочалова В. Век Александра Вата//Славянская антология 2000. С.359-368; Пшебинда Г. Александр Ват о Солженицыне, нацизме и коммунизме. „Личность и творчество Солженицына в современном искусстве и литературе. Международная конференция, посвященная столетию со дня рождения А. И. Солженицына. М., 2018. С.77-91; Конько Ж. Ват и Милош – свидетели истории//Гефтер 4.10.2013.

жертвой она стала, любовью к ее культуре, ко многим ее представителям, трагическую судьбу которых он какое-то время разделял.³ Попутно мелькает в его высказываниях даже склонность к прежним идеалам, которые он после столкновения с советской действительностью столь решительно отвергал. Так, в одном месте он говорит, что марксизм поставил чрезвычайно важные вопросы – лишь ответы на эти вопросы были неверными.⁴

В глазах Вата Россия была подобна двуликому Янусу: у нее было два образа – отталкивающий, как он говорил, «азиатский» и чарующий европейский. Азия отнюдь не представляется Вату колыбелью цивилизации; напротив, она олицетворяет для него тиранию и пренебрежение человеческим достоинством. Свое первоначальное восхищение большевиками Ват объясняет не в последнюю очередь тем, что он был очарован их амбициозными замыслами европеизации крестьянской, преимущественно «азиатской» страны.⁵

Позже Ват изменил свое мнение о большевизме, который теперь олицетворял для Вата враждебный культуре Восток.⁶ Так, для него Красная Армия, оккупировавшая Восточную Польшу в 1939 году в результате пакта Гитлера-Сталина, представляла собой азиатскую орду, сравнимую с ордами Чингисхана. Коммунизм в любой форме символизировал для него восстание Востока против западной цивилизации.

Ват категорически отвергал часто высказываемый на Западе тезис, что большевистская тирания – это типично русское явление, конечный продукт многовекового русского этатизма. Коммунизм, утверждает Ват, имеет гораздо более глубокие истоки. Например, один из собеседников Вата в тюремной камере Лубянки во всех подробностях описал характер коллективистской или коммунистической системы, которая существовала в Китае за тысячу лет до Маркса.⁷

Царская Россия также, по мнению Вата, принадлежала к той коллективистской традиции, к которой впоследствии апеллировали большевики. Но Россия для Вата – это не только якобы враждебная культуре Азия, но и культурная Европа. Большевики, особенно сталинисты, тщетно пытались искоренить остатки этой европейской России. Многие товарищи Вата по несчастью, сидевшие в тюрьмах, а также люди из глубокой советской провинции, олицетворяли столь ненавистный большевикам тип «русского европейца». Многие представители этого старого образованного русского слоя стали жертвами невиданного ранее сталинского варварства. Однако многие из этих людей остались живы, ибо их полное уничтожение превосходило возможности даже сильнейшего

³ Коньо. Ват и Милош.

⁴ Wat. Pamiętnik. Vol. II. P. 164-165.

⁵ Там же. Vol. I. P.21, 89, 143

⁶ Там же. P. 274, 300, 320, 354-355; Wat A. Dziennik bez samogłosek. London 1986. P.47.

⁷ Wat. Pamiętnik. Vol. 2. P.88; Wat. Dziennik. P.199.

полицейского государства, построенного в сталинскую эпоху в СССР.⁸ Ват даже придерживался «еретического» тезиса, что представители литературной советской элиты (Шкловский, Паустовский и др.), с которыми он в 1942-1943 гг. поддерживал интенсивные контакты в казахской столице Алма-Ате, были более образованными и «европейскими», чем авторы, принадлежавшие к польскому литературному авангарду межвоенного времени, с которыми он в свое время интенсивно общался⁹ (нельзя забывать, что Ват сам был одной из центральных фигур авангарда).¹⁰

Своеобразная теория Вата об «азиатской» и «европейской» России красной нитью пронизывает его воспоминания. Другой его главный мотив – представление о «страдающей» России, с которой Ват безоговорочно солидаризируется. Не в последнюю очередь по этой причине Ват весьма высоко оценивает роман Бориса Пастернака «Доктор Живаго», хотя, по мнению Вата, он, с литературной точки зрения, написан довольно плохо. Но, несмотря на все свои литературные слабости, роман с необычайной проникновенностью показывает, какое зло обрушилось на страну в результате событий 1917 года.¹¹

Несчастливая, страдающая Россия, наряду с некоторыми примечательными личностями, с которыми Ват познакомился в советских тюрьмах – это главные герои Вата; это своего рода коллективный героический образ. С возмущением Ват реагирует на надменность, с которой его соотечественники нередко смотрят на своего восточного соседа, а именно, из-за якобы глубоко укоренившегося в России «рабского менталитета». Ват считает, что если бы поляки также долго и много страдали при коммунизме или сталинизме, как русские, они вряд ли смогли бы сохранить свое внутреннее достоинство.¹² Что польское чувство превосходства над Россией почти несокрушимо, можно продемонстрировать на примере самого Вата. Он снова и снова рассказывает, как часто поддавался искушению пренебрежительной оценки русских. Это столь распространенное в Польше отношение, по его мнению, можно объяснить польским чувством неполноценности по отношению к России.¹³ Однако этот тезис им подробно не обоснован. То, что коммунизм победил именно в России, Ват отнюдь не считает случайностью. Коммунистическая идея отвечала глубоким стремлениям определенных слоев русского народа. При этом Ват имеет в виду, в первую очередь, не русское крестьянство и не русских промышленных рабочих с их мечтами о равенстве и отказом от иерархического принципа как такового. Нет, гораздо важнее для успеха большевистской революции были устремления мелкобуржуазных полуобразованных слоев России, терпение которых было на

⁸ Wat. Pamiętnik. Vol. 2. P.199.

⁹ Там же. P.282.

¹⁰ Wat A. Bezrobotny Lucyfer. Warszawa, 1960; Wat A. Poezje. Warszawa, 1997.

¹¹ Wat. Pamiętnik. Vol. I. P. 88; Пшебинда. Александр Ват. С.82.

¹² Wat. Pamiętnik. Vol.II. P.236.

¹³ Там же. P. 49.

исходе. В 1917 году они хотели отомстить за все унижения со стороны государства и высшего общества, которые они испытывали на протяжении нескольких поколений. Мелкобуржуазные слои стали теперь главной движущей силой социальных потрясений.¹⁴ В этом Ват, кстати, совпадает с тезисами русского эмигрантского историка Георгия Федотова, который также указывает на чрезвычайно важную роль русского мещанства в событиях 1917-1920 гг.¹⁵ Но революция была обусловлена для Вата не только мелкобуржуазными resentiments. Также и глубоко укоренившаяся в России готовность страдать существенным образом способствовала победе большевиков.¹⁶

Но и победу Советского Союза над Третьим рейхом Ват приписывает способности русских к страданию. Впрочем, не ей одной. Эта победа была связана и с имперской гордостью, ставшей чуть ли не второй натурой нации. Похожий менталитет Ват видел только у англичан. Ват еще в 1942 году – уже после битвы под Москвой – был убежден, что Советский Союз проиграет войну. Но его русские собеседники, как правило, были убеждены в том, что империя переживет эту опасность. Их уверенность, уверенность в себе, с которой они верили в победу, постепенно передалась и Вату.¹⁷

Ват также чувствовал изменения атмосферы, которые произошли в Советском Союзе в первый год войны, то есть в то время, когда сталинская деспотия боролась за свое выживание. «Речь шла о процессе, который московский историк Михаил Гефтер много лет спустя назвал «стихийной десталинизацией»». ¹⁸ Ват пишет, что даже убежденные коммунисты «чувствовали, что все изменится до основания. Они не верили в дальнейшее существование сталинизма Возможно, некоторые подсознательно чувствовали радость от того, что зло будет выметено из России, что произойдут фундаментальные изменения».¹⁹ Едва ли кто-либо учитывал тогда возможность возвращения кошмара довоенной сталинской действительности. По словам Вата, «все считали, что когда миллионы героев и мучеников вернутся с фронта, никакой Сталин уже больше ничего не сможет сделать. Россия изменится до основания».²⁰

Эти наблюдения Вата подтверждают свидетельства его многочисленных российских современников. Смелые картины будущего рисовали в годы войны даже такие верные слуги Сталина, как популярный писатель Алексей Толстой. 22 июля 1943 года он в своей записной книжке записал: «Народ вернувшись с войны, ничего не будет бояться. Он будет требователен и инициативен Китайская стена довоенной России рухнет».²¹ Поэт Николай Асеев в октябре

¹⁴ Там же. Р. 194-195.

¹⁵ Федотов Г. Судьба и грехи России. Санкт-Петербург, 1991-1992. Т. 1. С.159-162.

¹⁶ Wat. Pamiętnik. Vol. II. P.14-15, 273.

¹⁷ Там же. Р. 308, 310, 319.

¹⁸ Гефтер М. Из тех и этих лет. М., 1991. С.418.

¹⁹ Wat. Jenseits der Wahrheit und Lüge. P. 516-517.

²⁰ Там же. Р. 590-591.

²¹ Окланский Ю. Роман с тираном. М., 1994. С.69.

1944 отмечал: «Вместе с демобилизацией вернутся к жизни люди все видавшие. Эти люди принесут с собой новую меру вещей». ²²

Жесткий корсет сталинской идеологии так же ослаб после начала войны. Когда Ват спросил видных советских писателей, что они думают о «социалистическом реализме», то есть о каноне, который сталинские функционеры с 1934 года навязали всем писателям и художникам и, как правило, жестоко наказывали любое отклонение от него, он получил такой ответ: «Ну, знаете, об этом говорят на собраниях, пишут о соцреализме, но это не тема разговоров в приличном обществе». ²³ Этот ответ Ват снабдил следующим комментарием: «Это было действительно так. Не было ни воззваний, ни лозунгов, ни коммунизма». ²⁴

Временное ослабление сталинских механизмов контроля пошло на пользу не только интеллигенции, но и более широким слоям населения, не в последнюю очередь колхозникам, свобода передвижения которых была значительно ограничена со времени коллективизации сельского хозяйства, но особенно с момента введения внутренних паспортов в декабре 1932 г. Только обладатели новых паспортов имели право относительно свободно менять место жительства. Поскольку колхозники, как правило, не получили этих документов, они превратились в граждан второго сорта, практически крепостных крестьян, принадлежавших государству. Чтобы выразить свое возмущение, крестьяне дали большевистской партии новое название. Аббревиатура ВКП (б) — Всесоюзная коммунистическая партия большевиков — расшифровывалась в народе как «второе крепостное право».

Вскоре после начала войны в России произошло, однако, настоящее переселение народов. Ват, освобожденный из тюрьмы НКВД в конце 1941 года, пишет об этом: «большой процент населения не имел права покидать (соответствующий) район без пропуска из НКВД. Но вдруг все это рухнуло. Волны войны снесли эти барьеры, и Россия пришла в движение». ²⁵ Но уже через год, еще до Сталинградской победы, поначалу растерявшийся режим начал возвращать себе «утраченную внутривосточную почву» и возвращаться к прежней ригидности. Ват пишет об этом: «Переломанный спинной хребет системы тем временем зажил. Воцарился абсолютный порядок. Все папки “дел” были на месте. Тогда же было прекращено и самостоятельное перемещение людей, ибо без разрешения НКВД вообще не разрешалось менять место жительства». ²⁶

²² Бабиченко Д. Писатели и цензоры. Советская литература 1940-х годов под политическим контролем ЦК. М., 1994. С.98.

²³ Wat. *Jenseits der Wahrheit und Lüge*. P.586.

²⁴ Там же. P. 586.

²⁵ Там же. P. 568.

²⁶ Там же. P.625.

Наряду с восстановлением временно поколебленных тоталитарных структур, в стране началась нарастающая волна поклонения Сталину, которую Ват с изумлением отмечал. Этой эйфорией были захвачены даже некоторые критически мыслящие интеллигенты, особенно после Сталинграда: «“Великий спаситель России!” – так о Сталине говорили многие. Ленин никогда не был так популярен в России, как Сталин в этот короткий период между Сталинградской победой и окончанием войны. (...Внезапно) в глазах людей сглаживались звериные черты Сталина; они исчезали как будто по волшебству».²⁷

Почему многие собеседники Вата связывали свои надежды на либерализацию системы, на распад колхозов и достойную жизнь с одним из жесточайших тиранов в истории?²⁸ (Ват пишет, что, лишь немногие не разделяли этих радужных надежд. К тем немногим принадлежал, например, кинорежиссер Сергей Эйзенштейн. Ват сообщает, что Эйзенштейн обычно отвечал на оптимистические мечты своих соотечественников о будущем иронической усмешкой).²⁹

Широко распространенная неверная оценка Сталина была связана с иллюзией, что кремлевский деспот способен учиться на своих ошибках. После гитлеровского нападения на Советский Союз он якобы понял, что не удушение общественной инициативы, а содействие ей сможет спасти его режим. На самом же деле Сталин рассматривал любое стихийное общественное движение как смертельную опасность для своего правления. Сталин был вынужден лишь временно терпеть общественную активность. Но это выяснялось постепенно.³⁰

Но не только отгороженные от внешнего мира и индоктринированные советские граждане поддавались иллюзии, что возможен сталинский режим с «человеческим лицом». Аналогичным образом думали тогда и многие представители британского и американского истеблишмента, в частности президент США Рузвельт. Чтобы узаконить союз англосаксонских демократий с советским режимом во времена антигитлеровской коалиции, американская и британская пресса склонялась к приукрашиванию сталинского деспотизма. В 1942 году Сталин даже был избран журналом „Тайм“ человеком года. Лишь после 1945 года на Западе, как и в Советском Союзе, который переживал одну кампанию по ужесточению режима за другой, произошло общее разочарование.

Итак, являлась ли «стихийная десталинизация», которая наблюдалась во время войны, лишь несущественным эпизодом? Конечно нет. Когда преемники Сталина несколько дней после смерти диктатора начали постепенный демонтаж созданной им системы, процесс этот был не только результатом макиавеллистских игр внутри коллективного руководства, как иногда считают некоторые наблюдатели. Он был также своего рода реакцией на общественные

²⁷ Там же. 630-631

²⁸ Wat. Pamiętnik. Vol. II. P.189, 268, 270.

²⁹ Там же. P.270-271.

³⁰ Авторханов А. Загадка смерти Сталина (заговор Берия). Frankfurt am Main, 1976. С. 16-17.

ожидания, которые появились уже во время войны. Особую роль здесь играл, конечно, XX съезд КПСС. Тот факт, что высшей инстанцией КПСС – съездом партии – был свергнут с пьедестала якобы «богу подобный образ», который воплощал сущность советской системы на протяжении четверти века, должен был непременно сотрясти фундаменты режима. В своих воспоминаниях Ват, однако, странным образом, недооценивает переломное значение доклада Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС. Он говорит, что также и в сталинские времена партийное руководство временами говорило о том, что совершало в прошлом некоторые ошибки: «Это старая история, которая все время повторяется».³¹

Однако вернемся к размышлениям Вата о «России как двуликом Янусе». В то время как «европейская» и «страдающая» Россия пользовалась неограниченными симпатиями Вата, часть российского общества вызывала его особое отвращение. Это были старые большевики – носители большевистской тирании, ставшие в дальнейшем ее жертвами. Как утверждает Ват, никакая иная группа жертв режима не вела себя в сталинских тюрьмах так жалко и недостойно, как эти бывшие герои революции и гражданской войны. Вряд ли кто-то другой капитулировал перед органами террора так же быстро, как старые большевики.³² Почему многие из них так унижались на показательных процессах? Почему они не пытались сохранить хотя бы остаток своего человеческого достоинства? Было ли это следствием пыток?

Эти вопросы Ват задал многолетнему главному редактору газеты «Известия» Стеклову, с которым он познакомился в саратовской тюрьме. Ответ Стеклова был весьма поучительным и, пожалуй, более пронизательным, чем тот, который дает Артур Кёстлер в романе «Слепящая тьма». Не вера в «высший разум» партии, не вера в коммунистические идеалы побуждали старых большевиков к самопожертвованию, а скорее всего, их полная моральная деградация. Арестованные герои революции сами были причастны к стольким преступлениям; на их руках было столько крови, что они не имели моральной силы противиться машине террора, которую они сами же создавали, когда эта машина повернулась против своих создателей.³³ Сталинский террор представляет для Вата реальную квинтэссенцию коммунистической утопии. Только в сталинизме марксизм-ленинизм нашел свою суть. Ват пишет: «Я всегда утверждал, что сталинизм, особенно сталинизм 1937-го и 1941-го годов с его легендарным террором, был единственной совершенной и чистой реализацией

³¹ Wat. *Jenseits der Wahrheit und Lüge*. P.476.

³² Wat. *Pamiętnik*. Vol.II. P. 149, 164

³³ Там же. P.225-226; Wat. *Dziennik*. P.210.

марксизма. Это старая истина. Еще древнегреческие историки установили, что плебс всегда выбирает диктатора. Плебс хочет лидера, вождя, он хочет террора. Это правило относится не только к марксизму и ленинизму». ³⁴ Тем самым, Ват косвенно противоречит тем коммунистическим критикам Сталина, которые утверждают, что Сталин фальсифицировал наследие Ленина.

И на самом деле, многие мечтания Ленина были осуществлены Сталиным: это были мечты об отмене частной собственности и свободного рынка, о строгой дисциплине в большевистской партии и, наконец, о создании «нового человека». Реализация этой мечты в ленинскую эпоху наткнулась на бесчисленные препятствия. Лишь Сталину во многом удалось устранить их.

С особой наглядностью Ват описывает средства, с помощью которых кремлевский деспот осуществлял, пожалуй, самую беспрецедентную «антропологическую революцию». Чтобы сотворить нового человека, сталинский режим создал новый фиктивный мир, в котором законы «старой», так называемой «объективной» логики больше не действовали: этот мир находился «по ту сторону правды и лжи». В этом мире чудовищную тиранию называли «самой свободной страной на земле», а жестокого деспота – благодетелем человечества, символом прогресса и т. д. ³⁵

Ват понимает, что его интерпретация сталинизма во многом совпадает с концепцией Дж. Оруэлла; он восхищается оруэлловской интуицией. Несмотря на то, что автор романа "1984" знал сталинский режим, в отличие от самого Вата, лишь со стороны, он проницательно уловил его структуру: «нельзя точнее и гениальнее описать сущность сталинизма». ³⁶ Факт, что сталинизм придавал большое значение фикции или соответствию теории и практики, вел к тому, что, как подчеркивает Ват, писатель занимал в этой системе весьма привилегированное положение. В своих дневниковых записях Ват пишет: «Отсюда следует парадокс: в стране диктатуры пролетариата писатель зарабатывает значительно больше, чем рабочий, так как он находится во главе "отборных счастливицов". Но горе писателю, если он не выполнит возложенной на него миссии» . ³⁷

Ват указывает на то, что чрезвычайно важную функцию в создании «нового человека» выполняли сталинские «исправительно-трудовые лагеря». Но они, с точки зрения Вата, не служили в первую очередь «воспитанию» лагерных сидельцев. Нет, основной целью Сталина была антропологическая метаморфоза всего населения Советского Союза, включая и тех, кто еще не находился в ГУЛАГе. ³⁸ Постоянный страх ареста держал этих людей как бы в «изначальной

³⁴ Wat. Pamiętnik. Vol. I. P.212; Krasnodębski Z. Nach der Verführung Aleksander Wats und unsere Begegnung mit dem Kommunismus/ Freise, Lawaty. Aleksander Wat. P.17.

³⁵ Wat. Pamiętnik. Vol. I. P.361; Vol. II. P.44; Krasnodębski. Nach der Verführung Aleksander Wats. P.21; Пшебинда. Александр Ват. С.85-87.

³⁶ Wat, Dziennik. P.14.

³⁷ Там же. P. 45.

³⁸ Wat. Pamiętnik. Vol. II. P.115; Wat. Dziennik. P.115.

покорности» (я перефразирую Вата) и превращал их в образцовых сталинистов. Ват убежден, что создатели сталинской системы были весьма глубокими знатоками человеческой психики, а также теории рефлексов Павлова. Они, пишет Ват, конечно, хорошо были знакомы и с восточными моделями мышления, в которых парадоксы и шокирующие смысловые отклонения играли исключительно важную «воспитательную» роль.³⁹ Эта теория «демонических сверхчеловеков», якобы задумавших и построивших абсурдный сталинский мир, не согласуется с другими высказываниями Вата. Он говорит о постоянном физическом истреблении русской интеллигенции, в том числе партийной, о деградации интеллектуального уровня правителей, о сталинской придворной камарилье, в которой доминировали посредственность, пошлость и трусливая низость.⁴⁰ Таким образом, по крайней мере когда речь идет о ближайшем окружении Сталина, можно говорить скорее о «банальности», чем о «демонической силе зла».

Ват сурово осуждает не только старых большевиков, но и западных коммунистов и их товарищей-попутчиков. В отличие от полностью отгороженных от внешнего мира советских граждан, западные левые были достаточно хорошо осведомлены о реальной цене, которую пришлось заплатить советскому населению за строительство «социалистического рая на земле». Уже в начале тридцатых годов в западной печати циркулировала цифра: 5 миллионов погибших вследствие коллективизации советского сельского хозяйства.⁴¹ Эту цифру знали многие левые собеседники-современники Вата. Однако их вера в коммунистические идеалы никоим образом не была поколеблена: «прогресс требует свою цену» – таков был их девиз. Ват описывает, с какой самоуверенностью и легкостью утонченные и кроткие интеллектуалы из его ближайшего окружения могли оправдывать жестокость и безбрежное насилие, если они служили «правильной» политике.⁴²

Но особенно ужасало Вата, что тогда он и сам думал также. В одной из своих бесед с Чеславом Милошем он сказал: «Я скорее боюсь крови. Но знаешь, все дело в этой абстрактной крови, этой невидимой крови по ту сторону стены, как пишет Паскаль, с той стороны реки. Кровь, пролита там, по ту сторону реки. Насколько чистым и великим должно быть дело, за которое пролито столько крови, невинной крови. Это имело невероятную притягательную силу ... Я поддерживаю коммунизм, хотя знаю, что коммунизм несет тяжелые последствия. Но на мне греха нет, ведь Ленин, мой спаситель, взял на себя мой грех».⁴³

Однако Ват не мог на долго отключить свое нравственное чувство. Цифра 5 миллионов советских крестьян, которые должны были заплатить своими

³⁹ Wat. Pamiętnik. Vol. I. P.236, Vol. II. P.114.

⁴⁰ Там же. P.364.

⁴¹ Там же. P.172.

⁴² Там же. P.139, 198.

⁴³ Wat. Jenseits der Wahrheit und Lüge. P.75-76.

жизнями за ликвидацию частной собственности на землю (в действительности эта цифра была еще выше), не выходила у него из головы. В этом он отличался от своих друзей-левых, например, от поэта Владислава Броневского, которые считали, что судьба русских или советских «мужиков» (крестьян) их не касается.⁴⁴ Оказалось, что идейное ослепление Вата было недостаточно сильным, чтобы полностью заглушить голос его совести. Он пробудился от своего «догматического сна» и покинул «коммунистическую церковь», в которой так хорошо чувствовал себя в течение ряда лет.

Короткая «любовная интрига» с коммунизмом представляла собой лишь эпизод в биографии Вата. Но это был решающий эпизод. Так как Ват сам пережил искушение тоталитаризмом, которому поддались многие интеллектуалы XX века, он мог столь правдиво предостеречь от исходящей от него опасности.

Подведем итоги. Идейные поиски Александра Вата в какой-то степени напоминают мировоззренческую трансформацию ведущих российских интеллектуалов начала XX века, которые прошли путь от «марксизма к идеализму», а несколько лет спустя в сборнике «Вехи» острейшим образом раскритиковали богоборческий радикализм революционной русской интеллигенции, т. е. свои прежние идейные установки. Однако авторы «Вех» реагировали лишь на рвущийся к власти революционный утопизм, Ват же имел дело с «утопией, которая пришла к власти» (Геллер/Некрич).⁴⁵ При этом надо подчеркнуть, что замысел большевиков, построить на развалинах «старого мира», совершенно новую, никогда не бывалую действительность, первоначально очаровывал Вата. В своих воспоминаниях он пишет: «Мы радовались, что рушатся основы, ...что все дозволено, что 150 миллионов человек на огромном пространстве крушат абсолютно все, что существовало до них... Для нашего интеллигентного сознания не существовало ничего более заманчивого»⁴⁶

Итак, Ват в 1920-е годы был типичным представителем так называемого «салонного большевизма», который чрезвычайно раздражал многих русских эмигрантов. Федор Степун в 1927 г. писал следующее о такого рода поклонниках русской революции: «Без малейшего чувства боли за *свою* Европу, ... они (во мнении, что тем самым льстят нашему русскому национальному чувству)

⁴⁴ Wat. Pamiętnik. P. 237.

⁴⁵ Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней. Лондон, 1982.

⁴⁶ Wat. Jenseits der Wahrheit und Lüge. P.36-37; Miłosz. Vorwort; Ват А. Мой век. Устные мемуары. Фрагменты книги. Предисловие Чеслава Милоша//Иностранная литература 2/2006; Коньо. Ват и Милош.

воспевают поэзию большевистской России с ее пророческим хаосом (в стиле Достоевского) и ее живописно-кровавой зрелищностью (в стиле, не уступающем Шекспиру). ...С наивной, снисходительной улыбкой людей, которые ничего на себе не испытали, они говорят, что революции не делаются в белых перчатках, что дух и кровь всегда связаны друг с другом».⁴⁷

Лишь в 1930-е годы Ват распрощался с этой установкой. Из пропагандиста русской революции он превратился в ее острейшего критика. Однако в отличие от таких «конвертитов» как Артур Кёстлер или Манес Спербер, Ват отвернулся от коммунистической утопии не из-за показательных московских процессов 1936–38 гг, а, как уже было отмечено, из-за сталинской коллективизации сельского хозяйства. Не кающиеся большевики, обвиняющие себя во время процессов в чудовищных преступлениях по отношению к созданному ими государству, а крестьянские массы, ставшие жертвами утопического замысла не поддающегося никакому контролю тоталитарного режима, вызывали особое сочувствие бывшего приверженца идеи, что «революции не делаются в белых перчатках».

В своем анализе сталинской системы, Ват придает большое значение такому явлению как «перековка душ», т.е. попытке власть имущих создать новую действительность не только «по ту сторону добра и зла», но также и «по ту сторону правды и лжи». Создать такой новый, небывалый мир можно было лишь изменив человеческую природу, упразднив по словам Вата «внутреннего человека».⁴⁸

Здесь мысли Вата перекликаются с некоторыми наблюдениями мыслителей «первой» русской эмиграции, например, Георгия Федотова, который в 1933 году писал следующее о сути сталинской системы: «В настоящее время можно сказать, что коммунизм уже потерял способность различения истины и лжи, как много раньше, – добра и зла. Истина приобрела чисто служебное, или тактическое значение – для генеральной линии, для сегодняшнего дня. Это признается с наивным цинизмом издателями Советской Энциклопедии, историками партии. История не может угнаться за политическим заказом, меняющимся каждый день. Вчерашние полубоги, в которых верили, на которых учились, сегодня втаптываются в грязь по указке свыше».⁴⁹

Но полностью достичь своей цели, т. е. окончательно изменить человеческую природу, тоталитарный режим не в состоянии, продолжает Ват. В своих воспоминаниях он пишет: «В России, усмиренной до кладбищенского состояния мне случалось встречать немолодых людей, готовых погибнуть, но, все-таки, выкрикнуть, что рабство есть рабство, а не свобода».⁵⁰

⁴⁷ Stepun F. Der metaphysische Sinn der russischen Revolution und die Sowjetliteratur//Hochland 1926/27. P.34-45; Степун Ф. Сочинения. М., 2000. С.276.

⁴⁸ Wat. Jenseits der Wahrheit und Lüge. P.197; Пшебинда. Александр Ват. С.85-87.

⁴⁹ Федотов. Судьба и грехи России. Т. 2. С.37.

⁵⁰ Wat. Jenseits der Wahrheit und Lüge. P.341; Ват. Мой век.

И здесь слова Вата перекликаются с наблюдениями русских эмигрантских мыслителей, в том числе и С. Л. Франка. В опубликованной в 1936 году в католическом журнале «Хохланд» статье об отношении советской молодежи к Пушкину, Франк писал: «В Советском Союзе вся духовная жизнь подлежит государственному регламентированию. Все должны подчиняться «пролетарской идеологии», суть которой определяет господствующая на данном этапе «генеральная линия» (партии). Каждое отклонение от нее считается политическим преступлением и жестоко наказывается». Однако Франк уверен, что глубоко укорененное в русском человеке «стремление к правде и справедливости», не угасло в душе русской молодежи.⁵¹

Авторизованный перевод с немецкого Бориса Хавкина

⁵¹ Frank S. Die sowjetische Jugend und Puschkin//Hochland 1935/36. P. 473-476.

V. Постсоветская Россия и Германия: «невыученный урок»?

V.1. Краткие заметки о сходствах и различиях между Веймарской республикой и постсоветской Россией

Все аналогии «хромают». Это правило касается и сравнения между постсоветской Россией и веймарской Германией, которое пустил в обиход в начале 90-х годов Александр Янов. Но несмотря на это между двумя государственными образованиями видны поразительные сходства, на которые я хотел бы указать в первой части статьи. Во второй части я перейду к различиям.

I. Аналогии между веймарской республикой и постсоветской Россией

1. Легенда о «внутреннем враге»

Политическую культуру веймарской республики с самого ее возникновения отравляла легенда об „ударе ножом в спину». Сочинили ее представители господствующих кругов, которые в годы первой мировой войны диктаторски правили страной и после неудачи весеннего наступления 1918 г. прекрасно понимали, что военная мощь Германии полностью исчерпалась, что без немедленного прекращения военных действий страну ожидает катастрофа. Но чтобы не нести ответственности за поражение, правящая верхушка передала власть бессильному до сих пор рейхстагу. Таким образом произошла не завоеванная снизу, а подаренная сверху парламентаризация страны.¹

И вот этот неожиданно оказавшийся у власти парламент должен был расплачиваться за военный крах рейха, ответственность за который лежала в первую очередь на военном командовании, которое своей политикой тотальной мобилизации довело страну до полного изнеможения.

Генерал Эрх Людendorф – негласный диктатор рейха в течение последних двух лет войны – утверждал в своих воспоминаниях, что Германия проиграла войну не на внешнем, а на внутреннем фронте. Пацифистские и пораженческие

¹ Gurian W. Um des Reiches Zukunft. Freiburg, 1932; Nipperdey Th. Deutsche Geschichte 1866–1918. Zweiter Band. Machtstaat vor der Demokratie. München, 1992. P.858-876; Winkler H. A. Der lange Weg nach Westen. Erster Band. Deutsche Geschichte vom Ende des Alten Reiches bis zum Untergang der Weimarer Republik München, 2002, P. 361-377; Мисухин Г. Россия в Веймарском зеркале, или Соблазн легкого узнавания//Pro et Contra 3/1998. С.111-123; Гайдар Е. Гибель империи. Уроки для современной России. М.2006. С.10-11.

настроения демократической оппозиции якобы разложили боевую мораль армии.² То есть не всемогущее военное командование, а лишённые во время войны какого-либо политического влияния партии рейхстага были главным виновником поражения. Так родилась легенда об «ударе ножом в спину», вера в то, что стремление Германии к мировой гегемонии рухнуло не вследствие неосуществимости этой мечты, а из-за измены маленькой кучки внутренних врагов.

Эта «теория» поразительно напоминает аргументацию имперски настроенных российских кругов в последние годы перестройки и в постсоветской России. Певец империи Александр Проханов писал в марте 1990 г.: «Впервые не только в истории отечества, но и мира, мы видим, как государство рушится не в результате внешних ударов ... или стихийных бедствий, а в результате целеустремленных действий (его) вождей».³

Тон был задан. Все становилось понятным. Крушение советской империи происходило, оказывается, не из-за того, что партия не доверяла народу и душила его стремление к самостоятельности, не потому, что Советский Союз в эпоху третьей (электронной) промышленной революции превратился в живой анахронизм, т. е. в рай бюрократов, построенный на регламентации и подавлении творческой инициативы общества. Нет, виновны во всем были враги косности и застоя, пытающиеся вернуть страну, оторванную от стремительно развивающегося «1-го мира», в мировое сообщество. Однако модернизация страны была невозможной без ослабления патерналистских номенклатурных структур, скреплявших в единое целое и «внешнюю» советскую империю (соцлагерь) и «внутреннюю» (СССР). Но сердцевиной империи был не управленческий «новый класс», а вдохновляющая его идеология – идея пролетарского интернационализма. Эта идея, т. е. «надстройка», была «базисом» СССР. Ведь в названии СССР нет и намека на то, что страна эта является преемником империи Романовых. Союз Советских Социалистических Республик мог бы существовать в любой части мира, на любом континенте. Важнейшей предпосылкой существования этого государства была вера в непогрешимость партии и ее идеологии. Но ведь уже в брежневские времена в «светлое коммунистическое будущее», за исключением может быть Сулова и ему подобных, не верил никто. Существовала лишь игра в веру, маскарад, в котором участвовало наряду с партией и большинство населения – за исключением диссидентов. Но во время перестройки этот камуфляж рухнул под напором гласности. И у Горбачева не оставалось другого выхода как отказ от 6-ой статьи конституции, закреплявшей ведущую роль партии в стране. Советская империя нуждалась теперь спешно в новом идеологическом фундаменте, скрепляющем ее в одно целое. Но лихорадочные поиски такого фундамента, как из-

² Ludendorff E. Meine Kriegserinnerungen 1914–1918. Berlin, 1919; Weimar Russia: Is there an Analogy <http://globetrotterberkeley.edu/pubs/james.html>; Hanson S. E./Kopstein Je. S. The Weimar/Russia Comparison//Post-Soviet Affairs, 1997. 13, 3. P.256.

³ Проханов А. Идеология выживания//Наш Современник, 1990, С.3-9; см. также Янов А. После Ельцина. «Веймарская Россия». М.1995; Hanson/Kopstein, Weimar, P.266

вестно, не увенчались успехом. Уже в 1927 подобные события с необычайной проницательностью предвидел основоположник евразийского движения князь Николай Трубецкой. Он писал тогда, что время единовластного господства русских в России в связи с растущим национальным сознанием нерусских народов ушло безвозвратно. Большевики хорошо это поняли и нашли нового носителя российского единства: вместо русского народа – пролетариат. Но это лишь кажущееся решение вопроса, продолжает Трубецкой. Национальные чувства рабочих куда сильнее их классовой солидарности. Если Россия хочет оставаться единым государством, она должна найти нового носителя своего единства и таковым с точки зрения Трубецкого может быть только евразийская идея, подчеркивающая общность между народами России-Евразии.⁴

Слабостью евразийской идеи – и в прошлом и в настоящем – является однако то, что она так и не смогла добиться широкого признания, «овладеть массами» и таким образом предотвратить распад СССР.

Всем этим глубинным историческим процессам, которые привели к тектоническим сдвигам на всем пространстве между Эльбой и Владивостоком, ностальгически настроенные круги в постсоветской России не придают никакого значения. Для них дезинтеграция советской империи была всего лишь результатом заговора кучки «внутренних врагов».

2. Отрицание Запада

Кроме легенды об «ударе ножом в спину» многие национал-патриотические круги в постсоветской России объединяет с веймарской правой радикальное отрицание Запада.

После поражения якобы «не побежденной на поля боя» нации в первой мировой войне немецкие националисты все настойчивей демонизировали как победителей, так и отстаиваемые ими демократические ценности.⁵

Заимствованный у Запада либерализм был провозглашен сторонниками Консервативной революции и других националистических группировок смертельным врагом немцев.⁶

Парламентская демократия представлялась ее немецкими недоброжелателями как «лишенная рыцарских начал». Ноябрьская революция 1918 г. не была в состоянии защитить страну от внешнего врага, пишет Эрнст Юнгер. Поэтому от нее отвернулись солдаты. Эта революция, по мнению Юнгера, отвергла такие понятия как «мужество, отвага, честь».⁷ Освальд Шпенглер в свою очередь говорит о «неописуемой мерзости ноябрьских дней»: «Ни одного властного взгляда, ни-

⁴ Трубецкой Н. Общеввропейский национализм// Евразийская Хроника, 7. 1927. С.28-29.

⁵ См. Moeller van den Bruck A. Das dritte Reich. Hamburg, 1931

⁶ Там же. Р. 69-71.

⁷ См. Bastian K.-F. Das Politische bei Ernst Jünger. Diss. Heidelberg, 1963. P.66.

чего вдохновляющего, ни одного значительного лица, запоминающегося слова, дерзкого преступления».⁸

Демонизация западных ценностей характерна также и для многих национал-патриотически настроенных кругов постсоветской России. Своего рода рупором и идеологом этих сил является уже многие годы Александр Дугин. Издаваемый Дугиным в 90-е годы журнал «Элементы» рисует либерализм как «наиболее последовательную и радикальную форму ... европейского нигилизма», как воплощение духа антитрадиции, цинизма и скепсиса. Либерализм якобы разрушает любую духовную, историческую и культурную непрерывность, он просто враг человечества.⁹

Так же как и веймарская правая, российские национал-патриоты отрицают пропагуруемый Западом универсализм и являются страстными защитниками культурного партикуляризма и особых национальных путей. Прозападно настроенные круги обвиняются в недостаточном патриотизме. Такого рода обвинения прямо-таки обезоруживали и немецких и российских «западников». Они пытались во что бы то ни стало доказать, что судьба отечества им не безразлична. О «непобежденной на поле боя армии» заговорил впервые глава немецких социал-демократов Фридрих Эберт приветствуя от имени возникшего в Германии в ноябре 1918 революционного правительства возвращающихся с фронта солдат. Но все эти заверения в любви к отечеству не помогли ни социал-демократам, ни другим демократически настроенным политикам реабилитировать себя в глазах правых. Для последних демократы оставались изменниками родины, внутренним врагом, служившим интересам внешнего врага, т. е. Запада.

⁸ Spengler O. Preußentum und Sozialismus. München 1920, P.11; К теме «консервативная революция» в Веймарской республике см. также Rauschnig H. The Conservative Revolution. New York, 1941; Mohler A. Die Konservative Revolution in Deutschland. Der Grundriss ihrer Weltanschauung. Stuttgart, 1950; Sontheimer K. Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik. München, 1968; Sontheimer K. Der Tatkreis//Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte 6, 1958, P.229-260; Kuhn H. Das geistige Gesicht der Weimarer Republik//Zeitschrift für Politik 8, 1961. P.1-10; von Klemperer K. Konservative Bewegungen. Zwischen Kaiserreich und Nationalsozialismus. München, 1962; Stern F. Kulturpessimismus als politische Gefahr. Bern, 1963; Breuer S. Anatomie der Konservativen Revolution. Darmstadt, 1993; Luks L. „Eurasier“ und „Konservative Revolution“. Zur anti-westlichen Versuchung in Russland und in Deutschland/Koenen, Gerd und Kopelew, Lew. Eds. Deutschland und die Russische Revolution 1917-1924. München, 1998, P.219-239.

⁹ Элементы, 5, 1994, С. 1-6; К идеологии Дугина и журнала «Элементы» см.: Янов А. После Ельцина; Геополитическое положение России. Представления и реальность, М., .2000; Люкс Л. «Третий путь» или назад в Третий Рейх? О «неоевразийской» группе «Элементы»// Вопросы философии, 5, 2000. С. 33-44; Luks L. Eurasien aus neototalitärer Sicht – Zur Renaissance einer Ideologie im heutigen Russland// Totalitarismus und Demokratie 1, 2004, Heft 1. P.63-76; Mathyl M. Der „unaufhaltsame Aufstieg“ des Aleksandr Dugin// Osteuropa 52, 2002. Heft 7. P.885-900; Umland A. Postsowjetische Gegeneliten und ihr wachsender Einfluss auf Jugendkultur und Intellektuellendiskurs in Russland. Der Fall Aleksandr Dugin (1990–2004)//Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte 10, 2006. Heft1. P.115-147; Уmland А. Три разновидности постсоветского фашизма. Концептуальные и контекстуальные интерпретации современного русского ультра национализма/ Русский национализм: идеология и настроение. М. 2006. С.223-262.

И здесь видно определенное сходство с судьбой демократов в ельцинской России.

Когда Ельцин и его единомышленники устранили в августе 1991 года коммунистическую диктатуру, они выступали не только под демократическими знаменами, но и под национальными русскими. Настроение подъема, царившее в Москве сразу после поражения коммунистического путча, очень напоминало атмосферу франкфуртской Паульскирхе в 1848 году (там заседало Национальное Собрание), когда идея свободы и национальная идея соединились в одно целое. Нельзя, однако, забывать, в каком направлении пошло развитие немецкого национального движения, так как целью, к которой оно стремилось, была не только свобода, но и великодержавная мощь. Характерным признаком этого поворота в немецком национальном движении была дискуссия в Паульскирхе в июле 1848 г. по польскому вопросу. До тех пор солидарность с угнетенной Польшей была своего рода поверкой для либерально настроенных кругов в Европе и Германии. Однако это чувство солидарности заметно ослабело после начала революции 1848 года.¹⁰

Похожая ситуация складывалась в России после отстранения КПСС от власти. Победившие демократы все чаще говорили о национальных интересах России и все реже о солидарности с малыми народами. Многие демократы, выступавшие еще до августа 1991 г. за «возвращение России в Европу», после августовских событий заговорили «об особом пути России». Сторонники прозападной ориентации в российской политике, в первую очередь министр иностранных дел А. Козырев, выставлялись их критиками как политики, лишённые корней, далеко отошедшие от традиций своей страны. Вскоре после победы демократов один из советников Ельцина Е. Кожокин заявил: «Придя к власти западники должны перестать быть западниками. Западником можно быть только в оппозиции».¹¹

Национально настроенные круги демократического лагеря упрекали прозападные группировки в правительстве в безмерной уступчивости по отношению к Западу, а также по отношению к ближайшим соседям России. Так, политический советник Президента России С. Станкевич заявил: «Наши соседи зачастую рассматривают Россию не как государство, а как грудку, своего рода реликт, от которого можно отрезать ту или иную часть».¹² Председатель Комитета внешней политики Верховного Совета Е. Амбарцумов добавил, что понятия национальной гордости, национальной принадлежности и национальных интересов являются

¹⁰ Kaehler S.A. Realpolitik zur Zeit des Krimkrieges – eine Säkularbetrachtung//Historische Zeitschrift 174, 1952. P.418; Gollwitzer H. Europabild und Europagedanke. Beiträge zur deutschen Geistesgeschichte des 18. und 19. Jahrhunderts. München, 1964. P. 262. Nipperdey Th. Deutsche Geschichte 1800–1866. Bürgerwelt und starker Staat. München, 1983. P.627-630; Wehler H. U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Zweiter Band. Von der Reformära bis zur industriellen und politischen „Deutschen Doppelrevolution“. München, 1987. P. 743-744.

¹¹ Московские Новости 16.8.1992.

¹² Россия 1992-й//Комсомольская правда 26.5.1992.

на Западе совершенно естественными. Почему же они не должны распространяться и на Россию?

Однако эта борьба российских демократов в защиту национальных интересов не реабилитировала их в глазах «непримиримой оппозиции». Для национал-патриотов демократы – это в первую очередь разрушители великой империи и агенты западных победителей в холодной войне, создавшие на российской территории антинациональный режим. Так что российским демократам не удалось, несмотря на их национальную риторику, также как в свое время и их единомышленникам в веймарской Германии, преодолеть пропасть отделяющую их от их радикальных оппонентов. Но с другой стороны тот факт, что демократы в обоих случаях в какой то мере приспособились к аргументации своих противников, привел к тому, что они утратили инициативу в политическом дискурсе.

3. Переход от полузакрытого к открытому обществу

Веймарская республика, т. е. «первая немецкая демократия», была самым свободным государственным образованием в истории Германии за исключением ФРГ. Об этой свободе мечтали немцы давно, чуть ли не со времен освободительной войны против Наполеона в 1813 году. Девизом немецкой революции 1848 года были «Свобода и государственное единство!». Однако революция не смогла осуществить ни того, ни другого.

Правда, четверть века спустя Бисмарку удалось объединить Германию, но сделал он это авторитарным путем. Полной свободы немцы смогли добиться лишь вследствие ноябрьской революции 1918 года свергнувшей правящие династии и передавшей всю полноту власти обществу. Но эйфорических настроений эта неожиданно завоеванная свобода почти не вызвала, что и неудивительно. Установление демократического строя ассоциировалось в Германии с поражением в мировой войне, с унижительным версальским договором, потерей территорий, репарациями, а также с глубочайшим экономическим кризисом, который достиг своего апогея в 1923 году небывалой в истории Германии инфляцией.

Все эти процессы напоминают то, что происходило в России после краха советского режима и в период зарождения «2-й русской демократии». Правда «2-ая русская демократия» не была, в отличие от веймарской республики, самым свободным государственным образованием во всей предыдущей истории страны. Строй, возникший в России после февральской революции 1917 года, был не менее свободным.

В апреле 1917 года Ленин назвал Россию «самой свободной страной в мире из всех воюющих стран»,¹³ и он же, несколько месяцев спустя, попытался обуздать эту свободу, что ему после большевистской победы в гражданской войне в конце

¹³ Ленин, В.И. Полное собрание сочинений. М., 1958–1965. Т.31. С.114-115.

концов и удалось. «Самая свободная страна мира» превратилась в первое в мире тоталитарное государство. Правда, после смерти Сталина характер коммунистической диктатуры существенно изменился. Власть имущие отказались от массового террора и тоталитарный строй превратился в полутоталитарный. Но общество как таковое оставалось марионеткой в руках правящей номенклатуры и лишь во время перестройки оно перешло из «закрытого» в «полуоткрытое» состояние. Окончательное его освобождение произошло в августе 1991 года на баррикадах у Белого дома. Но так же как и в веймарской Германии, это освобождение только на короткий срок вызвало эйфорическое настроение. Ведь после «августа» наступил «декабрь» (распад СССР), «январь» (шоковая терапия, которая в первые годы была связана с гиперинфляцией, с сокращением валового продукта в 1992 на 23%, и понижением уровня жизни населения чуть ли не на половину).

Очень быстро российские реформаторы растратили свой капитал доверия. Дискредитации демократической идеи способствовала и конфронтация между исполнительной и законодательной властью (президент/Верховный совет), завершившаяся роспуском парламента и обстрелом Белого дома.

Все эти события нанесли глубокую травму общественному сознанию, и одним из ее последствий было сокрушительное поражение демократов во время думских выборов в декабре 1993 года. Россия оказалась перед дилеммой, перед которой стояла когда-то веймарская Германия, когда радикальные антидемократы одержали неожиданную победу на выборах в рейхстаг в сентябре 1930 года. Эту дилемму один из лидеров СДПГ Рудольф Гильфердинг сформулировал так: «Утверждать демократию против воли большинства, которое отвергает демократию, и причем утверждать ее, действуя на основе политических средств, предоставленных демократической конституцией – это почти что решение квадратуры круга».¹⁴

4. Реванш свергнутых элит

Начавшаяся 9 ноября 1918 г. революция в Германии качественно отличалась от французской революции 1789 и русской 1917 года. В отличие от двух последних она не переходила от умеренной к более радикальной стадии, а наоборот: радикально начав, она становилась все более и более умеренной. Ее главной политической силой была социал-демократическая партия, которая во что бы то ни стало хотела предотвратить развитие революции по русскому образцу 1917 года. Поэтому социал-демократы беспрерывно боролись против своего леворадикального крыла, замороженного опытом большевистского Октября. Влияние этих экстремистских группировок на традиционно умеренный рабочий класс Германии было маргинальным. 80% депутатов избранных на берлинский съезд Советов со-

¹⁴ Hilferding R. In Krisennot// Die Gesellschaft, Nr.7. 1931. P.1.

стоявшийся в середине декабря 1918 г. отвергало советскую модель и высказалось за преобразование Германии в парламентскую республику.¹⁵ Но несмотря на все это, социал-демократическое большинство в Совете народных уполномоченных (СНУ), который правил в Германии начиная с 10-го ноября 1918 г. видело главную угрозу для немецкой демократии не справа, а слева.

Кульминацией хаотических попыток левых экстремистов вызвать в Германии революцию по «русскому образцу» было начавшееся 5-го января 1919 г. восстание в Берлине. СНУ удалось без труда подавить это восстание, однако он воспользовался при этом не только регулярными войсками, но и праворадикальными корпусами добровольцев. Как отмечал в середине 30-х годов хронист Веймарской республики Артур Розенберг, использование крайних противников демократии для защиты республики было непростительной ошибкой правительства.¹⁶

На самом деле, восстание в Берлине было подавлено уже через несколько дней, 12-го января. Но социал-демократическое правительство утратило контроль над военщиной, которая теперь своими силами стала вершить самосуд. Жертвами расправ стали также и вожди созданной 31-го декабря 1918 г. Коммунистической партии Германии Карл Либкнехт и Роза Люксембург, которые были убиты 15 января 1919 г.

Острая реакция социал-демократов на действия бывшего левого крыла их собственной партии была вызвана не только преувеличенным страхом перед анархией, но и тем, что социал-демократическое правительство хотело продемонстрировать свой патриотизм, тождество своих интересов с внутренними и внешними интересами германского государства. Германские социал-демократы, которых правые годами обвиняли в том, что они совершенно не привязаны к своему отечеству, хотели доказать, что судьба Германии им не безразлична.

Итак, ноябрьская революция, свергнувшая монархию и внесшая вначале панику в ряды правящих консервативных элит, ограничилась в борьбе со старым режимом всего лишь полумерами. Его управленческие, экономические и даже военные структуры (несмотря на ограничения версальского договора) были лишь частично распатаны. Все предпосылки для реванша свергнутых в ноябре 1918 г. элит были налицо. Но это стремление к преемственности, к преодолению возникшего вследствие революции разрыва охватило со временем и широкие слои населения. Символизировало этот рост ностальгических настроений избрание в 1925 году престарелого фельдмаршала Гинденбурга, который никогда не смирил-

¹⁵ Winkler, Der lange Weg nach Westen. P.385-386; Blasius D. Weimars Ende. Bürgerkrieg und Politik 1930–1933. Göttingen, 2006. P.17-18; Weimar Russia: Is there an Analogy <http://globetrotterberkeley.edu/pubs/feldman.html>.

¹⁶ Rosenberg A. Geschichte der Weimarer Republik, hrsg. v.K.Kersten. Frankfurt/Main, 1961; Не иначе оценивают тогдашнюю ситуацию и некоторые современные авторы. Берлинский историк Генрих Август Винклер в 1990 г. писал: «(Социал-демократы) прежде всего стремились предотвратить экономический и политический хаос; они переоценивали опасность слева и недооценивали опасность справа (Winkler H. A. Die Revolution von 1918/19 und das Problem der Kontinuität in der deutschen Geschichte//Historische Zeitschrift 250. 1990. P.307).

ся с республиканским строем и оставался убежденным монархистом, президентом рейха.¹⁷ При этом надо добавить, что это избрание произошло именно в тот момент, когда Веймарской республике удалось преодолеть послевоенный кризис, стабилизировать экономику, в период, когда демократические партии так называемой веймарской коалиции достигали наибольших успехов в парламентских выборах.

Эта двойственность показывает, каким хрупким государственным образованием была Веймарская республика, в которой демократические правила игры все еще не превратились в „the only game in town“, по выражению современных политологов Х.Линца и А.Степана.

Так как президент был своего рода гарантом веймарской конституции и мог в кризисных ситуациях вводить в стране чрезвычайное положение (48-ая статья конституции), антидемократические установки Гинденбурга угрожали строю, который он призван был защищать. Его предшественник Эберт, будучи убежденным демократом, пользовался чрезвычайными полномочиями, особенно во время Рурского кризиса 1923, но только для того, чтобы бороться против врагов демократии и справа и слева (и против коммунистической и против нацистской попытки государственного переворота). Такой последовательной борьбы на два фронта от Гинденбурга нельзя было ожидать. Консервативные круги, влияющие на престарелого президента, видели существенную разницу между коммунистами и нацистами, Последних они считали своими потенциальными союзниками. Эта их установка и привела в конце концов к передаче власти Гитлеру и к уничтожению Веймарской демократии.

И в постсоветской России, как и в Веймарской Германии, произошел реванш свергнутых элит.

Августовская революция 1991 г. носила, так же как и ноябрьская революция в Германии, половинчатый характер. Многие русские демократы не желали рассматривать августовские события после подавления путча как революцию, потому что с революцией ассоциировались такие понятия как массовый террор и диктатура. Именно поэтому они отказались от расправы с побежденными в большевистском духе. С точки зрения одного из ведущих представителей демократического лагеря, Г. Попова, это решение имело чрезвычайное значение не только для России, но и для всего мира.

Позднее Ельцин вспоминал, что в сентябре-октябре 1991 г. страна буквально балансировала на краю пропасти. И все же удалось спасти Россию от революции, а человечество – от ее катастрофических последствий. В течение года не стихали призывы к решительной конфронтации, говорил президент. Но ни один из этих призывов не нашел отклика в сердцах русских людей. Именно это Ельцин считал общей победой.

¹⁷ Winkler. Der lange Weg nach Westen. P.458-461; см. Также Гайдар. Гибель империи. С.15.

Галина Старовойтова, принадлежавшая к самому решительному крылу в лагере демократов, считала, напротив, непростительной ошибкой демократов то обстоятельство, что они не в полной мере использовали свою победу в августе 1991 г. Именно тогда существовала уникальная возможность радикально обновить аппарат власти, пока он находился в шоке. Но этого не произошло. Прежние силовые и управленческие структуры получили временную передышку, которую использовали для консолидации своих рядов.

Оправившись от августовского, а потом и от октябрьского (1993 г.) шока, управленческие группировки начали контрнаступление против зародившегося уже во время перестройки гражданского общества и против вырвавшихся на свободу субъектов федерации. Пока Ельцин был у власти, это контрнаступление не принимало характер реставрации рухнувших в 1991 г. порядков. Будучи убежденным реформатором, Ельцин, несмотря на сближение с управленческими структурами старого режима, был, как в свое время Эберт в Германии, помехой для такого поворота колеса истории вспять. При его преемнике положение изменилось. «Управляемая демократия» Путина не только усилила контрнаступление управленческих структур на гражданское общество, начатое уже при Ельцине, но также и качественно изменила характер государственной системы. Парламент, федерационные структуры и СМИ в значительной мере потеряли свою самостоятельность и превратились в большинстве случаев в инструменты госаппарата. Россия начала возвращаться на круги своя, когда «государство пухло, а народ хирел» (Ключевский). Такого свертывания гражданского общества и плюралистических институтов, которое наблюдается в путинской России, не было в Веймарской Германии – даже в эпоху президентского правления начиная с 1930 года. И здесь я хотел бы перейти к различиям между Веймарской республикой и постсоветской Россией.

II. Различия между веймарской Германией и постсоветской Россией

1. Предыстория

То, что путинской «управляемой демократии» удалось на много более основательно демонтировать гражданское общество, чем созданному в 1930 году президентскому правительству в Веймарской республике показывает, что общественное развитие в обоих государственных образованиях существенно отличалось друг от друга. Плюралистические структуры в Веймарской Германии находились

на более высокой ступени развития чем в постсоветской России,¹⁸ и эти различия тесно связаны с различной предысторией обоих государств. Предшественник Веймара – созданный в 1871 году 2-ой немецкий рейх – был, несмотря на его полуфеодальный и патриархальный характер, правовым государством с многопартийной системой, независимыми общественными организациями и более или менее свободной прессой. Хотя оппозиционные партии, особенно социал-демократия, и некоторые конфессиональные и национальные меньшинства (католики, поляки) периодически преследовались, однако у дискриминированных групп всегда оставались правовые лазейки, которые им позволяли пережить периоды наиболее интенсивных гонений и со временем вернуться в прежней силе на политическую или общественную сцену.

Ничего подобного не существовало в предшествующем «2-ой русской демократии» Советском Союзе, за исключением горбачевского периода. Гражданское общество, построенное в России после революции 1905 года и полностью освободившееся в феврале 1917 г. от государственной опеки, было уничтожено большевиками, а вместе с ним и институт частной собственности (особенно в сталинский период), который гарантирует обществу определенную степень независимости от государства. Итак, «вторая русская демократия» входила на политическую сцену почти без опыта конкурентной политической борьбы и организованного отстаивания прав и интересов отдельных общественных групп. То, что демократам с такой легкостью удалось в августе 1991 года разгромить правящий аппарат, связано было не с их силой, а со слабостью противника, который из-за эрозии коммунистической идеологии переживал чрезвычайно глубокий кризис идентичности и поэтому потерял способность к сопротивлению. Когда же управленческий аппарат оправился от шока поражения и начался уже описанный бюрократический реванш, оказалось, что гражданское общество в России еще не успело выйти из своего аморфного состояния и не в силах оказывать хорошо организованному управленческому классу эффективное сопротивление. Эти поражения демократов были связаны, не в последнюю очередь, и с тем, что они переживали кризис идентичности. Дискредитация демократических идей в глазах широких слоев населения в связи с трудностями перехода от «закрытого» к «открытому» обществу, лишила демократов той уверенности в себе, которая была для них характерна в последние годы советской власти. Они плыли уже не с течением, а против него. И действительно, постепенный демонтаж плюралистических структур при помощи методов «управляемой демократии» не вызвал особых протестов населения. Наряду с дискредитацией демократической идеи такой реакции общества способствовал и факт, что эти процессы происходили параллельно с экономической стабилизацией (в первую очередь благодаря высоким мировым ценам на нефть и другие энергоносители). Кроме того, стремление путинской

¹⁸ См. Hanson/Kopstein, Weimar; Hanson, Stephen E.: Postimperial Democracies: Ideology and Party Formation in Third Republic France, Weimar Germany, and Post-Soviet Russia//East European Politics and Societies, Vol. 20. No.2. P.343-372.

команды к «огосударствлению» общества соответствовало традиционным представлениям многих россиян о роли государства как гаранта общественной справедливости и благосостояния нации. Бунты и революции происходили в России в первую очередь из-за того, что государство не справлялось с этой ролью, а не потому, что общество пыталось перетянуть эти функции на себя.

2. Угроза справа и слева

Веймарская демократия постоянно боролась с двумя угрозами – справа и слева. Гитлер всплыл на волне страха правящих слоев перед большевистской опасностью. Этот страх едва ли имел под собой основания. В Германии начала 30-х годов конфликт между социал-демократами и коммунистами, спровоцированный в первую очередь из Москвы сталинским руководством, парализовал рабочее движение, практически лишив его всякой дееспособности. Несмотря на это правящие круги Германии панически боялись «восстания масс», т. е. независимого рабочего движения. Этим страхом воспользовались нацисты. Выступая в январе 1932 г., во время встречи с немецкими промышленниками в Дюссельдорфе, Гитлер утверждал: «Если бы не мы (нацисты – Л.Л.), средний класс в Германии был бы уже уничтожен. А вопрос о власти большевики давно бы решили в свою пользу».¹⁹

И хотя аргументация нацистского вождя носила вполне демагогический характер, ему в конце концов удалось убедить власть имущих, что спасти расшатанный господствующий строй в Германии можно лишь опираясь на НСДАП.²⁰

В отличие от своих немецких предшественников нынешние российские правые экстремисты, как правило, мало говорят об опасности слева, более того, в борьбе против установленного в августе 1991 строя они часто оказывались с коммунистами по одну сторону баррикад.²¹ «Красно-коричневый союз», лишь периодически возникавший в веймарской Германии, в постсоветской России постоянный феномен.²² Эта мешанина «правизны» и «левизны» связана не в по-

¹⁹ Domarus M. Hitler. Reden und Proklamationen 1932–1945. Wiesbaden, 1973. Vol. 1, Erster Halbband. P.87

²⁰ См. Luks L. Entstehung der kommunistischen Faschismustheorie. Die Auseinandersetzung der Komintern mit Faschismus und Nationalsozialismus 1921–1935. Stuttgart, 1985. P.158-161, 193-194; Luks L. Bolschewismus, Faschismus, Nationalsozialismus – verwandte Gegner?//Geschichte und Gesellschaft 14, 1988. P.100-103.

²¹ Говоря об угрозе постсоветской демократии и «справа» и «слева», некоторые авторы не учитывают в достаточной мере это обстоятельство См. Hanson/Корстейн. Weimar, P.267-268.

²² Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. М.,1994; Люкс Л. Призрак фашизма в посткоммунистической России/ Люкс Л. Третий Рим? Третий Рейх? Третий путь? Исторические очерки о России, Германии и Западе, М., 2002. С.256-266 Shenfield S. D. Russian Fascism. Traditions, Tendencies, Movements. Armonk, 2001; Allensworth W. The Russian Question: Nationalism, Modernization and Post-communist Russia. Lanham, 1998; Соколов М. Национал-большевистская партия: идеологическая эволюция и политический стиль/Русский национализм: идеология и настроение. М., 2006. С.139-164.

следнюю очередь с аморфным, расплывчатым партийно-политическим ландшафтом в посткоммунистической России, что, в свою очередь, объясняется аморфным состоянием общества, в котором нет классов в общепринятом смысле этого слова. Но есть и другие причины все большего стирания различий между правыми и левыми в современной России. Дело в том, что российские коммунисты, пожалуй впервые после 1917 года, потеряли веру в непрерывный общественный прогресс и в то, что история и ее законы на их стороне.

Напротив, правые экстремисты всегда воспринимали идею прогресса не иначе как с насмешкой. Они никогда не желали и не желают плыть в потоке истории, наоборот, пытаются любой ценой задержать его и повернуть вспять. Повсюду им мерещатся симптомы упадка и разложения, козни могущественного всемирного заговора. Они считают, что предотвратить «закат Европы» можно лишь насильственным уничтожением носителей этого заговора – евреев, масонов, «плутократов», марксистов. Золотой век фашизма – это языческая, дохристианская эпоха. Пафос же коммунизма устремлен в будущее, где произойдет прыжок «из царства необходимости в царство свободы».

Однако этот исторический оптимизм теперь ушел в прошлое. После развала Советского Союза у коммунистов не осталось веры в прогресс и светлое будущее. Внезапное исчезновение великой державы, внушавшей страх или же уважение всему миру, кажется им непостижимым событием, они отказываются видеть в нем историческую закономерность. Их «золотой век» находится теперь, также как и у правых радикалов, в прошлом.

Кроме смешения правых и левых позиций постсоветскую Россию отличает от веймарской Германии и то, что в России радикальные группировки и слева, и справа (КПРФ с одной, ЛДПР с другой стороны), становятся все более «центристскими» и находят общий язык по крайней мере с частью правящих группировок. Этот процесс срастания «непримиримой» оппозиции с государственными структурами усилился после прихода Путина к власти, который в глазах многих национал-патриотов является новым «собирателем земли русской». Создается миф, распространяемый также и рядом официозных публицистов, о ельцинском периоде развала и унижения России и о путинском чуде возрождения российской государственности.

Постскриптум: Дугин и Путин

К тем радикальным приверженцам «неоимперского реванша», которые особые надежды возлагали на Путина, принадлежал и Александр Дугин. Однако безупречный образ Путина начал давать трещины после террористических актов в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 года. Дугин считал вступление

Путина в антитеррористический альянс, в котором доминировали США роковой ошибкой. Не исламский фундаментализм, а «Евразия» с ее российским ядром является реальным противником Вашингтона в реализации его «глобалистских планов», утверждал Дугин в своем журнале «Евразийское обозрение». Дугин продолжал демонизировать США, описывая их как «новый Карфаген», который должен быть уничтожен (8.11.2001). Россия, с другой стороны, была определена Дугиным как место, где зарождается «Новое геополитическое Евангелие», а именно «евразийская идея», которая предопределена освободить человечество от глобализма (14.12.2001).

Однако после «цветных революций» на постсоветском пространстве Путин также начал демонизировать Запад почти в дугинской манере, обвиняя его в инициировании этих восстаний с целью подрыва российского влияния в так называемом «ближнем зарубежье».

Демонизация Запада достигла пика как для Дугина, так и для Путина накануне агрессии России против Украины 24 февраля 2022 г. В этом контексте хотелось бы сослаться на книгу Дугина „The Great Awakening vs.the Great Reset“, изданную Дугиным в 2021 году, которую можно охарактеризовать как своеобразное мысленное предвосхищение «переломного момента» 24 февраля 2022 года. Основной тон книги принципиально отличается от высказываний Дугина 1990-х годов. В то время на подъеме были сторонники «открытого общества», и Дугин расценивал их триумф как беспрецедентное поражение для всего незападного человечества. Вместе со своими единомышленниками он стремился повернуть колесо истории вспять, потому что он не считал достойной продолжения жизнь в мире, где доминируют либеральные принципы. Однако спустя 20 лет баланс сил между так называемыми «глобалистами» и их противниками, казалось, коренным образом изменился. Не в последнюю очередь по этой причине Дугин считал, что настало время окончательно укротить либеральных победителей в холодной войне. Он представил себе всемирную «антиглобалистскую» коалицию, которую по какой-то необъяснимой причине возглавит путинская Россия. В коалицию, задуманную Дугиным на бумаге, должны были войти Китай и Индия, шиитский Иран и суннитская Турция, трамписты и европейские правые популисты, а также многие африканские и латиноамериканские страны, якобы страдающие под игом «глобалистов». По словам Дугина, сейчас разгорается «битва либералов против человечества». Заключительная глава книги, которая была опубликована после фиаско НАТО в Афганистане в августе 2021 г. прямо-таки источает уверенность в победе. Дугин пишет: «Однополярный мир рушится на наших глазах...Америка слабее, чем когда-либо...Мы должны готовиться к контрнаступлению. Пока события развиваются, так как это происходит сейчас — у нас есть исторический шанс». ²³

²³ Dugin A. Das große Erwachen gegen den Great Reset. Arktos 2021. P.109-113.

Путин безусловно думал так же. Он тоже, вероятно, был убежден в «упадке глобальной гегемонии США» после фиаско НАТО в Афганистане. С этого момента можно говорить о своеобразном тандеме Дугин-Путин. И этот тандем потерпел неудачу по всем направлениям. После вторжения Путина в Украину 24 февраля, Байден, которого Дугин презрительно назвал «дряхлым Джо», стал бесспорным лидером свободного мира, за некоторыми исключениями безоговорочно солидаризировавшегося с атакованным государством. Задуманная Дугиным всемирная коалиция против «глобалистов», которая должна была открыть новую главу в истории человечества, оказалась полным провалом. В ходе голосования в Генассамблее ООН по фиктивным референдумам в оккупированных Россией украинских регионах, которое состоялось 12 октября 2022 года, только 4 из более 190 членов ООН выразили солидарность с Россией.

Расширенная версия статьи, которая первоначально была опубликована в журнале «Вопросы философии» (4/2008)

V.2. "Третий путь", или назад в Третий рейх?

О «неоевразийском» журнале Александра Дугина «Элементы» (1992-1998)

Уже в заключительной фазе перестройки, когда эрозия коммунистической идеологии становилась все более очевидной, многие поборники имперской русской идеи отправились на поиски нового связующего звена для всех народов и религиозных сообществ Советской империи и обнаружили для себя евразийскую идею – программу движения, возникшего в 1921 г. в русской эмиграции и сошедшего со сцены к концу 1930-х годов¹. Многие группировки и публицистические органы в сегодняшней России исповедуют евразийскую программу. С особой настойчивостью делает это созданный Александром Дугиным в 1992 г. журнал "Элементы", даже обозначенный как "Евразийское обозрение" (журнал просуществовал до 1998 г.). Ввиду того, что евразийское движение принадлежало к самым оригинальным идеологическим течениям русской эмиграции, признание его идей вполне может послужить повышению реноме соответствующей группы. На славе прежних "евразийцев" пытается сделать свой капитал и журнал "Элементы", издатели которого рассматривают себя как духовных наследников "классического" евразийства. Справедливы ли такие притязания? Этот вопрос будет стоять в центре данной работы.

I.

Кажется, что идеологическое кредо группы "Элементов" полностью соответствует программе евразийцев. Обе группировки являются страстными защитниками культурного партикуляризма и радикальными противниками идей универсализма. Евразийцы считали универсализм свойством западноевропейцев – "романо-германских" народов, которые навязывают всем народам мира собственные представления о ценностях в обществе. Если европейцы говорят о человечестве, они понимают под этим только западноевропейскую цивилизацию, писал в 1920 г. один из основателей евразийского движения князь Николай Трубецкой. За так называемым универсализмом и космополитизмом

¹ См. Boess O. Die Lehre der Eurasier. Ein Beitrag zur russischen Ideengeschichte des 20. Jahrhunderts. Wiesbaden, 1961; Riasanovsky N. The Emergence of Eurasianism//California Slavic Studies 4, 1967. С. 39-72; Luks L. Die Ideologie der Eurasier im zeitgeschichtlichen Zusammenhang // Jahrbücher der Geschichte Osteuropas, 34, 1986. P. 374-395.

западноевропейцев скрывается исключительно их стремление к мировому господству, считает Трубецкой².

Не иначе оценивают издатели "Элементов" сегодняшние теории глобализации, модель one-world или же идеи "нового мирового порядка". Все эти "мондиалистские" концепции инспирируются, с точки зрения издателей «Элементов», правящими кругами Запада, прежде всего американской элитой, целью которой является достижение мирового господства³.

В то время как евразийцы рассматривали весь Запад, точнее говоря "романо-германские" народы как врагов незападноевропейского мира, образ врага "Элементов" редуцируется до англосаксонских морских держав, интересы которых якобы диаметрально противоречат интересам держав континентальных. Морские державы выступают за упразднение границ, за унификацию культур, за общество melting-pot. Все это выдается западными или "атлантическими" последователями "мондиализма" за прогресс. Континентальные же державы, напротив, опираются на традицию, имеют глубокие корни. Культурные особенности отдельных народов считаются ценным достоянием и ни в коем случае не рассматриваются как отвлекающий фактор, который стоит на пути т. н. "прогресса". Это противоречие считается "Элементами" непреодолимым. Для того чтобы осуществить свой мондиалистский план, морские державы должны стремиться к тому, чтобы лишить все культуры мира их особенностей, смешать их воедино, в т. н. "мировую культуру". Континентальные державы со своей стороны должны пытаться, если они хотят выжить, сдержать такое наступление всеми возможными способами, даже с помощью военной силы. Речь идет о жизни и смерти⁴.

Наряду с неприятием "навязываемого Западом" универсализма, группу "Элементов" связывает с евразийцами также радикальное отрицание либерально-демократической системы. Евразийцы выступали за сильное интервенционистское государство и считали либеральное "мягкотелое государство" реликтом прошлого. Оно слишком пассивно, чтобы соответствовать требованиям современности, утверждали они. Тогдашний кризис парламентской демократии привел к тому, что государство оказалось не в состоянии увлечь людей своими идеалами⁵. Поэтому оно, как считали евразийцы, обречено на крах. Толерантность правящих на Западе демократий к конкурирующим идеологиям являлась для евразийцев проявлением слабости. Жизнестойкое государство с жизнестойкой идеологией не должно допускать с точки зрения евразийцев оппозиционных течений. Программный документ

² См. Трубецкой Н. Европа и человечество/ его же. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 55-104.

³ Ср. Элементы 1/1992. С. 3; 2/ 1992. С. 1-8; 3/1993. С. 5; 5/1994. С. 7-11.

⁴ Элементы 2/1992. С. 27; 3./1993. С. 3 и 8; 4/1993. С. 48.

⁵ См.: Евразийство. Опыт систематического изложения. Париж, 1926. С. 55f; Алексеев Н. Евразийство и государство// Евразийская хроника. Вып. IX. Париж, 1927. С. 36-38; Его же. Обязанность и право // Евразийская хроника. Вып. X. Париж, 1928. С. 23-24.

евразийцев 1926 г. "Евразийство" выступает за установление однопартийной системы, при которой самодержавная партия пронизывает все государственные институты и создает широко разветвленную сеть организаций и обществ. Авторы документа вполне отдавали себе отчет в том, что такая система схожа с фашистской диктатурой в Италии или же с большевистской системой. Но это ни в коем случае не пугало их⁶.

Многопартийная система отвергалась евразийцами также и потому, что отдельные партии, как они считали, стоят на защите эгоистических интересов своих клиентов и не учитывают интересов всей общественности. Защиту собственных интересов евразийцы считали типично западным явлением. Правовед Н. Алексеев, который принадлежал к ведущим евразийцам, писал в 1928 г. в этой связи: на Западе со времен Ренессанса сформировалась позиция борьбы личности за свои права, хотя она и была принята лишь после горькой борьбы⁷. Внутренне разорванному Западу евразийцы пытались противопоставить древнерусский идеал гармонии, который берет свой исток в православии. Центральной идеей в православии является не идея борьбы личности и постоянный конфликт, а идея единения, утверждают вслед за славянофилами 19-го века, евразийцы⁸.

Группа "Элементы" также обличает западный индивидуализм и эгоизм с крайней остротой и радикально отвергает либерализм как экономический, так и политический. Однако в отличие от евразийцев, "Элементы" рассматривают либеральные группировки не как "потерпевших поражение" неудачников, но как "победителей в истории". И в самом деле, в конце 20 столетия отношения между защитниками и врагами "открытого общества" существенно изменились. В 20-е и 30-е годы, когда евразийцы клеймили либеральное государство за его пассивность и слабость, либерализм в действительности переживал чрезвычайно глубокий кризис. Находившееся под давлением со стороны как крайне правых, так и крайне левых сил, либеральное государство боролось за выживание. После падения Третьего рейха, но прежде всего после развала советской империи, приговоренный к смерти либерализм восстал словно "феникс из пепла". Такие либеральные принципы, как свободный рынок или многопартийная система утвердились за некоторыми небольшими исключениями по всей Европе. И эта победа либерализма для издателей "Элементов" представлялась беспрецедентным поражением всего незападного человечества. Они хотели любой ценой повернуть назад колесо истории, потому что жизнь в

⁶ Евразийство, С. 52.

⁷ Алексеев, Обязанность и право.

⁸ Шахматов М. Подвиг власти (Опыт по истории государственных идеалов России) // Евразийский временник 3/ 1923. С. 55-80; Его же. Государство правды (Опыт по истории государственных идеалов в России) // Евразийский временник 4/ 1925. С. 268-304; Сувчинский П. Страсти и опасности // Россия и латинство. Сборник статей. Берлин, 1923. С. 27-28.

мире, где правят либеральные принципы, для них была бессмысленной (статья была написана в 2000 году – Л. Л.).

«Элементы» рисуют либерализм как "наиболее последовательную, агрессивную и радикальную форму ... европейского нигилизма", как воплощение духа антитрадиции, «цинизма и скепсиса»⁹. Либерализм разрушает любую духовную, историческую и культурную непрерывность, он просто враг всего рода человеческого, считают издатели журнала. Как роковую ошибку рассматривали "Элементы" то, что слова "либерализм" и "демократия" зачастую выступают синонимами. На самом деле, продолжают авторы, либерализм не имеет ничего общего с демократией – властью народа. Защитники либерализма представляют собой небольшую, одержимую жаждой власти и никем не избранную элиту, которая использует демократическую риторику только затем, чтобы создать у народа иллюзию его причастности к политическим решениям верхушки. В реальности, так считает главный редактор журнала Александр Дугин, ни в какой другой политической системе народ не обделен властью так, как при "демократиях". "Одно из высших проявлений этой стратегии социальной лжи заключается в том, что термин "демократия" применяется именно к тем социальным режимам, где "власть" принадлежит народу в еще меньшей степени, чем где бы то ни было в другом месте"¹⁰.

Политические и идеологические противники евразийцев и их эпигонов, таким образом, четко определены. Кто же их единомышленники? К ним, в первую очередь, относятся радикальные противники либерализма и парламентской демократии как из правого, так и из левого лагеря, и не в последнюю очередь коммунисты и фашисты. Уже первые русские критики евразийской программы обратили внимание на духовную близость евразийцев к большевизму и итальянскому фашизму. Большевизм и итальянский фашизм рассматриваются евразийцами абсолютно в позитивном свете, писал в 1924 г. Федор Степун. Единственное, что они бескомпромиссно отвергают и ненавидят – это демократия¹¹.

Что связывает евразийцев, которые, так же, как и другие эмигранты, принадлежали к проигравшим в гражданской войне, с их победителями – большевиками? В первую очередь острейшая критика предреволюционной России и признание исторической необходимости революции 1917 г. Евразийцы отвергали предреволюционную, петровскую, Россию прежде всего по культурным и идеологическим мотивам. Для них европеизация России, которую начал Петр, была ложной тропой истории. Петр I разрушил фундамент, на котором покоилась внутренне сильная Россия, пишет Николай Трубецкой. Ни

⁹ Элементы 5/1994. С. 5.

¹⁰ Там же. С. 8.

¹¹ Степун Ф. Евразийский временник. Кн. 3. //Современные записки XXI, 1924. С. 403.

один вражеский завоеватель не был в состоянии разрушить национальную русскую культуру в таких масштабах, как это сделал Петр¹².

Поэтому евразийцы рассматривают революцию 1917 г. как судилище над постпетровской Россией, как справедливую реакцию простого народа на режим, расколовший Россию¹³.

В этом признании "внутренней логики и правды" русской революции евразийцы, очевидно, совпадают с большевиками, при том, что их мнение относительно самой революции кардинально отличается от мнения большевиков. Большевики утверждали, что низшие слои русского общества протестовали против экономического и политического угнетения, евразийцы – что против культурного. Ожидания, которые большевики, с одной, и евразийцы, с другой стороны, связывали с революцией, были полностью различны. Основной целью большевиков было преодоление русской "отсталости", электрификация, индустриализация и модернизация страны; другими словами – завершение работы, начатой Петром. Евразийцы, напротив, надеялись, что переворот 1917 г. навсегда закроет "окно в Европу", прорубленное Петром. Они мечтали о возврате к культурным и религиозным ценностям старой, допетровской России. Своей идеализацией "великого" прошлого Древней Руси евразийцы совсем непохожи на большевиков, в гораздо большей степени здесь они сближаются с итальянскими фашистами, которые также хотели вернуться к великому прошлому своей страны (Древний Рим, эпоха Возрождения) и которые насмехались и презирали новейшую историю Италии, попавшую под влияние либеральных идей¹⁴.

II.

Сродство евразийцев как с крайне левым, так и с крайне правым полюсами тогдашнего политического спектра Европы вызывало смтение многих наблюдателей, которые хотели политически классифицировать евразийское движение. Сами евразийцы иронизировали по поводу этих идентификационных трудностей и объясняли своим критикам, что они не являются ни правыми, ни левыми, не вписываются ни в какое традиционное деление и занимают некую "третью" позицию, которая выходит за рамки схемы левые-правые¹⁵.

¹² И.Р. (Трубецкой): Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Берлин, 1925. С 35-39; Alekseev N. Das russische Westlertum // Der russische Gedanke I, 1929/1930. P. 149-162.

¹³ Флоровский Г. О патриотизме праведном и греховном // На путях утверждения евразийцев. Кн. вторая. М., Берлин, 1922. С. 230-293.

¹⁴ См.: Трубецкой Н. У дверей реакция? Революция? // Евразийский временник. Кн. третья. Берлин, 1923.

¹⁵ См.: Трубецкой Н. Там же, 1923; его же. Мы и другие.

Сходные аргументы звучат и в устах издателей "Элементов". Они также не хотят знать о схеме "правое-левое" и выдают себя за "третью" силу, которая вдохновляется идеологией как левых, так и правых. Единственное, что интересует их в этих идеологиях, это их отношение к либерализму. Чем радикальней эти идеологии ставят под вопрос либеральный образ мира, тем у них больше шансов попасть в духовный пантеон "Элементов". Большой интерес вызывали у журнала, к примеру, т. н. национал-большевистские течения, которые пытались преодолеть пропасть между коммунизмом и правым экстремизмом. Наряду с евразийцами это, к примеру, движение "Смена вех"¹⁶, которое к началу 20-х годов по "патриотическим" мотивам капитулировало перед советской властью – в знак благодарности за восстановление большевиками территориальной целостности Российской империи. Однако особое восхищение издателей "Элементов" вызывают деятели немецкой "консервативной революции", которые со своей стороны внесли особую лепту в духовное выхолащивание Веймарской демократии и облагораживание национал-социалистических идей.

"Элементы" определяют все эти течения словом "национал-большевизм". "Национал-большевизм" называется интереснейшим явлением XX в. В заглавной статье восьмого номера журнала читаем: "Все, что привело эти идеологии (фашизм и большевизм – Л.Л.) к гибели, – строго равно их отступлению от духа и буквы этой несформулированной, но существовавшей виртуально доктрины"¹⁷.

Как составные части этой доктрины среди прочих называются: «1. Эсхатологическая заостренность, ясное понимание того, что современная цивилизация вплотную приблизилась к своему концу. 3. Ненависть к современному миру, западной цивилизации, коренящейся в духе Просвещения. Отождествление космополитического, империалистического капитализма с максимальным выражением мирового зла. Антибуржуазный пафос. 5. Спартанский (пруссский) аскетический стиль. Пафос Труда и Труженика 6. Радикальное отрицание индивидуализма, потребительства, "торгашеского духа" 8. Стремление пожертвовать собой ради достижения этого идеала. Ненависть к посредственности, мещанству, обывательскому началу. Яркий революционный дух»¹⁸.

Этот вытасченный на свет из Веймарского чулана идеологический конструкт, с которым "Элементы" широко себя идентифицируют, признается журналом единственной альтернативой либеральному образу мысли, "либеральному Антихристу", который якобы повсеместно правит на земле. Либерализм уже победил всех других врагов. Остался только национал-большевизм. Либо

¹⁶ См.: Элементы 8/1996/97.

¹⁷ Либо – мы, либо – ничто//Элементы 8/1996/97. С. 2.

¹⁸ Там же.

мировое господство либерализма и с ним конец света, либо национал-большевизм. Таково кредо "Элементов"¹⁹.

Журнал ни в коем случае не хотел мириться с окончательной победой своих кровных врагов-либералов и взывал к ответному наступлению, к жестокому отмщению, дабы отплатить врагам на Западе за позорное поражение. Журнал славил войну и насилие, так же как это делали сторонники консервативной революции в Веймаре. Они опирались на "Понятие политического" Карла Шмитта, для которого различие между другом и врагом представлялось важнейшим критерием в политике. Это различие являлось альфой и омегой также и для "Элементов". Как врагов журнал рассматривал: "новый мировой порядок", "открытое общество", мировое правительство, планетарный рынок, общечеловеческие ценности"²⁰.

Все противники этих "врагов" записывались "Элементами" в категорию "друзей". Примирение между двумя лагерями невозможно: "Две несводимые друг к другу позиции, два всеохватывающих супермировоззрения, два взаимоисключающих проекта будущего человечества. Между ними только вражда, ненависть, жесточайшая борьба по правилам и без правил на уничтожение, до последней капли крови. Между ними горы трупов... Кто из нас подытожит Историю? ... Кто всадит последнюю пулю в плоть поверженного врага? Они или мы?.. Это решит война. "Отец вещей"²¹.

Такая позиция не имеет ничего общего с евразийством. Целью евразийцев было не разрушение Запада, но ограждение России и всего евразийского субконтинента от культурного воздействия Запада. Их программа была не экспансионистской, а изоляционистской. Развал Российской империи в результате переворота 1917 г. был для них травматическим переживанием, они хотели любой ценой предотвратить дальнейшее разрушение российской государственности. Евразийцев интересовала не власть над миром, а поиски элемента, способного скрепить многонациональную империю. Они сознавали, что пролетарский интернационализм, с помощью которого большевики в 1917 г. объединили развалившуюся империю, не сможет цементировать Россию на продолжительное время. Национальные эмоции рабочих, как правило, сильнее, чем классовая солидарность, говорил в 1927 г. Трубецкой. Россия именно поэтому должна искать нового носителя единства, если она хочет остаться единым государством. Таким носителем с точки зрения Трубецкого может стать лишь евразийская идея, потому что она подчеркивает общность между всеми народами России²².

Для "Элементов" не могло быть и речи о подобного рода самоограничении, типичном для евразийцев. Не восстановление равновесия между Западом и

¹⁹ Там же. С. 3.

²⁰ Рука так и тянется к кобуре //Элементы 7/ 1996. С. 2.

²¹ Там же.

²² Трубецкой Н. Общеввропейский национализм// Евразийская хроника 7/1927. С. 28-29.

Востоком, а тотальная победа над западными противниками являлась для них единственной приемлемой целью — при этом они примирялись с полным поражением собственного лагеря. Пристрастие к планам борьбы до последнего конца, до "гибели богов", находит отражение в беспримерном культурном пессимизме "Элементов" (позиции, нетипичной для России, конечно, если не принимать во внимание поэтов и мыслителей "серебряного века" на рубеже веков). Совсем иначе обстояли дела в Германии. Здесь с рубежа веков, и особенно после развала кайзеровской империи, культурный пессимизм представлял собой весьма распространенное явление — главным образом в националистическом, правом лагере. Деятели "консервативной революции", вызывающие такое восхищение у "Элементов", беспрестанно предавались апокалиптическим настроениям. Евразийцы, напротив, были не настолько пессимистичны, в них жила уверенность, что после "падения Запада" культурный центр мира переместится по направлению к Евразии: "Не уходит ли к востоку богиня Культуры, чья палатка столько веков была раскинута среди долин и холмов Европейского Запада?" — вопрошал в 1921 г. евразиец Петр Савицкий²³.

III.

Таким образом, издатели "Элементов" со своими апокалиптическими ожиданиями на грани истерики оказываются связанными не с евразийцами, а в гораздо большей степени с Веймарскими правыми.

Демонизация либерализма также выглядит точной копией программы Веймарских правых экстремистов и имеет мало общего с надменно-насмешливой позицией евразийцев по отношению к либерально-демократическому государству. Тот факт, что радикально-националистические круги в Веймаре и в постсоветской России боролись или борются с либерализмом сходными аргументами, конечно, связан с тем, что обе группировки хотят или хотели повергнуть не только своих внешнеполитических врагов — Запад — но в еще большей степени врагов внутривнутриполитических. В обоих случаях либеральные группировки выдаются за марионетки Запада, за воплощение национального предательства

Как и когда-то в Веймаре, либерализм и парламентская демократия ассоциируются в посткоммунистической России с крахом гегемониального положения обоих государств на европейском континенте, с потерей территорий и с возникновением новой диаспоры. В обоих случаях к национальному унижению присоединяются глубокий экономический кризис и потеря определенных ориентиров. К тому же крах в обеих странах произошел

²³ Савицкий П. Поворот к востоку/ Исход к востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921. С. 3.

неожиданно, внутренне, страны не были к нему готовы. В кайзеровской Германии практически до последнего момента верили в победу в мировой войне. Когда Эрих Людендорф 3 октября 1918 г. от имени верховного главнокомандующего объявил о поражении только что назначенному на должность канцлера Максу фон Бадену, тот не мог понять, что на самом деле произошло, рассказывают некоторые историки. Так же растерянно прореагировала немалая часть советского населения на крушение империи, которая еще до 1991 г. вместе с США вершила судьбами мира. Это неожиданное падение дало повод некоторым националистически настроенным кругам в сегодняшней России, так же как когда-то в Веймарской республике после краха кайзеровской империи, говорить о заговоре темных сил как внутри страны, так и за ее рубежами. Особенно ревностно распространяют легенду о новом "ударе ножом в спину" те политические силы, которые в советские времена путем истощения сил собственной нации во время холодной войны, подготовляли развал империи. Эти аргументы схожи с аргументами прежних немецких сторонников тезиса об "ударе ножом в спину". Крах обеих империй представляется как результат изощренной интриги западных демократий. В открытой, "честной" борьбе западные державы не в состоянии победить своих противников. Поэтому они обращаются к вероломным средствам ведения психологической войны. Пропагандой "западных ценностей" они ослабили и свергли советский колосс.

Таким образом один из самых радикальных переворотов в русской истории, подготовленный глубинными историческими процессами, вменяется в вину небольшому кругу заговорщиков.

Сходным образом революция 1917 г. рассматривалась многими эмигрантскими кругами, прежде всего правого толка, как результат действий мелких кружков заговорщиков всех цветов. Евразийцы отвергали такое объяснение²⁴. Для них революция была, как уже сказано, результатом глубинных исторических процессов. Таким образом, "Элементы" со своей "теорией заговора" встают на защиту такой мировоззренческой позиции, которая не имеет ничего общего с "классическим" евразийством.

Как все сторонники "теорий заговоров", авторы "Элементов" считают своих видимых политических противников марионетками в руках невидимых и одновременно вездесущих сил, которые, пытаясь контролировать ход истории, действуют подпольно. Журнал объясняет, что совсем непросто конкретно определить т. н. "мондиалистские" силы – врагов рода человеческого *par excellence*: "Диктатура нынешней элиты страшна именно тем, что она завуалирована. С невидимым врагом намного сложнее сражаться"²⁵.

Несмотря на это, "Элементы" все же не сдаются и отправляются на поиски этих почти неуловимых властителей сегодняшнего мира. По ходу своих поисков они обнаруживают старых знакомых, которые почти во все эпохи, почти для

²⁴ Ср. среди прочего Бохан С. Мы// Утверждения 3, 1932. С. 75-78.

²⁵ Либо – мы, либо – ничто. С 3.

всех приверженцев "теорий заговоров" правого толка являлись воплощением зла – евреев.

Почти явно подтверждает тезис о мировом еврейском заговоре "военный эксперт" журнала Евгений Морозов. Тот факт, что в конфликте на Ближнем Востоке Соединенные Штаты поддерживают маленький и бедный Израиль, а не богатые сырьем арабские государства, имеет, по мнению автора, только одно правдоподобное объяснение: кто-то заставляет Соединенные Штаты действовать вопреки своим интересам, США кому-то подчиняются. И этот "кто-то" для "эксперта" – сионистское мировое правительство²⁶.

Еще более subtilно, нежели Морозов, отстаивают свой тезис о мировом еврейском заговоре другие издатели "Элементов". В редакционной статье второго номера, к примеру, речь идет о религиозном измерении "нового мирового порядка". "Мондиалисты" пытаются опустошить и уничтожить все религии и вероисповедания мира, так считают авторы, однако это не означает, что у "мондиалистов" нет никаких религиозных представлений. Их стремление к мировому господству обнаруживает мессианские черты, они ожидают пришествия некоей светлой личности, которая придаст миру новый вид — пришествие некоего "Машиаха". Такое использование имени Мессии в его первоначальной иудейской форме не случайно. Так журнал напоминает о якобы истинной религиозной принадлежности "большинства мондиалистов"²⁷.

К важнейшим агентам "мондиализма" в России принадлежат, по мнению "Элементов", космополитически настроенные силы и защитники «малого народа»²⁸ – оба понятия зачастую выступают в России синонимами слова "еврей". Последнее прозвище ввел в обиход известный советский диссидент и антисемит Игорь Шафаревич.

Конспиративный образ мира, прославление войны и насилия, стремление к тотальной победе над Западом, вместо отграничения от его культурных влияний – все это коренным образом отличает "Элементы" от их евразийских предшественников. И еще одним крайне важным пунктом своей программы журнал прямо противоречит евразийцам начала 20-го века. Для евразийцев будущее России лежало лишь на Востоке, лишь на Востоке они искали союзников, с которыми можно было бы вместе противостоять культурной гегемонии Запада. Для "Элементов" восточный компонент играет довольно неопределенную роль. Правда, издатели время от времени говорят об исламском фундаментализме, прежде всего в его иранском варианте, как о потенциальном союзнике России в ее борьбе против т. н. "мондиализма"²⁹. Но все же своих

²⁶ Морозов Е. План "Анаконда"//Элементы 4/1993. С. 26.

²⁷ Идеология мирового правительства//Элементы 2/1992. С. 1-2.

²⁸ Перспективы гражданской войны//Элементы 6/1995. С. 24-28.

²⁹ Это вопрос веры// Элементы 1/ 1992. С. 12-13, Геополитические проблемы ближнего зарубежья// Элементы 3/ 1993. С. 24-25; Ось Москва-Тегеран//Элементы 6, 1995. С. 42. Иранский взгляд на Православие. Там же. С. 44.

наиболее важных союзников и товарищей по духу они обнаруживают не на Востоке, а на Западе. В первую очередь это западные правые радикалы. Сторонники французских, бельгийских, немецких и итальянских правых неоднократно выступают на страницах журнала, а некоторые из них даже принадлежат к числу официальных издателей.

Таким образом, девиз "Элементов" звучит так: "Правые радикалы всех стран – Запады и Востока – соединяйтесь!", вместо евразийского девиза: "Исход к Востоку!"

Перед евразийцами не стояло и вопроса о сотрудничестве с политическими силами Запады любой масти. Они критиковали как русских царей, которые из мотивов легитимности солидаризировались с западными монархами, так и большевиков, которые во имя "пролетарской солидарности" массивно поддерживали западных коммунистов. В обоих случаях российские режимы оказывались, как считали евразийцы, впутанными в ненужные конфликты³⁰.

Таким образом, в связи со своей опорой на западноевропейских правых, а также по другим видимым причинам, "Элементы" явно нарушают заветы евразийцев. Почему же тогда журнал, несмотря ни на что, подчеркивает евразийский характер своей программы? Создается впечатление, что такая аргументация представляет собой своего рода камуфляж с целью придать распропагандированной журналом праворадикальной программе вид респектабельности, облагородить ее.

Если не евразийцы, то кто же тогда является истинным духовным предшественником "Элементов"? Без сомнений, как уже было сказано, – это Веймарские правые, столь часто цитируемые журналом. Запрещенные в советские времена праворадикальные идеи теперь по несчетным каналам стекаются в Россию, и "Элементы" принадлежат к важнейшим распространителям этих идей. Тексты Карла Шмитга, Артура Мёллера ван ден Брука, Эрнста Юнгера и других крайних противников Веймарской республики, в которых они демонизируют либерализм и глумятся над правовым государством выдаются "Элементами" за последнее слово европейской мысли³¹. О том, что эти идеи на Западе, не в последнюю очередь в самой Германии, уже на протяжении поколений, прежде всего после падения Третьего рейха, отправлены на "задворки истории", журнал старательно умалчивает. Создается впечатление, что издатели "Элементов" и их товарищи по духу хотят превратить Россию в экспериментальное поле, на котором испытываются устаревшие западные идеи, точно так же, как это сделали большевики после 1917 г. И тогда большевистское правительство выдавало свое материалистическое и атеистическое мировоззрение, свою веру в "чудеса" техники и индустрии за последнее слово европейской культуры. На Западе же к тому времени вера в науку и технику уже была расшатана. Разрушения Первой мировой войны, которые отчасти были

³⁰ И.Р. (Трубецкой) Наследие, С. 48-49.

³¹ См.: Элементы. 1/92. С. 51-53; 3/1993. С. 30-32; 4/1993. С. 55-57.

вызваны продуктами научно-технической революции, имели такие масштабы, что открыли европейцам глаза на губительные аспекты технического прогресса. Большевики не замечали, насколько "несовременной" была их вера в "прогресс". Наивная позитивистская вера в прочность материального мира, которую исповедовали большевики, также была к тому времени поставлена под вопрос интеллектуальной элитой, и не только на Западе, но и в России, например, авторами опубликованного в 1909 г. сборника «Вехи»³².

Сходным образом издатели "Элементов", кажется, не осознают, насколько устаревшими являются идеи Веймарской консервативной революции сегодня, особенно ввиду их дискредитации национал-социализмом. Здесь видна некоторая аналогия с идеями марксизма дискредитированными «реально существующим социализмом». Однако, в случае марксизма речь идет об, очевидно, более амбивалентном феномене, чем консервативная революция. Наряду с террористическо-утопистскими потенциями, которые ярко выразились в большевизме, марксизм содержит и эмансипаторские тенденции, которые наиболее сильно проявились в европейской социал-демократии. Подобная амбивалентность не обнаруживается в консервативной революции, мечтавшей о национальной диктатуре, о ликвидации правового государства "без чести и достоинства" (Эрнст Форстхоф)³³, о безграничной экспансии, основанной на войне, о Германии, сосредоточенной на мировом господстве. Ее страстное стремление к "Третьему рейху"³⁴ должно было неизбежно вылиться в настоящий Третий рейх, который и возник 30 января 1933 г. Неожиданные победы НСДАП на выборах в рейхстаг в начале 30-х годов были с воодушевлением встречены большинством консервативных революционеров. Левоориентированный Эрнст Никиш вместе со своей группой «Сопrotивление» принадлежал к небольшому числу скептиков³⁵. И это несмотря на то, что некоторые элитарные круги консервативной революции насмеялись над плебейским характером национал-социалистического движения, как, впрочем, и над попытками Гитлера захватить власть не революционными, а законными парламентскими способами. Это были, однако, не слишком важные детали. Для абсолютного большинства представителей консервативно-революционного лагеря восхождение НСДАП символизировало конец ненавистной либеральной эпохи, мнимое начало национального возрождения³⁶.

Не без основания они считали создание Третьего рейха не в последнюю очередь и своей заслугой. Лишь постепенно, словно ученики чародея, они начали осознавать, какого джинна выпустили из бутылки. Иллюзии постепенно

³² См.: Luks L. Entstehung der kommunistischen Faschismustheorie. Die Auseinandersetzung der Komintern mit Faschismus und Nationalsozialismus 1921–1935. Stuttgart, 1985. P. 197-199.

³³ Forsthoff. E. Der totale Staat. Hamburg, 1933. P. 13.

³⁴ Moeller van den Bruck. A. Das dritte Reich. Hamburg, 1931.

³⁵ Niekisch. E. Hitler – ein deutsches Verhängnis. Berlin, 1932.

³⁶ См.: Rauschnig H.. The Conservative Revolution. New York, 1941; Mohler A.. Die Konservative Revolution in Deutschland. Der Grundriss ihrer Weltanschauung. Stuttgart, 1950.

рушились. Некоторые зачинатели событий 30 января 1933 г. пали жертвой гитлеровской деспотии (Эдгар Юнг), другие же ушли во «внутреннюю эмиграцию» (Эрнст Юнгер).

Что же думают по поводу Третьего рейха издатели "Элементов"? В отличие от консервативных революционеров времен Веймарской республики, они имеют возможность осознать его характер и последствия его апокалиптических преступлений. Осуждают ли их "Элементы"? Нужно иметь в виду, что отношение к национал-социалистическому режиму у издателей журнала весьма критическое. Однако, в отличие от либеральных "мондиалистов", национал-социалисты ни в коем случае не демонизируются, а рассматриваются как духовные союзники, которые просто заблуждались. Гитлер критикуется за его твердолобый национализм, за антирусские и антиславянские настроения. Эти его ошибки помешали возникновению широкого паневропейского альянса против западных демократий, считает Александр Дугин в своей статье «Консервативная революция...», опубликованной в первом номере журнала³⁷. Крах Третьего рейха вызывает, в общем, сожаление автора. Хотя национал-социализм искажил некоторые постулаты консервативной революции, "(но) все же поражение Германии во Второй Мировой войне было сокрушительным поражением всей идеологии Третьего Пути", считает Александр Дугин³⁸.

Дугин рассматривает Третий рейх, однако, не как целостное образование. Наряду с непримиримыми германоцентристами в нем были также и открытые миру, проевропейски настроенные силы. Они апеллировали почти ко всем народам Европы. Эту идеологию представляло, с точки зрения Дугина, в первую очередь ...: «Ваффен-СС и особенно научный сектор этой организации «Аненэрбе»» (sic!), которая рассматривается Дугиным как своего рода «интеллектуальный оазис» в Третьем рейхе: "(Вместо) узконационального германизма внешней пропаганды, СС стояло за единую Европу, разделенную на этнические регионы с нео-феодальными центрами, и при этом этническим немцам никакой особой роли не отводилось. Сама эта организация была международной, и в нее входили даже представители "небелых" народов... СС воспроизводило определенные стороны средневекового духовного рыцарского Ордена с типичными идеалами преодоления плоти, нестяжательства, дисциплины, медитативной практики"³⁹.

Невольно это прославление СС напоминает известную речь Генриха Гимmlера в октябре 1943 г., в которой он хвалил членов СС за то, что выполняя историческое задание в борьбе с еврейским народом «они сохранили свою внутреннюю порядочность»⁴⁰.

³⁷ Дугин А. Консервативная революция. Краткая история идеологий третьего пути///Элементы. 1/1992. С. 53; Элементы 3/1993. С. 21.

³⁸ Дугин. Консервативная революция. С. 54.

³⁹ Там же. С. 54.

⁴⁰ Цит. по: Thamer H.-A. *Verführung und Gewalt. Deutschland 1933–1945*. Berlin, 1986. P. 703.

Гитлер в журнале не только осуждается. В шестом номере журнала напечатано интервью с Леоном Дегреллем – бывшим лидером крайне правой валлонской партии и одновременно лидером СС-дивизиона "Валлония". Дегрелль, который принадлежал к любимцам "лидерам нацизма", называет Гитлера величайшей фигурой европейской истории: «Гитлер был величайший человек европейской истории. Он боролся за идеал, за идею. Он развивался. Начав с узко национального, сугубо германского лидера, он постепенно учился мыслить европейскими категориями, и так вплоть до общепланетарного масштаба... Часто его изображают как истерика, психопата, с трясущимися руками. Это все пропаганда. Он был удивительно воспитанный и обаятельный человек, вежливый, внимательный, сосредоточенный. Проиграв эту войну, потеряли шанс своего великого будущего не только Германия, но вся Европа, весь мир. Посмотрите, какой мир построили сегодня победители, его враги. Царство денег, насилия, смещения, вырождения, низменных недочеловеческих инстинктов... Нет высшей Идеи. Мы сражались за нечто Великое. И, Вы знаете, духовно мы не проиграли. У них нет одного – Веры... Это была война идеалистов и романтиков против двух типов материализма — капиталистического и марксистского. Они могут отнять у нас нашу жизнь. Нашей Веры у нас они не отнимут. Поэтому я и написал книгу с таким названием: *"Гитлер на тысячу лет"*⁴¹.

Это прославление массового убийцы одним из его помощников прокомментировано в журнале лишь такими словами: "Последний Фольксфюрер умер как верующий христианин в присутствии кюре, после последнего причастия. Он был верен своей Идее до последнего часа"⁴².

IV.

К идеологическому профилю "Элементов" принадлежит наряду с полной идентификацией с национал-большевистскими и праворадикальными позициями, также известный интерес к геополитической проблематике. На первый взгляд кажется, что вот здесь журнал сходится с евразийцами, которые придавали в своих работах большое значение геополитическим и географическим факторам. Но и это впечатление обманчиво. Евразийцы, особенно известный экономист и географ Петр Савицкий, интересовались в первую очередь культурными и экономическими аспектами геополитики и географии, вопросами географического влияния на разные народы и этносы, тем как оно, это влияние, сказывается на постепенном сближении и единении народов. Одновременно евразийцы настаивали на экономической автаркии евразийского субконтинента, изучали географические факторы, которые были

⁴¹ Последний фольксфюрер //Элементы 6/1995. С. 48.

⁴² Там же.

бы благоприятны для создания независимой экономической системы. Такие вопросы играют для "Элементов" второстепенную роль. Самые важные аспекты, связанные с геополитикой, интересующие "Элементы" – стратегического толка, вопросы об удобной исходной позиции в будущей войне материков, в которой сойдутся континентальные и морские державы⁴³.

Американскому миру, униполярности мира, "Элементы" противопоставляют биполярную концепцию, которая должна возобновить конфронтацию между Востоком и Западом. Журнал рекомендует всем противникам "мондиалистов" или англосаксонских морских держав закончить все свои внутренние споры и сосредоточиться на создании великого континентального альянса – только так можно добиться победы в предстоящей судьбоносной битве. Этот альянс должен объединить всех прошлых, нынешних и будущих противников англосаксонских демократий – Германию и Японию, Россию и Китай, Индию и исламские государства, наконец, "порабощенную" Западную Европу⁴⁴. Издатели журнала признавали, что такой стратегический союз с Западной Европой противоречит представлениям их евразийских предшественников. Однако в сравнении с 1920-ми годами, когда евразийцы развивали свои тезисы, расположение сил в мире основательно переменялось, считали издатели «Элементов». Преимущество "мондиалистов" стало таким впечатляющим, что их противники должны мобилизовать все силы – без оглядки на культурные противоречия, например, между Россией и Западной Европой⁴⁵.

Какие государства должны доминировать в так называемой "антимондиалистской" коалиции? Речь, по мнению журнала, идет только о двух государствах: о Германии и о России. Однако для того, чтобы справиться с этой ролью, они должны полностью освободиться от "мондиалистских" влияний, как внешних, так и внутренних, и возродить свои имперские традиции. Для континентального альянса было бы большим преимуществом, если бы его возглавляла возрожденная Российская империя, так считают "Элементы". Стратегически Россия расположена в центре евразийского пространства, а значит, гораздо менее уязвима, чем Германия, которая находится на окраине. Кроме того, Германия, в случае возрождения своей прежней мощи, может пережить новую волну национальной мании величия, как это уже произошло во время Второй мировой войны, что может иметь для континентального альянса роковые последствия.

Возрождение Российской империи и гегемония России на всем евразийском пространстве являлись для «Элементов» судьбоносным вопросом. Если Россия откажется от своих имперских притязаний, то другие государства используют

⁴³ См. Геополитические проблемы ближнего зарубежья// Элементы 3/1993. С. 18-20; А.Д. (Александр Дугин): От сакральной географии к геополитике. Там же. С. 37-39; Россия и пространство// Элементы 4/1993. С. 31-35.

⁴⁴ Россия и пространство. С. 31.

⁴⁵ Там же. С. 31-35.

вакуум власти, образовавшийся в результате развала Советского Союза, и превратят Россию в свою колонию. Итак, по мнению издателей журнала, перед Россией стоит только одна альтернатива: снова стать провинцией другой гегемониальной державы либо восстановить собственную гегемонию. Но в отличие от тех, кто испытывает ностальгию по империи в сегодняшней России, издатели "Элементов" не удовлетворялись простым возвратом к прежнему. Реставрация первоначальных границ Российской или Советской империи представляла собой только первую ступень их стратегического плана. Ведь главной целью восстановления империи им виделась борьба с американским мировым господством, борьба с «мировым злом», борьба не на жизнь, а на смерть. И опять журнал показал, как далеко он ушел от основ "классического" русского евразийства и как сильно его программа напоминает "революционную территориальную политику" Веймарских правых. Многие сторонники радикального крыла Веймарских правых считали, что мировое господство является единственным средством, которое в состоянии облегчить страдания немцев: "Власть над миром является адекватной возможностью... облегчить страдания народу перенаселенной страны", – писал в 1923 г. один из проповедников консервативной революции Мёллер ван ден Брук в своей книге "Третий рейх". Десять лет спустя "реально существующий" Третий рейх начал осуществлять эту программу. Итак, идейный корпус журнала "Элементы" оказывается импортированным продуктом. Так или иначе речь идет об устаревших идеях, дискредитация которых началась 30 января 1933 г. Именно Германия – страна, в которой этот продукт был произведен, знает, каким неприятным может быть его вкус.

Опубл. в «Вопросах философии», 5, 2000. По немецки в журнале „Studies in East European Thought“, 52, 2000 (печатается с некоторыми изменениями)

Авторизованный перевод с немецкого А.В. Маркина

V.3. Тоталитарное прошлое России и Германии и пути его преодоления. Краткие заметки к статье Льва Гудкова «Как мы думаем».

В своем очерке, посвященном состоянию «сегодняшней либеральной мысли в России» Лев Гудков глубоко и многосторонне проанализировал причины неудач и поражений либерального движения в постсоветской России. Однако, с одним постулатом автора я хотел бы поспорить. Гудков пишет: «Слепая вера в неизбежность демократии в России...закрывает возможность учета и понимания громадной исторической инерционности общественно-политической культуры основной массы населения и институтов поддерживающих ее...Тонкий слой сопротивляющегося меньшинства ... не меняет принципиальную структуру взаимодействия государства и населения. Пока эта тематика – массовая основа консерватизма и повседневной терпимости к насилию – не будет проанализирована и осмыслена (как в свое время это было сделано в отношении нацизма), никакие движения протеста не изменят ситуации в обществе, не могущего преодолеть тоталитарное прошлое».¹

Сравнивая борьбу с тоталитарным наследием в послевоенной Германии и в постсоветской России Гудков недостаточно учитывает следующее обстоятельство. Тот факт, что попытки команды Бориса Ельцина избавиться от тоталитарного наследия и модернизировать страну, не привели к желаемым результатам, связан, конечно, с чрезвычайно многими изъянами «шоковой терапии», проведенной в начале 1990-х годов, повсеместной коррупцией, влиянием мафиозных структур на многие отрасли экономики и так далее, но главной причиной эрозии хрупкой «второй» русской демократии, созданной после падения советской власти, является тот факт, что постсоветская Россия вынуждена была выходить из тоталитарного тупика, в который загнали ее в октябре 1917 года большевики, если не считать некоторых исключений, в сущности, в одиночку. При этом нельзя забывать, что Россия была первой европейской страной ставшей жертвой тоталитарного эксперимента, разрушающего правовые и социальные основы, а также и экономические стимулы, необходимые для развития современного общества. Когда Михаил Горбачев и его команда во второй половине 1980-х гг. начали бороться с брежневским застоєм и отказались от провозглашенного Лениным классового принципа - «кто кого», память о дототалитарном прошлом сохранилась лишь у немногих советских граждан. Иначе обстояли дела в других европейских

¹ Гудков Л. Как мы думаем//Фонд Либеральная миссия 03.02.2021.

странах, попавших в свое время в тоталитарную «западню». Радикальная «перековка» общества длилась там, как правило, гораздо короче, чем в России, или в СССР. Но несмотря на это, успешный выход этих стран из тоталитарного тупика был возможен, главным образом, потому, что им была оказана массивная поддержка извне. Без плана Маршалла и интеграции в европейские структуры, Германии, после беспримерной нацистской катастрофы, вряд ли удалось бы построить самую стабильную в истории страны демократию. А довольно успешная трансформация в странах, находящихся на западной периферии бывшего Восточного блока оказалась возможной, в сущности, лишь благодаря массивной помощи ЕС, т. е. благодаря так называемой «европейской перспективе». О «европейской перспективе» мечтали в конце 1980-х и в начале 1990-х годов также и многие советские и российские реформаторы. То обстоятельство, что распад Восточного блока и преодоление существовавшего со времен Ялты европейского раскола прошли, к величайшему изумлению мировой общественности, относительно мирно, объясняется именно тем, что реформаторски настроенные группировки политического класса СССР и России конца 1980-х и начала 1990-х гг. ориентировались в своих действиях на принятые на Западе нормы. Они отказались от брежневской доктрины, постулирующей ограниченный суверенитет соцстран, так как она никак не соответствовала пропагандируемой Горбачевым идее «общеевропейского дома». Но построить этот дом, как известно, не удалось. И это несмотря на то, что в политической элите постсоветской России в начале 1990-х годов все еще преобладали проевропейские ориентации. В то время как интеграционные процессы в западной части европейского континента все более углублялись, Россия оставалась как бы на периферии этого развития. Конечно, после свержения советской власти, экономические, культурные и политические связи России с внешним миром чрезвычайно углубились, но полной интеграции страны в сверхнациональные структуры по образцу ряда других посттоталитарных стран не произошло. Это и является одной из главных причин неудачи модернизационного проекта постсоветской эпохи, а также эрозии возникшей после августовской революции 1991 г. «второй» российской демократии и ее замены «управляемой демократией». Изоляционистские силы, которые ставят под вопрос европейский характер России, усилились как в самой России, так и на Западе. Российские «европейцы», которым континент во многом обязан мирным преодолением десятилетиями длившегося раскола, вынуждены лишь обороняться, и кажется, что они полностью проиграли борьбу с радикальными противниками Запада в стране. Однако, в истории, как правило, не бывает ничего окончательного. Вовсе не исключено, что приверженцы русского европеизма в сегодняшней России, при более благоприятных для них обстоятельствах, смогут вернуться на политическую сцену, как это уже не раз бывало в истории страны.

Теперь я хотел бы обратить внимание на еще одно различие между немецким и российским опытом переосмысления тоталитарного наследия.

Сначала о Германии: Национал-социалистический режим достиг вершины своей радикальности незадолго до своего краха. Почитатель Рихарда Вагнера Гитлер пытался инсценировать гибель Третьего рейха как «сумерки богов». Гитлер считал себя и созданный им «новый порядок» апогеем немецкой истории. С его смертью должна была завершиться и немецкая история. В марте 1945 г. Гитлер заявил в беседе с министром вооружения Шпеером: «Если будет проиграна война, исчезнет и немецкий народ. Нет необходимости сохранять основы, которые нужны немецкому народу для продолжения примитивного существования. Напротив, лучше уничтожить сами эти основы. Ибо народ проявил свою слабость, и будущее исключительно принадлежит более сильному восточному народу. Все, что останется после этой битвы, и без того неполноценно, ибо все наиболее ценные представители нации погибли на фронте».²

Так крах немецкого тоталитарного эксперимента ознаменовался беспрецедентным саморазрушением.

Можно назвать своего рода парадоксом тот факт, что самая стабильная в истории Германии демократия была создана после величайшей катастрофы в истории страны. Однако, оба эти явления тесно связаны друг с другом. Так как Германия в 1945 году была совершенно разгромлена, здесь не мог, в отличие от 1918 года, появиться миф о «непобежденной на поле боя нации», у которой, якобы, в последнюю минуту была украдена победа. После разгрома Третьего рейха не возникла в Германии, в отличие от эпохи после Первой мировой войны, также и зловещая легенда об «ударе ножом в спину». Так как оппозиционные группировки, которые согласно авторам этой легенды в 1918 году, якобы, предали страну, в 1945 году не существовали. Они были разгромлены нацистами уже в 1933 году, сразу же после прихода Гитлера к власти. В 1945 году никто также, в отличие от 1918 года, не сомневался, кто является главным виновником войны. Берлинский историк Генрих Август Винклер пишет: «Тот факт, что главная ответственность за войну лежит на руководстве Третьего рейха был так очевиден, что легенды о якобы ни в чем не виноватой Германии не могли охватить массы».³

Таким образом, «вторая» немецкая демократия могла развиваться без балласта мифов и легенд, которые в свое время отравляли политическую культуру Веймарской демократии и привели, в конечном итоге, к ее уничтожению.

² Цит. по Thamer H.-U. *Verführung und Gewalt. Deutschland 1933–1945*. Berlin, 1986. P.760.

³ Winkler H. A. *Der lange Weg nach Westen*. München, 2002. Vol. 2. P.122.

В Советском Союзе и в России борьба с тоталитарным, в первую очередь, со сталинским прошлым, проходила по совершенно другому сценарию. Здесь отмежевывалась от тоталитарного сталинского наследия и от культа вождя та же партия, которая водрузила Сталина на пьедестал. Таким образом, разоблачение культа личности и связанного с ним сталинского террора на XX съезде КПСС должно было воплощать не только разрыв, но и преемственность. В Советском Союзе, в отличие от Германии, не было нулевой точки отсчета. Но это не умаляет эпохального значения «посмертного свержения тирана», которое было осуществлено первым секретарем ЦК КПСС на XX съезде. То факт, что высшей инстанцией КПСС – съездом партии – был свергнут с пьедестала «богу подобный образ», который воплощал сущность советской системы на протяжении четверти века, должен был непременно сотрясти фундаменты режима, т. к. культ Сталина представлял не только бюрократическую меру, предписанную сверху. Он был внедрен в подсознание миллионов советских людей: исполнителей и жертв – хоть и в разной мере. Литературовед Натан Эйдельман говорил в годы перестройки о сталинском гипнозе, которому было подвержено советское общество с середины 1930-х годов вплоть до смерти деспота.⁴ Поэтому доклад Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС послужил началом динамичного процесса, который невозможно было, в сущности, остановить. Несмотря на все реставрационные попытки правящей олигархии – особенно в брежневский период.

В горбачевскую эпоху именно разоблачение сталинских преступлений придало перестройке беспрецедентную динамику. Все попытки подвести черту под едва начавшимися тогда дебатами о прошлом, оказались безрезультатными. Сторонники беспощадного разоблачения коммунистического прошлого начали, как известно, подкапываться не только под сталинское наследие, но и под ленинский монумент, а это значит, подрывать сами основы режима. В связи с этим, тезис о якобы не состоявшемся в России переосмыслении прошлого, с моей точки зрения, не очень точен.

Парадоксом кажется тот факт, что этот процесс переосмысления тоталитарного прошлого страны, именно после полного краха попытки коммунистического путча в августе 1991 г. и после запрета КПСС в ноябре 1991

⁴ Эйдельман Н. Сталинский гипноз//Московские новости 24.07.1988. С.2.

г. затормозился. Хотя профессиональные историки, благодаря «архивной революции», которая в то время произошла, начали публиковать неслыханное количество исследований и сборников документов разоблачающих сталинские преступления, на широкую общественность эти факты мало влияли. Популярность Сталина непрерывно росла. Более половины опрошенных россиян восхваляют одного из самых кровавых тиранов в новейшей истории, как выдающегося государственного деятеля. Если учесть, что преступления Сталина были направлены, в первую очередь, против собственного народа, которому он объявил войну в мирное время,⁵ то прославление кремлевского деспота потомками его бесчисленных жертв, выглядит особенно абсурдно.

Это добровольное поклонение тирану, который стремился к тому, чтобы все население страны превратить в бессловесные и покорные «винтики» тоталитарного механизма, связано, конечно, с тем, что победившие в августе 1991 г. демократы быстро утратили свой кредит доверия. Теперь демократические ценности переживают такую же эрозию, как ранее коммунистические, писал в 1992 году публицист Леонид Радзиховский. Постепенно слово «демократия» стало ругательным.

Помимо всего прочего, в России произошла смена парадигм, типичная для тех обществ, которые незадолго до того пережили глубокий переворот. Относительно такого «постреволюционного синдрома» британский советолог Эдуард Халлетт Карр уже много лет назад сделал следующее замечание: за каждым революционным разрывом с прошлым следует спустя какое-то время тоска по восстановлению исторической преемственности. Это наблюдение Карра оказалось справедливым и для постсоветской России. А как иначе можно объяснить положительную оценку роли Сталина в советской истории более чем половиной опрошенных?

Но с другой стороны, нельзя забывать, что в российской истории укоренены не только имперско-этатистские, но и свободлюбивые традиции, которые уже не раз заставляли власть имущих, идти на компромисс с обществом, учитывать его ожидания и стремления. Это произошло и в эпоху великих реформ Александра II, которого можно назвать своего рода «декабристом на троне», и во время XX съезда КПСС, а также и в эпоху горбачевской перестройки. Такое развитие и в будущем не исключено.

*Статья была опубликована на сайте Фонда «Либеральная миссия» (10.2.2021).
См. также мою книгу «К столетию «философского парохода». Мыслители*

⁵ В апреле 1938 г. когда сталинский «большой террор» достиг своего апогея, Георгий Федотов писал: «Сталин ведет войну со всей Россией. Если, конечно, можно назвать войной одностороннее избиение безответных и безоружных пленников... Один человек – против всей страны.» (Федотов Г. Что происходит в России?/ его же: Защита России. Париж, 1988. С.190-191.

*«Особые пути» России и Германии в XX веке: параллели и контрасты
№ 3, 2023 - Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры:
книжное приложение*

*«первой» русской эмиграции о русской революции и о тоталитарных соблазнах
XX века». ibidem. Stuttgart, 2023.*

Коротко о книге

«Особые пути» России и Германии в XX веке: параллели и контрасты. Сборник статей

XX столетие начиналось с бунта против плюралистически устроенных обществ и отстаиваемых ими ценностей. В своем радикализме бунт этот превзошел все предшествующие волнения подобного рода. Германия и Россия образовали центр этого восстания против ценностей, которые принято ассоциировать с Западом. Конечно, необходимо иметь в виду, что этот бунт в Германии, с одной стороны, а в России с другой, вдохновлялся диаметрально противоположными идеями. В Германии антизападное восстание было направлено в первую очередь против идеалов Французской революции, против так называемых «идей 1789 года».

Несмотря на то, что Германия была частью западного мира, радикальная критика многих конститутивных для этого мира ценностей являлась традиционным элементом немецкой культурной истории. Еще Федор Достоевский назвал Германию «страной протестующей».

Иначе обстояло дело в начале XX века в России. Здесь отталкивание от Запада вдохновлялось западными же идеями, прежде всего идеями 1789 года. В 1917 году казалось, что России суждено стать новым прибежищем идеалов 1789 года, которые якобы предала западная буржуазия.

Результатом восстаний против ассоциируемых с Западом идей было возникновение тоталитарных режимов в России и в Германии. Цели, которых эти режимы пытались достичь, были сформулированы еще некоторыми радикальными мыслителями XIX в., однако по характеру своему эти цели были совершенно утопическими. В XX в. выяснилось, однако, что эти утопии не столь далеки от жизни, как это представлялось вначале.

Анализу причин успехов и поражений тоталитарных режимов в России и Германии, их сходствам и различиям, а также их идеологическим истокам посвящен этот сборник статей.

Коротко об авторе

Леонид Люкс родился в 1947 году в Свердловске (ныне Екатеринбург) и спустя некоторое время переехал в Польшу. В 1965 году окончил среднюю школу в Щецине. Изучал историю и славистику в Иерусалиме и Мюнхене. В 1973 году защитил кандидатскую, а в 1981 докторскую диссертацию в Мюнхенском университете. Преподавал историю в университетах Мюнхена, Бремена, Кельна, а с 1995 до 2012 года возглавлял кафедру новейшей истории Центральной и Восточной Европы в Католическом университете г. Айхштетт. 2011–2015 – директор Института по изучению Центральной и Восточной Европы Католического университета в Айхштетте. С 2017 до марта 2022 года был Научным руководителем «Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога» (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»). Главный редактор журналов «Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры» и „Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte“.

Важнейшие публикации

1. Entstehung der kommunistischen Faschismustheorie. Die Auseinandersetzung der Kommunisten mit Faschismus und Nationalsozialismus 1921–1935 (Возникновение коммунистической теории фашизма. Споры о фашизме и национал-социализме в Коммунистическом Интернационале 1921–1935) DVA, Stuttgart, 1985.
2. Katholizismus und politische Macht im kommunistischen Polen 1945–1989. Die Anatomie einer Befreiung (Католицизм и власть в коммунистической Польше 1945–1989. Анатомия освобождения), Böhlau, Köln, 1993.
3. Россия между Западом и Востоком. Сборник статей. Московский Философский Фонд, М., 1993.
4. Geschichte Russlands und der Sowjetunion. Von Lenin bis Jelzin (История России и Советского Союза. От Ленина до Ельцина), Pustet, Regensburg, 2000.
5. Третий Рим? Третий Рейх? Третий путь? Исторические очерки о России, Германии и Западе, Московский Философский Фонд, М., 2002.
6. Der russische „Sonderweg“? Aufsätze zur neuesten Geschichte Russlands im europäischen Kontext (Российский «Особый путь»? Очерки о новейшей истории России в европейском контексте) ibidem, Stuttgart, 2005.
7. Zwei Gesichter des Totalitarismus. Bolschewismus und Nationalsozialismus im Vergleich. 16 Skizzen (Два облика тоталитаризма. Большевизм и национал-социализм в сравнении. 16 очерков), Böhlau, Köln, 2007.
8. История России и Советского Союза. От Ленина до Ельцина. РОССПЭН, М., 2009.
9. Freiheit oder imperiale Größe? Essays zu einem russischen Dilemma (Свобода или имперское величие? Очерки о русской дилемме). ibidem, Stuttgart, 2009.

10. Западничество или евразийство? Демократия или идеократия? Сборник статей об исторических дилеммах России. *ibidem*, Stuttgart, 2011.
11. Zeithistorische Streitfragen. Essays und Repliken. LIT Verlag, Berlin- Münster 2012.
12. Два облика тоталитаризма. Сравнительные очерки об истоках и характере большевизма и национал-социализма. Книжное приложение к журналу «Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры». Айхштетт, 2014. Т. 1.
13. Der Abschied vom Kommunismus – die Rückkehr nach Europa? Beiträge zur russischen und polnischen Zeitgeschichte. *ibidem*, Stuttgart, 2104.
14. Die Rückkehr des Imperiums? Der neue Moskauer Paternalismus und seine Widersacher. Essays. LIT Verlag, Berlin-Münster 2015.
15. Zwei „Sonderwege“? Russisch-deutsche Parallelen und Kontraste (1917–2014). Vergleichende Essays. *ibidem*, Stuttgart, 2016.
16. Totalitäre Versuchungen. Russische Exildenker über die Ursachen der russischen Revolution und über den Charakter der europäischen Krise des 20. Jahrhunderts. LIT Verlag Berlin-Münster, 2017.
17. A Fateful Triangle. Essays on Contemporary Russian, German and Polish History. *ibidem*, Stuttgart, 2018.
18. Wiederholt sich die Geschichte? Die europäische Krise der 1930er Jahre aus zeitgenössischer und aus heutiger Perspektive. Essays und Kolumnen. LIT Verlag, Berlin-Münster, 2019.
19. Europäisch oder Eurasisch? Kontroversen um die russische Identität. Essays. Springer Verlag. Wiesbaden, 2020.
20. Macht und Ohnmacht der Utopien. Essays zur Geschichte Russlands im 20. und 21. Jahrhundert. *ibidem*-Verlag. Stuttgart, 2022.
21. К столетию «философского парохода». Мыслители «первой» русской эмиграции о русской революции и о тоталитарных соблазнах XX века. *ibidem*. Stuttgart, 2023.